БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ“

52

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

СОЧИНЕНІЕ ФР. МЕРИНГА

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДН. НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ

Цѣна 90 коп.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“
С.-Петербургъ, Забалканскій пр., соб. д. № 75

Библіотека „Просвѣщенія“.

Исторія германской соціалъ-демократіи.

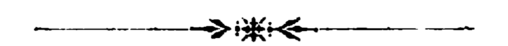
Соч. Фр. Меринга.

Выпускъ восьмой.

Подъ дѣйствіемъ закона противъ соціалистовъ.

Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія

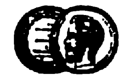
Г. Б. Бархина и В. Д. Даревскаго.



С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,

Забалканскій проспектъ, № 75.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“.
С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.


Оглавленіе.

Подъ дѣйствіемъ закона противъ соціалистовъ.

Книга шестая.

Подъ дѣйствіемъ закона противъ соціалистовъ.

Глава первая.

Годъ замѣшательства.

Современное рабочее движеніе свободно отъ всякаго буржуазнаго романтизма. Ничто не дается безъ труда борющемуся пролетаріату; шагъ за шагомъ, отъ самаго малаго до крупнаго, онъ все долженъ брать съ бою. Послѣ нѣкотораго блужданія, онъ попадаетъ на путь, ведущій къ желанной цѣли. Законъ противъ соціалистовъ поставилъ германскую соціалъ-демократію передъ совершенно новой задачей; поэтому она должна была ощупью, на пробу искать себѣ новыхъ путей, и ей не всегда сразу удавалось попасть на вѣрную дорогу. Только благодаря ея высокому развитію, укорачивались междуэтапные промежутки въ ростѣ ея сознанія; уже не десятилѣтіе, а только еще одинъ годъ внутреннихъ смутъ предшествовалъ ея вступленію во второй великій періодъ жизни.

21 октября 1878 года былъ опубликованъ въ „Имперскомъ Указателѣ" законъ противъ соціалистовъ, и вслѣдъ за этимъ начался разгромъ соціалъ-демократическихъ газетъ, сочиненій и союзовъ. Начало эры запрещеній открыло собой собраніе стихотвореній Леопольда Якоби: „Да будетъ свѣтъ!". Казалось, что президентъ полиціи фонъ-Мадай, сосредоточившій въ своихъ рукахъ наблюденіе надъ примѣ-

неніемъ этого закона во всей Германіи, потѣшалъ самъ себя фривольной шуткой: изъ 47 политическихъ газетъ партіи только двѣ спасли свое существованіе, одна въ Нюрнбергѣ и одна въ Оффенбахѣ. Обѣ своевременно перемѣнили свое заглавіе и стали писать очень осторожно; но другимъ газетамъ не помогли и эти средства. Попытка издавать безцвѣтные листки, вмѣсто запрещенныхъ газетъ, тоже не вездѣ удавалась; не удалась она и въ Берлинѣ. Одновременно съ этимъ были запрещены и многочисленные рабочіе союзы, которые возникли со времени закрытія партійныхъ организацій. Многіе изъ нихъ добровольно прекратили свое существованіе въ послѣднюю минуту; такъ же поступали и всѣ профессіональные союзы, между которыми, впрочемъ, союзъ книгоиздателей, тоже сильно стѣсненный, составлялъ самое значительное исключеніе. Въ такомъ же количествѣ, какъ профессіональные союзы, исчезали и ихъ газеты. Сильнѣйшіе удары уже посыпались въ первыя недѣли: „Vorwärts“, „Berliner Freie Presse“ и „Hamburg-Altonaer Volksblatt“, эти три главныхъ органа партіи, насчитывавшіе вмѣстѣ почти 45,000 подписчиковъ, должны были уже съ первыхъ дней почувствовать ихъ на себѣ. Въ ближайшіе мѣсяцы была собрана вторая богатая жатва; до 30 іюня 1879 года было запрещено 217 газетъ, 5 кассъ, 127 періодическихъ и 278 неперіодическихъ изданій.

Жестокости этого массоваго убійства соотвѣтствовало его вѣроломство. Какъ бы пренебрежительно ни относиться къ близорукости націоналъ-либераловъ, которыхъ ввели въ обманъ фразы Бисмарка и Эйленбурга о „лойяльномъ употребленіи“ закона, но этимъ никоимъ образомъ нельзя оправдать нарушеніе своего слова правительствомъ. Послѣднее основательно позабыло всѣ свои полныя и неполныя обѣщанія. Оно подавило не только „угрожающія общественному порядку стремленія“ соціалъ-демократіи, но также и все,

что имѣло какую-нибудь связь съ ней, не щадило ни научной литературы соціализма, ни профессіональныхъ организацій съ ихъ заявленными кассами вспомоществованія, и смело „защитительныя мѣропріятія“ націоналъ-либераловъ, какъ паутину. Имперская комиссія, о „судейскихъ гарантіяхъ“ которой спорили цѣлыя недѣли, проявила себя не болѣе реально, чѣмъ игра тѣней на стѣнѣ; изъ 627 запрещеній, обнародованныхъ до средины 1879 года и, по крайней мѣрѣ, на три четверти по смыслу и толкованію самого этого закона, недозволительныхъ, она кассировала ровно шесть; главнымъ образомъ, только такія, которыя касались буржуазной литературы, какъ „Квинтъ-эссенція соціализма“ Шеффле и одинъ номеръ прогрессистской газеты; изъ всѣхъ достойныхъ быть упомянутыми произведеній соціалистической литературы она разрѣшила только „Защитительную рѣчь“ Лассаля 1849 г.

Само собой понятно, что во время обсужденія закона противъ соціалистовъ внутри соціалъ-демократической партіи поднимался вопросъ, какъ держать себя послѣ принятія. Насильственное сопротивленіе этому лишенію правъ рабочихъ было бы совершеннымъ безуміемъ, но также немедленно была отвергнута и напрашивавшаяся мысль о тайной организаціи. Для широкаго и могучаго движенія были невозможны никакіе тайные союзы; и если бы все же была сдѣлана попытка къ ихъ устроенію, то этимъ только оказали бы услугу полиціи. Ничего другого не оставалось, какъ до поры до времени выжидать, чтобы увидѣть самое примѣненіе новаго закона. Въ день обнародованія послѣдняго „Vorwärts“ выразилъ готовность выполнить „тяжелую удручающую работу“ — писать въ духѣ, удовлетворяющемъ требованіямъ новаго закона.

Полицейская практика превзошла, конечно, всѣ даже самыя худшія ожиданія. Защитники священной собственности дали назидательный образецъ уничто-

женія этой собственности. Въ 16 товарищескихъ книгопечатняхъ было на должности 400 лицъ въ качествѣ наборщиковъ, печатниковъ, экспедиторовъ и редакторовъ, и свыше 2,500 рабочихъ и учениковъ участвовало въ нихъ своими небольшими сбереженіями и, изъ чувства солидарности, даже всѣмъ своимъ имуществомъ. Берлинская товарищеская книгопечатня, которой запретили издавать самыя безцвѣтныя газеты и даже „Zukunft“, должна была тотчасъ же ликвидировать свои дѣла; но такъ какъ ей удалось очистить почти весь свой книжный складъ, то товарищи при этомъ не много потеряли изъ своихъ вкладовъ. Для большинства же товарищескихъ книгопечатенъ немедленная ликвидація была бы равнозначуща съ конкурсомъ; и совсѣмъ не въ интересахъ партіи было сразу уничтожить всѣ свои укрѣпленія. Попытка такъ или иначе приспособиться къ новому закону должна была быть доведена до конца; если ослѣпленіе противниковъ препятствовало всякому болѣе мягкому методу борьбы, то тѣмъ настоятельнѣе могъ быть примѣненъ болѣе рѣзкій способъ борьбы. Многіе члены партіи полагали, что когда утихнетъ первая буря, можно будетъ опять выступать болѣе активно; до тѣхъ же поръ, думали они, безцвѣтныя газеты, спросомъ которыхъ товарищескія типографіи могли бы продолжать свое существованіе, послужили бы сознательнымъ товарищамъ „отличительнымъ признакомъ и легитимаціей“.

Во всякомъ случаѣ, подобная тактика отчасти была обязана и извѣстному упадку духа. Послѣ жаркихъ схватокъ послѣднихъ лѣтъ и въ особенности послѣднихъ мѣсяцевъ, когда каждый нервъ былъ напряженъ, наступила естественная усталость, которая была значительно усилена чувствомъ абсолютнаго безправія. Къ этому присоединилось все еще продолжавшееся бѣдственное положеніе, все еще продолжавшіяся репрессіи и преслѣдованія. Не всѣ вожди, которые до

тѣхъ поръ достойно служили на своемъ посту, оказались зрѣлыми для наступившаго столь тяжелаго положенія, и цѣлая орава шпіоновъ, преслѣдовавшая ихъ по пятамъ, принудила даже самыхъ отважныхъ къ осмотрительной осторожности. Гамбургскій центральный избирательный комитетъ добровольно распустилъ себя 19 октября; и нѣкоторыя обстоятельства личнаго характера привели къ тому, что свои связи онъ порвалъ гораздо основательнѣе, чѣмъ, можетъ быть, это было необходимо, и, во всякомъ случаѣ, чѣмъ это являлось желательнымъ. Гейбъ былъ смертельно боленъ; страданіе сердца, противъ котораго его цвѣтущее здоровье могло бы еще долго бороться, быстро развилось отъ страшнаго возбужденія, пережитаго имъ изъ-за устроенной противъ соціалистовъ травли. Ауэръ уже давно былъ посланъ въ Берлинъ, чтобы привести въ порядокъ неудовлетворительную редакціонную организацію газеты „Berliner Freie Presse“. Гартманъ, который вскорѣ послѣ этого совершенно измѣнилъ партіи, не обладалъ требуемыми твердостью и осмотрительностью. Такимъ образомъ, не было никакого руководства въ то время, когда на партію со всѣхъ сторонъ обрушились самые тяжелые удары. Можно ли удивляться, что нѣкоторая неувѣренность и замѣшательство стали замѣтны въ ея рядахъ?

Первый толчекъ къ улучшенію положенія далъ самъ Бисмаркъ, направивъ противъ соціалъ-демократіи послѣдній губительный ударъ. 28 ноября, незадолго до возвращенія въ Берлинъ выздоровѣвшаго отъ своихъ ранъ императора, было объявлено предусмотрѣнное 28 параграфомъ закона противъ соціалистовъ „малое осадное положеніе“. Послѣднее распространялось на Берлинъ, на городскіе округа, Шарлоттенбургъ и Потсдамъ, а также на Тельтовъ Нидебарнимъ и Остгавелландъ; § 28-ой закона противъ соціалистовъ предусматривалъ введеніе малаго осаднаго положенія въ 2 своихъ пунктахъ: одномъ, не

особенно разумномъ, запрещавшемъ ношеніе оружія безъ разрѣшенія и только подававшемъ поводъ къ всякаго рода комическимъ эпизодамъ, и въ другомъ, безсмысленно жестокомъ и предоставлявшемъ полиціи право высылки всѣхъ нежелательныхъ для нея лицъ. Въ ближайшій же день 67 членовъ партіи, во главѣ которыхъ стояли Ауэръ и Фричше, уже получили литографированный приказъ о выѣздѣ; большинству изъ нихъ былъ данъ лишь двухдневный срокъ, нѣкоторымъ только однодневный и очень немногимъ трехдневный; всѣ ходатайства о болѣе продолжительной отсрочкѣ Мадай отклонилъ въ самой грубой формѣ. Нѣкоторые изъ высланныхъ уже давно перестали заниматься агитаціей, многіе имѣли разныя мелкія предпріятія, и всѣ, за единственнымъ исключеніемъ, были людьми семейными. Высланные простились со своими партійными товарищами въ спеціально выпущенномъ и съ большимъ достоинствомъ написанномъ листкѣ, который тотчасъ же былъ запрещенъ, но, тѣмъ не менѣе, расходился въ тысячахъ экземпляровъ. Они указывали на то, что ихъ первымъ и послѣднимъ словомъ всегда было: „Никакихъ насилій, уважайте законы, внутри ихъ рамокъ защищайте свои права!“ Того же они требовали и теперь: „Будьте спокойны, не поддавайтесь провокаціи, о нашу законность обожгутся враги и погибнутъ“. Въ заключеніе они обратились: „Никто изъ насъ не въ состояніи оставить своимъ близкимъ больше средствъ къ жизни, чѣмъ на нѣсколько дней. Помните о нашихъ женахъ и дѣтяхъ!“ Многіе изъ высланныхъ отправились въ Гамбургъ и Лейпцигъ, другіе остались въ городахъ, лежащихъ на границѣ областей, объявленныхъ на осадномъ положеніи, чтобы оставаться возможно ближе къ своимъ семьямъ.

Изъ всѣхъ наглыхъ нарушеній даннаго слова, содѣянныхъ Бисмаркомъ, объявленіе Берлина на осадномъ положеніи было самымъ постыднымъ. Націо-

налъ-либералы дали свое согласіе на примѣненіе 28-го параграфа закона противъ соціалистовъ только на тотъ крайній случай, если разрушительная работа соціалъ-демократической агитаціи приметъ такіе размѣры, что каждую минуту можно будетъ ожидать проявленія насильственныхъ дѣйствій; лишь въ такомъ случаѣ долженъ быть примѣненъ этотъ параграфъ, дабы избѣжать возможности настоящаго осаднаго положенія. Но ничего подобнаго тогда въ Берлинѣ не было; жестокія постановленія закона противъ соціалистовъ проводились безъ малѣйшихъ признаковъ сопротивленія; ни одинъ берлинскій рабочій не думалъ о томъ, чтобы сыграть въ руку Бисмарку покушеніемъ или возстаніемъ. Даже буржуазная пресса единодушно высказывалась въ томъ смыслѣ, что не было налицо ни одного изъ главныхъ условій, при которыхъ должно прибѣгнуть къ 28-му параграфу; только реакціонныя газеты смущенно лепетали о „драгоцѣнной жизни“ императора, которую-де необходимо уберечь. Этимъ же воспользовался въ качествѣ прикрытія и графъ Эйленбургъ, когда прогрессисты въ прусской палатѣ депутатовъ интерпеллировали его по поводу этой мѣры. Если бы это было больше, чѣмъ пустымъ предлогомъ, то слѣдовало бы признать, что министръ полиціи страдалъ поистинѣ безнадежной ограниченностью. Какой же мало-мальски мыслящій человѣкъ можетъ допустить, что такіе люди, какъ Ауэръ и Фричше, заподозрѣваются въ содѣйствіи къ убійству, и что противозаконный подрывъ основъ хозяйственнаго существованія 67 семействъ долженъ былъ повести не къ провокаціи дальнѣйшихъ покушеній, а къ подавленію ихъ въ зародышѣ! Но весь разговоръ о „драгоцѣнной жизни“ былъ только предлогомъ. Бисмаркъ самъ вскорѣ послѣ этого признался въ рейхстагѣ, что дѣйствительнымъ его намѣреніемъ было — распространить дѣйствіе малаго осаднаго положенія на всѣ главные центры соціалъ-демократической агитаціи. Судя по

его намекамъ, правительства прочихъ союзныхъ государствъ опасались заходить такъ далеко; онъ самъ, во всякомъ случаѣ, не скрывалъ того, что имѣлъ въ виду 28-мъ параграфомъ толкнуть рейхстагъ на скользкій путь.

Насколько объявленіе осаднаго положенія въ Берлинѣ было наглѣйшимъ изъ всѣхъ его наглыхъ обмановъ, настолько же оно было и безсмысленнѣйшимъ изъ всѣхъ безсмысленныхъ актовъ насилія, имъ учиненныхъ. Онъ ясно показалъ соціалъ-демократической партіи, что не дастъ ей ни на минуту передышки, что противъ нея ведется борьба на жизнь и на смерть. Повсюду, гдѣ члены партіи чувствовали временную усталость, они теперь массами возвращались на свои старые посты. Сборы на высланныхъ и ихъ семьи явились первымъ связующимъ элементомъ новой организаціи; и сами высланные, а еще больше ихъ голодающія жены и дѣти, становились такими агитаторами, какихъ сознательный пролетаріатъ еще никогда не имѣлъ. Посѣдѣвшіе борцы, цѣлыми годами безъ всякой причины просиживавшіе въ тюрьмѣ, часто говорили, что никакая пытка угнетенія не вызывала въ нихъ такой клокочущей злобы, какъ это выселеніе, подтачивавшее въ корнѣ, — изъ одной прихоти, — основы хозяйственнаго существованія многочисленныхъ семействъ. Не малой выгодой, извлеченной партіей, какъ таковой, изъ осаднаго положенія, при всѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ для отдѣльныхъ ея членовъ, было постепенное высвобожденіе изъ-подъ гнета моральнаго отчужденія, со времени покушеній тяготѣвшаго надъ ней въ представленіи широкихъ народныхъ круговъ. Самые ограниченные мѣщане, еще въ школѣ научившіеся смотрѣть на изгнаніе протестантскихъ зальцбуржцевъ, какъ на постыдное дѣло, съ содроганіемъ видѣли, какъ приводившій ихъ въ восхищеніе національный герой мечтаетъ о лаврахъ архіепископа Фирміана, и ихъ симпатіи невольно начали склоняться

на сторону преслѣдуемаго пролетаріата. Ласкеръ и прогрессистъ Людвигъ Лёвэ собрали между своими партійными товарищами значительныя суммы и передали ихъ въ фондъ для вспомоществованія высланнымъ. Въ буржуазной прессѣ одинъ только Юлій Штеттенгеймъ, биржевой писака и литературный клоунъ, осмѣливался издѣваться надъ жертвами малаго осаднаго положенія.

Грубый и глупый актъ насилія, учиненный Бисмаркомъ, имѣлъ еще одно важное послѣдствіе: Карлъ Гиршъ, жившій съ нѣкотораго времени въ Парижѣ, былъ оттуда висланъ; подобными маленькими взаимными одолженіями по отношенію къ соціалъ-демократамъ оффиціальные „наслѣдственные враги" на Сенѣ и на Шпре охотно мыли другъ дружкѣ руки. Гиршъ намѣревался уже возвратиться въ Берлинъ, но тамошніе изгнанники надоумили его измѣнить свое намѣреніе. Онъ отправился въ Брюссель и основалъ тамъ небольшое еженедѣльное изданіе (Laterne), по своему формату и характеру напоминавшее Рошфоровскую газету того же имени. Тѣмъ временемъ, 9-го декабря Мостъ былъ выпущенъ изъ Плётцензее и немедленно высланъ изъ Берлина. Онъ переселился въ Лондонъ, гдѣ, съ помощью Коммунистическаго Просвѣтительнаго Союза Рабочихъ, началъ издавать еженедѣльный органъ „Freiheit". „Laterne" появилась въ срединѣ декабря 1878 года, „Freiheit" вышла въ свѣтъ въ началѣ января 1879 г.

Такимъ образомъ, соціалъ-демократія сразу пріобрѣла два заграничныхъ еженедѣльника, которые, какъ полевые цвѣты, сами собой выросли на удобренной реакціей почвѣ. Обѣ газеты защищали интересы партіи съ той откровенностью, какую имъ позволяла свобода печати за границей. Тайный провозъ ихъ въ Германію былъ въ началѣ очень несовершененъ; однако, поспѣшность, съ какой Бисмаркъ старался разбить эти новыя средства борьбы соціалъ-

демократіи, достаточно говоритъ за то, какъ сильно онъ ихъ боялся. Главный почтмейстеръ принужденъ былъ издать распоряженіе, которымъ низводилъ почтовыхъ чиновниковъ на степень приспѣшниковъ политической полиціи, что въ Германіи, этой классической странѣ черныхъ кабинетовъ, конечно, было не ново. Въ мартѣ Карлъ Гиршъ былъ высланъ бельгійскимъ министерствомъ; но страданія Бисмарка отъ этого не унялись: Гиршъ отправился въ Англію и тамъ продолжалъ издавать свою „Laterne". Этотъ органъ редактировался умнѣе и искуснѣе, чѣмъ „Freiheit", однако онъ ближе подходилъ по своему характеру къ политическому памфлету. „Freiheit" были въ большей степени присущи черты политической партійной газеты, но изъ-за личныхъ свойствъ ея издателя она была гораздо субъективнѣе, нежели „Laterne". Мостъ, который, благодаря эксцентричности своей натуры, надѣлалъ партіи не мало разныхъ бѣдъ еще до закона противъ соціалистовъ, а также причинилъ ей и много другихъ заботъ, дошелъ вслѣдствіе десятилѣтняго преслѣдованія со стороны судебнаго и полицейскаго вѣдомствъ до степени возбужденія и озлобленія, которую, конечно, можно было психологически объяснить, но которая сильно подрывала въ немъ сознаніе своей политической отвѣтственности. При своемъ безпокойномъ нравѣ и своей торопливости, онъ считалъ излишнимъ снестись по поводу изданія „Freiheit" съ германскими партійными инстанціями. Его оправданіе, что высшаго партійнаго органа управленія тогда совсѣмъ не существовало, было удовлетворительно только съ формальной стороны. Въ соціалъ-демократической фракціи рейхстага всегда существуетъ партійная организація, и Мосту, какъ бывшему депутату, тѣмъ болѣе слѣдовало считаться съ ея мнѣніемъ.

Передъ германской партіей теперь возникъ вопросъ, какъ она должна себя держать по отношенію къ обоимъ заграничнымъ органамъ печати. „Laterne"

старалась избѣгать всякой критики и давленія на партію, тогда какъ „Freiheit“ не переставала увлекать партію на путь революціоннаго выступленія. Правда, въ ту пору онъ понималъ это выступленіе не въ смыслѣ дѣйствія „вилами и топорами“, а разумѣлъ подъ нимъ ту тактику, которой придерживалась партія до введенія закона противъ соціалистовъ. Мостъ хотѣлъ писать во „Freiheit“ тѣми же чернилами, какими нѣкогда писались „Volksstaat“ и „Vorwarts“. Однако, возможность принципіальнаго единенія даже съ нимъ, не говоря уже о Карлѣ Гиршѣ, ни въ коемъ случаѣ не исключалась, хотя, благодаря самовластному поведенію Моста, и была сильно затруднена. Но руководящіе партійные круги въ Германіи не хотѣли имѣть ничего общаго съ обѣими газетами. Они обращали теперь главное вниманіе на то, чтобы разумной сдержанностью обезоружить ту неестественную ненависть, которая въ нейтральныхъ частяхъ націи была искусственно возрощена противъ соціалъ-демократіи, и они опасались, чтобы вызывающій тонъ заграничныхъ газетъ не далъ врагамъ партіи новой пищи. Бисмаркъ только и живетъ милостью покушеній—говорили они—и долженъ былъ бы сдаться на капитуляцію, если бы у него истощился этотъ провіантъ. Поэтому то, хотя необходимость и полезность заграничной газеты сама по себѣ была неоспорима, тѣмъ не менѣе находили, что подобное выступленіе еще слишкомъ преждевременно, такъ какъ неминуемымъ послѣдствіемъ могутъ быть только новыя преслѣдованія, а сильно истощенныхъ средствъ партіи и такъ уже не хватало для достаточнаго вспомоществованія всѣмъ изгнаннымъ и заключеннымъ. Послѣ многолѣтней, изнурительной агитаціи кратковременный перерывъ не принесетъ вреда интересамъ партіи; для соціалистической пропаганды достаточно матеріала въ видѣ того несмѣтнаго количества агитаціонныхъ сочиненій, которыя предназначались для пролетаріата, и, по меньшей

мѣрѣ, четвертая часть которой еще не прочитана и умственно не претворена.

Этотъ взглядъ въ февралѣ 1879 года не имѣлъ за собою больше того оправданія, что въ октябрѣ 1878 г. Когда 12 февраля собрался рейхстагъ, Бисмаркъ не замедлилъ внести въ него нѣкоторые проекты, задавшіеся цѣлью совершенно смести съ лица земли соціалъ-демократію. Бисмаркъ опирался однако не на одну только безсмысленную ненависть филистера къ соціалистамъ, и потому соціалъ-демократія въ борьбѣ съ нимъ нуждалась еще и въ совершенно иномъ оружіи, нежели то, которое представляли собою нравственныя симпатіи нейтральныхъ элементовъ. Въ самомъ дѣлѣ, массы стали уже вновь стекаться на передовые посты битвы, гдѣ онѣ могли бы лицомъ къ лицу встрѣтиться съ врагомъ. 5-го февраля происходили выборы замѣстителя умершаго прогрессиста Бюргерса въ Бреславлѣ II, въ западномъ избирательномъ его округѣ, гдѣ расположены виллы силезской аристократіи и плутократіи; здѣсь рабочіе, несмотря на полицейскія запрещенія предвыборной агитаціи, несмотря на запрещенія и конфискацію ихъ воззваній и закрытіе ихъ собраній и, наконецъ, несмотря на совершенно беззаконный арестъ ихъ кандидата Крекера, подали за партію 5675 голосовъ. Крекеръ прошелъ на перебаллотировку, въ результатѣ которой онъ былъ побѣжденъ, но число поданныхъ за него голосовъ возросло до 7,544. Столь же блестящій результатъ имѣли выборы 27-го февраля въ саксонскомъ избирательномъ округѣ Вальдгеймъ-Дэбельнъ, гдѣ 4322 голоса было подано за соціалъ-демократическаго кандидата.

Совѣщанія въ рейхстагѣ, происходившія до Пасхи, служили нѣкоторымъ образомъ отголоскомъ дебатовъ по поводу закона противъ соціалистовъ. Бисмаркъ хотѣлъ наверстать упущенное раньше: исключить соціалъ-демократію изъ рейхстага. Онъ натянулъ за-

разъ на свой лукъ двѣ тетивы, стремясь, во-первыхъ, принудить рейхстагъ дать свое согласіе на уголовное преслѣдованіе за самовольное возвращеніе изъ ссылки Фричше и Гассельмана, которые, будучи высланы изъ Берлина, все же явились на совѣщаніе въ рейхстáгъ, и, во-вторыхъ, расширить дисциплинарныя прерогативы рейхстага въ томъ направленіи, чтобы онъ могъ исключать своихъ сочленовъ за произнесеніе неподобающихъ рѣчей и даже совершенно лишить ихъ права быть когда-либо избираемыми; самыя же рѣчи не печатать въ стенографическихъ отчетахъ. Рейхстагъ не согласился ни на первое, ни на второе требованіе; даже націоналъ-либеральные ораторы находили достаточно сильныя выраженія, чтобы отвергнуть это наглое покушеніе на достоинство рейхстага. Однако, послѣдніе при этомъ дѣйствовали гораздо больше въ своихъ собственныхъ интересахъ, нежели изъ принципа или изъ интересовъ преслѣдуемой соціалъ-демократіи. Сейчасъ же послѣ этого, по другому поводу, они показали, какъ дешево вообще было ихъ буржуазное сочувствіе. О практическомъ примѣненіи 28-го параграфа рейхстагу ежегодно докладывалось, но и эта „защитительная мѣра" при первомъ же опытѣ разсѣялась, какъ дымъ. Послѣ того, какъ слово было дано одному соціалъ-демократическому оратору, не только націоналъ-либералы, но даже, за немногими исключеніями, прогрессисты и ультрамонтаны подали голосъ за консервативное предложеніе — прекращенія преній по этому вопросу. При обсужденіи вопроса въ прусской палатѣ депутатовъ, Вирховъ былъ немного смѣлѣе и высказалъ, что полиціи не подобаетъ смѣшивать „добропорядочныхъ революціонеровъ" съ цареубійцами. Но съ той поры Бисмаркъ уже натравлялъ свою оффиціозную свору на „революціонную" прогрессистскую партію, которая теперь уже съ предусмотрительной осторожностью помалкивала на самыя возмутительныя злоупотребленія закона противъ соціа-

листовъ, чтобы вмѣсто этого для разнообразія разыгрывать роль консервативнѣйшей партіи.

Изъ соціалъ-домократическихъ депутатовъ говорилъ Бебель 4-го марта по поводу, такъ называемаго, закона-намордника, и Либкнехтъ 17-го марта по поводу объявленія въ Берлинѣ малаго осаднаго положенія. Бебель великолѣпно расписалъ благороднаго Бисмарка, который, за пресловутое „оскорбленіе“ его персоны, своими литографированными приказами объ арестѣ заточалъ въ тюрьмы тысячи людей, между ними старыхъ сидѣлокъ, и который теперь со скорбнымъ видомъ заявилъ, что онъ долженъ быть очень остороженъ, ибо, въ качествѣ члена Союзнаго Совѣта, не обладаетъ конституціонной свободой слова депутата. Вторженіе въ территорію этого народнаго права было, однако, весьма къ лицу человѣку, который не только обладалъ самой неограниченной свободой клеветы, но и всегда ею въ дѣйствительности пользовался, предпринимая героическое отступленіе подъ сѣнь своего офицерскаго мундира, какъ только кто-либо изъ оклеветанныхъ имъ дѣлалъ попытку прибѣгнуть къ защитѣ суда. Рѣчь Либкнехта выражала собой взгляды проживающихъ на родинѣ вождей партіи. Онъ безжалостно раскрылъ истинный смыслъ пустозвонной фразеологіи отчета и присовокупилъ, что былъ бы жалкимъ трусомъ, если бы формально сталъ отвергать то, что за границей писали партійные товарищи; но онъ находитъ, что партія тутъ абсолютно не при чемъ, и утверждаетъ, что многіе вліятельнѣйшіе члены партіи не одобряли основанія „Freiheit“ и „Laterne“. Партія подчинится закону о соціалистахъ, потому что она является партіей реформы въ строгомъ смыслѣ этого слова, и насильственное „дѣланіе“ революцій считаетъ вообще безуміемъ; фраза же, произнесенная Бракке: „наплевать намъ на вашъ законъ“ вовсе не означаетъ, что партія не будетъ считать себя обязанной покориться ему, но выражала историческую

истину, что новому закону не удастся справиться съ ней; что же касается непарламентской формы этого выраженія, то Бракке самъ о ней жалѣетъ, и онъ, Либкнехтъ, также не можетъ ее одобрить.

Эта рѣчь Либкнехта вызвала появленіе „Записки" коммунистическаго Просвѣтительнаго Рабочаго Союза въ Лондонѣ, составленной не лично Мостомъ, а Мильке, старымъ берлинскимъ членомъ партіи, въ которой между прочимъ мы читаемъ слѣдующее: „Не осторожная тактика, при гнетѣ соціалистическаго закона, необходима намъ и не она должна быть найдена, но ловкая тактика, направленная противъ закона. Есть еще, къ счастью, нѣкоторыя страны, въ которыхъ разрѣшено свободное слово; и вокругъ Германской имперіи еще тоже не выстроено стѣнъ; да и послѣднія не являются препятствіемъ для рѣшительныхъ и смѣлыхъ. Когда всякая возможность пропаганды внутри страны отрѣзана, тогда она можетъ вестись только посредствомъ печатнаго слова изъ за границы". Гораздо болѣе рис кованы были другія части „Записки", которыя допускали такое толкованіе, будто бы ими рекомендуется образованіе тайныхъ союзовъ по образцу русскихъ нигилистовъ и полное воздержаніе отъ парламентской политики. Противъ этого тотчасъ же выступила „Laterne", которая въ остальномъ вполнѣ соглашалась съ „Запиской". Правда, на ея протестъ „Freiheit" заявила, что она не хочетъ рекомендовать ни тайную организацію, ни воздержаніе отъ политики; однако, на самомъ дѣлѣ, она была не далека отъ того. Мостъ началъ поговаривать о „новой партіи" и говорилъ о всѣхъ парламентскихъ представителяхъ въ такомъ стилѣ, который все больше и больше исключалъ возможность какого бы то ни было соглашенія.

И все же соглашеніе по вопросу о предстоящей тактикѣ становилось все болѣе необходимымъ. Послѣ Пасхи рейхстагъ началъ приступать къ проведенію пресловутой „финансовой и экономической реформы"

Онъ при этомъ являлся биржей, гдѣ Бисмаркъ торговался съ крупными промышленниками и крупными землевладѣльцами за размѣръ доли, которую каждый изъ этихъ благородныхъ союзниковъ могъ для себя вырѣзать изъ тѣла народныхъ массъ. Послѣ долгаго и отвратительнаго торга, крупные промышленники положили себѣ въ карманъ пошлины на желѣзо и произведенія текстильной промышленности, крупные землевладѣльцы—пошлины на хлѣбъ и скотъ; Бисмаркъ—свои финансовыя пошлины; народу же эта шутка обошлась, кромѣ вздорожанія жизненныхъ продуктовъ, въ 130 милліоновъ марокъ новыхъ податей. Въ политическомъ отношеніи эта экономическая сдѣлка сопровождалась полной перетасовкой партійныхъ группировокъ. Помятые националъ-либералы представляли своимъ членамъ свободу голосованія во всѣхъ экономическихъ вопросахъ; одна часть ихъ осталась съ прогрессистами при знамени свободной торговли, другая перешла къ сторонникамъ протекціонизма. Но въ вопросѣ о „конституціонныхъ гарантіяхъ" они держались твердо, они не желали совершенно выпускать изъ рукъ право рейхстага давать (или отказывать), свое согласіе на поступленіе полученныхъ изъ пошлинъ суммъ въ распоряженіе имперскаго правительства; поэтому Бисмаркъ принужденъ былъ заключить союзъ съ ультрамонтанами, довольствовавшимися однѣми федеративными гарантіями, въ силу которыхъ всѣ излишки должны быть отданы въ распоряженіе отдѣльныхъ государствъ германскаго союза; въ качествѣ пріятнаго плюса, они еще требовали отставки министра народнаго просвѣщенія, „культурнаго борца" Фалька. Такого великаго человѣка, какимъ былъ Бисмаркъ, эти мелочи не могли затруднять; гдѣ можно заполучить такія суммы, онъ не останавливался ни передъ пиллигримствомъ въ Каноссу, ни передъ почтительнымъ реверансомъ по адресу партикуляризма.

Оріентироваться въ этой сумятицѣ рабочимъ не

могли помочь ни оставшіяся въ ихъ распоряженіи безцвѣтныя газеты, ни прежнія агитаціонныя брошюры. Парламентская трибуна тоже оказалась очень слабымъ рупоромъ. Въ долгія недѣли споровъ о новомъ таможенномъ тарифѣ соціалъ-демократическимъ депутатамъ почти совсѣмъ не удалось высказаться, несмотря на многократныя заявленія о желаніи говорить. Они не имѣли возможности вполнѣ исчерпывающимъ образомъ изложить свои взгляды, и ихъ положеніе было еще тѣмъ болѣе затруднено, что Кайзеръ началъ склоняться къ покровительственной политикѣ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ отраслямъ отечественной промышленности. Къ тому же рабочія массы большихъ городовъ все сильнѣе рвались впередъ. Когда Рейндерсъ, представлявшій бреславскій восточный округъ, 22 мая умеръ, бреславскіе рабочіе устроили ему великолѣпныя похороны и выбрали въ двухкратной избирательной борьбѣ на его мѣсто Газенклевера. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бреславскій пролетаріатъ пять разъ обнаруживалъ сильнѣйшіе признаки жизни. Не было никакого сомнѣнія, что рабочіе Берлина, Гамбурга, Лейпцига и другихъ крупныхъ центровъ движенія также проявили бы себя, если бы имъ представились подобные случаи. Въ то же время вторичные выборы въ избирательномъ округѣ Коттбусъ-Шпрембергъ, наоборотъ, обнаружили значительное паденіе числа демократическихъ голосовъ, заслуживающее самаго серьэзнаго вниманія. Ужасающая опасность раскола усиливалась; болѣе сознательные слои пролетаріата могли попасть подъ руководство измѣнчивой и зыбкой „Freiheit“; сравнительно отсталымъ кругамъ угрожала опасность сдѣлаться жертвой безпринципности безцвѣтной прессы.

Теперь и „Laterne“ не замедлила высказаться рѣзче. На сколько она противъ Моста защищала вѣрную приверженность къ партіи, настолько же она не скрывала, что инцидентъ въ Лондонѣ былъ бы невозможенъ, если бы въ Германіи не были сдѣланы столь

значительные промахи. Она говорила, что „никакая организація не можетъ существовать безъ соотвѣтствующихъ органовъ, и если не годятся заграничные, создайте новые, но только не медлите больше, ибо настало крайнее время!" Она нападала на протекціонистскія затѣи Кайзера, и съ полной убѣдительностью указывала на весь вредъ, связанный съ принятіемъ новаго таможеннаго тарифа.

„Laterne" напечатала письмо Либкнехта, въ которомъ было сказано противъ Моста: „Революціонный взрывъ—или пребываніе на почвѣ закона противъ соціалистовъ. Третьяго выхода не можетъ быть"; но вмѣстѣ съ тѣмъ она помѣстила письмо „Изъ Берлина" гдѣ говорилось: „Съ одной вѣрой въ то, что соціалъ-демократія настолько внѣдрилась въ массы, чтобы долгіе годы могла выносить наружное бездѣйствіе и обходиться безъ всякихъ матеріальныхъ связей, можно достигнуть не большихъ успѣховъ, какъ съ театральными эффектами; третій выходъ есть, это — энергичная стойкость при использованіи, въ цѣляхъ оборонительныхъ и наступательныхъ, всѣхъ обстоятельствъ, какъ внутри, такъ и внѣ Германской имперіи".

Наконецъ, Марксъ и Энгельсъ также вмѣшались въ этотъ споръ. Послѣ изданія новаго закона, Гэхбергъ оказался вѣрнымъ другомъ партіи, какимъ былъ и до него; онъ оказывалъ помощь и поддержку всюду, гдѣ только могъ; на свое состояніе онъ смотрѣлъ, какъ на собственность партіи. Но прыгнуть выше самого себя онъ не могъ! Гэхбергъ сильно надѣялся завербовать для соціалъ-демократіи значительные круги господствующихъ классовъ, склоняя и призывая послѣдніе къ чувству справедливости; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ, чтобы партія по возможности облегчала переходъ къ себѣ такимъ элементамъ: усилила бы экономическую часть своей программы, и отодвинула бы революціонныя традиціи на задній планъ. Такъ, онъ разослалъ къ Пасхѣ 1879 года изъ Берлина

десять тысячъ экземпляровъ „Квинтъ-эссенціи соціализма“ Шеффле чиновникамъ, юристамъ, учителямъ Германіи, и съ этой же цѣлью основалъ, взамѣнъ запрещенной „Zukunft“, два новыхъ научныхъ періодическихъ органа: „Staatswirtschaftliche Abhandlungen“ подъ псевдонимомъ д-ра Р. Ф. Зейферта въ Лейпцигѣ и „Jahrbuch für Socialwissenschaft und Socialpolitik“ подъ псевдонимомъ д-ра Людвига Рихтера въ Цюрихѣ. Лейпцигскій журналъ, который выходилъ не въ равные промежутки времени, миновалъ когтей закона противъ соціалистовъ; онъ занимался вопросами практической соціальной политики, противопоставлялъ протекціонистскому миражу охраны національнаго труда—интернаціональное законодательство по охранѣ рабочихъ, какъ отвѣчающее дѣйствительнымъ интересамъ рабочаго класса. Менѣе посчастливилось цюрихскому „Jahrbuch f. Socialwis und Socialpol.“, который, несмотря на свое осторожное направленіе, былъ тотчасъ же запрещенъ. Первая половина выпуска 1-го года, вышедшая лѣтомъ 1879 года, заключала въ себѣ статьи Грейлиха и Фольмара, множество рецензій и рядъ отчетовъ о соціалистическомъ движеніи въ современныхъ культурныхъ странахъ; это были большею частью превосходныя работы, которыя свидѣтельствовали о значительномъ прогрессѣ въ сравненіи съ содержаніемъ „Zukunft“.

Но этотъ выпускъ заключалъ въ себѣ также въ отдѣльной статьѣ „Взгляды на соціалистическое движеніе въ Германіи“, которые излагались въ видѣ „критическихъ афоризмовъ“; авторами ея являлись Гэхбергъ и Б. А. Шраммъ. Эдуардъ Бернштейнъ, какъ литературный совѣтчикъ Гэхберга, переселившійся въ Швейцарію и считавшійся третьимъ сотрудникомъ, внесъ только нѣсколько строкъ, второстепеннаго значенія.

Если самокритика, чинимая соціалъ-демократіей въ минуту ея жестокаго угнетенія, была трудна и

опасна, то тѣмъ менѣе она удалась сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ авторамъ этой статьи. Прежній пріемъ агитаціи подвергся ѣдкой, не всегда справедливой критикѣ, не говоря уже о степени ея тактичности; статья предостерегала отъ „безплодныхъ дебатовъ о государствѣ будущаго“, но никакъ не въ смыслѣ исключающаго всѣ утопіи революціоннаго дѣйствія, но лишь въ смыслѣ буржуазно-реформистской практики и, наконецъ, обращалось вниманіе на необходимость пріобрѣсти побольше приверженцевъ изъ имущихъ и образованныхъ классовъ, если только производимая путемъ несказаннаго самоотверженія агитація хочетъ достичь осязаемыхъ результатовъ. Противъ этого протестовали Марксъ и Энгельсъ въ своемъ письмѣ къ Бебелю, Бракке, и къ другимъ; они требовали, чтобы такія сужденія не высказывались, по крайней мѣрѣ, въ руководящемъ центрѣ, если партія ихъ вообще намѣрена терпѣть.

Цюрихская „Jahrbuch etc.“ не была, конечно, призвана къ руководству партіей, но, рядомъ съ „Laterne“ и „Freiheit“, она представляла собою теперь уже третье тактическое направленіе, тогда какъ компетентный голосъ партіи все еще не раздался. Необходимость имѣть за границей отдѣльный органъ стала неотвратимой; съ этимъ соглашался и Гейбъ, который дольше всѣхъ противился этому плану. Однако, самъ онъ не дожилъ до появленія новой газеты. 1-го августа онъ умеръ; за его гробомъ въ громадномъ шествіи слѣдовали гамбургскіе рабочіе, число которыхъ буржуазными газетами опредѣлялось въ 30000 человѣкъ, и надъ открытой могилой усопшаго старые друзья его поклялись неутомимо дѣйствовать въ духѣ незабвеннаго товарища.

Мѣстомъ для изданія партійнаго органа выбранъ былъ Цюрихъ, гдѣ швейцарская рабочая организація владѣла собственной типографіей и гдѣ имѣлись налицо благопріятнѣйшія условія для

успѣха предпріятія, „Laterne“ уже къ концу іюня перестала выходить, такъ какъ Гиршъ самъ понялъ, что выбранная имъ форма политическаго памфлета не удовлетворяла потребностямъ партіи. „Freiheit“, по всему предшествующему, тѣмъ меньше могла назваться оффиціальнымъ органомъ, что Мостъ все больше и больше уклонялся въ сторону безразсудной игры въ революцію. 28-го сентября „Socialdemokrat“, „Международный органъ соціалъ-демократіи нѣмецкаго нарѣчія“, выпустилъ въ Цюрихѣ свой пробный номеръ.

Онъ самъ признавалъ себя плодомъ закона противъ соціалистовъ. Безцвѣтныя газеты, которыя въ Германіи еще продолжали издаваться членами партіи, при всей пользѣ, приносимой ими во многихъ отношеніяхъ, ни въ коемъ случаѣ не могли замѣнить прежней партійной прессы. Онѣ должны были избѣгать не только каждой осторожной критики капиталистическаго строя общества, но, изъ опасеніи тотчасъ подвергнуться репрессіи, никогда не могли себѣ позволить и трети той откровенности, съ которой буржуазная пресса порой критиковала общественныя и государственныя учрежденія. Своей принципіальной и тактической платформой „Socialdemokrat“ сдѣлалъ готскую программу; какъ органъ германской соціалъ-демократіи, которая впредь, какъ и раньше, являлась революціонной партіей въ истинномъ и лучшемъ значеніи этого слова, онъ обѣщалъ работать въ пользу постепеннаго просвѣщенія и организаціи массъ и бороться со всѣми проявленіями какъ будто прямо ведущей къ цѣли, на самомъ же дѣлѣ гибельной и безумной игры въ революцію. Хотя онъ и находится внѣ предѣловъ досягаемости германской и австрійской партіи, онъ намѣренъ, однако, по возможности избѣгать формальнаго нарушенія общаго права, что, конечно, нисколько не отразится на его безпощадности по существу.

Такъ разсѣялся мучительный кошмаръ, и надъ рядами партіи снова прозвучалъ старый испытанный боевой кличъ „Впередъ, по всей линіи!“

Глава вторая.

Новое выступленіе.

1. Смотръ въ замкѣ Виденъ.

Въ первомъ пробномъ своемъ номерѣ „Соціалъ-демократъ“ могъ уже отмѣтить значительный успѣхъ, который партія достигла при саксонскихъ выборахъ въ рейхстагъ.

Исторія возникновенія лассалевской агитаціи показала достаточно ясно, почему соціалъ-демократическая избирательная дѣятельность вначалѣ сосредоточилась на тѣхъ выборахъ, при которыхъ примѣнялось всеобщее избирательное право, т. е., на выборахъ въ рейхстагъ. Но при своемъ дальнѣйшемъ ростѣ партія, не противорѣча никакимъ принципіальнымъ соображеніямъ, стала участвовать и въ цензовыхъ выборахъ въ отдѣльные государственные ландтаги и общины, въ непреклонномъ стремленіи пріобрѣсть, гдѣ только возможно, мѣсто для работы и борьбы. Этотъ натискъ сдерживался только тамъ, гдѣ была исключена всякая возможность самостоятельнаго успѣха, какъ напримѣръ, при выборахъ въ прусскій ландтагъ; въ среднихъ же и малыхъ нѣмецкихъ государствахъ, представлявшихъ болѣе благопріятные виды, послѣдніе неоднократно были использованы и нерѣдко съ полнымъ успѣхомъ; не изъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи было и королевство Саксонія. Въ саксонскихъ коммунальныхъ представительствахъ засѣдало много соціалъ-демократовъ; а участіе послѣднихъ въ выборахъ въ саксонскій ландтагъ, происходившихъ каждые два года для воз-

обновленія всякій разъ одной трети своихъ членовъ, все больше возрастало, такъ что уже въ 1877 году Криммитшау послалъ въ него адвоката Фрейтага,—перваго соціалъ-демократическаго депутата. Тѣмъ не менѣе, до закона противъ соціалистовъ не возлагали особыхъ надеждъ на участіе въ цензовыхъ выборахъ; но когда, 10-го сентября 1879 года, происходили новые выборы въ саксонскій ландтагъ, партійные товарищи, въ особенности въ такихъ округахъ, какъ Лейпцигъ, Хемницъ, Цвикау, которые были потеряны при выборахъ въ 1878 году, рѣшили испытать свои силы.

Около двухъ третей соціалъ-демократическихъ избирателей, какъ неудовлетворяющихъ цензу, было исключено изъ выборовъ въ ландтагъ, и, несмотря на это, удалось провести Либкнехта въ западной половинѣ Лейпцигскаго округа и адвоката Путриха въ Цвикау. Но и въ тѣхъ округахъ, гдѣ партійные кандидаты были побѣждены, число пріобрѣтенныхъ голосовъ было сравнительно очень благопріятно, чѣмъ блестяще оправдались надежды, которыя возлагались на частную организацію, которая только и возможна была при законѣ противъ соціалистовъ. Еще за три дня до выборовъ правительство и буржуазныя партіи находились въ полномъ невѣдѣніи относительно соціалъ-демократическихъ намѣреній. Правда, они предчувствовали неожиданное нападеніе, и полиція получила самое строгое приказаніе немедленно подавить всякое соціалъ-демократическое движеніе; чтобы предварительно разрядить накопившуюся въ груди патріотическую отвагу, она запретила три газеты въ Дрезденѣ, Хемницѣ и Глаухау, изъ которыхъ ни одна не преступила противъ закона о соціалистахъ. Однако, нападеніе удалось въ совершенствѣ: раннимъ утромъ осенняго воскреснаго дня высыпали сотни партійныхъ товарищей изъ различныхъ избирательныхъ центровъ, а вечеромъ того же дня каждый избиратель былъ уже снабженъ своимъ соціалъ-демократическимъ избирательнымъ воззваніемъ и своимъ бюллетенемъ. Только въ

Хемницѣ, гдѣ полицейскій Зибдратъ властвовалъ, какъ турецкій паша, было врасплохъ застигнуто при фальцовкѣ избирательныхъ воззваній и бюллетеней двадцать лицъ и между ними депутаты рейхстага Вальтейхъ и Вимеръ; они были всѣ вмѣстѣ, какъ пачка сигаръ, перевязаны веревкой и отведены въ полицейскій участокъ. Разумѣется, ихъ были вынуждены освободить за отсутствіемъ даже и тѣни преступленія; только кандидата Вальтейха оставили въ заключеніи до конца выборовъ. Этимъ противозаконнымъ поступкомъ была обезпечена побѣда „закона и порядка“ въ Хемницѣ.

Присяга въ вѣрности, которую должны были дать Либкнехтъ и Путрихъ при своемъ вступленіи въ ландтагъ, подняла нѣкоторый шумъ въ партіи, хотя это являлось только пустой формальностью. Не говоря ужъ о дышащей ненавистью полемикѣ Моста, и Карлъ Гиршъ тоже вступилъ въ рѣзкую полемику по этому поводу съ Газенклеверомъ; впрочемъ, разногласія эти очень скоро улеглись. Если имущіе классы связывали выполненіе государственныхъ правъ и обязанностей съ произнесеніемъ нѣсколькихъ напыщенныхъ фразъ, то рабочіе классы не должны были прекратить свою работу изъ-за простой формальности. Мостъ самъ при принятіи саксонскаго гражданства далъ подобную же присягу на вѣрность. Одно печальное происшествіе вскорѣ показало очень ясно, насколько полезно представительство рабочаго класса въ саксонскомъ ландтагѣ. Едва Либкнехтъ успѣлъ 27 ноября въ дрезденскомъ ландтагѣ заклеймить подтачивающую народное здравіе эксплоатацію саксонскихъ горныхъ рабочихъ, какъ 2-го декабря страшный взрывъ въ Брюкенбергской шахтѣ въ Цвикау уничтожилъ 87 человѣческихъ жизней, единственно по винѣ всепожирающаго капитала, который, невзирая на недостаточную вентиляцію, воспротивился прекращенію добычи угля хоть на нѣсколько часовъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой возмутительной катастрофы въ Магдебургѣ, черезъ недѣлю

имѣла мѣсто перебаллотировка въ рейхстагъ, доставившая соціалъ-демократіи большой успѣхъ. Ея кандидатъ Фиреккъ получилъ на главныхъ выборахъ 4,721, а при перебаллотировкѣ 7,312 голосовъ. Вскорѣ послѣ этого, при общинныхъ выборахъ, прошли въ Эйслингенѣ изъ 7 избираемыхъ общинныхъ совѣтниковъ 5 соціалъ-демократовъ; также и въ общинныхъ выборахъ въ Глаухау-Меранѣ и въ Мангеймѣ были достигнуты хорошіе результаты, а въ пфальцскомъ городкѣ Ламбрехтѣ крайне бѣднымъ ткачамъ вторично удалось завоевать думу. Правда, они принуждены были ее опять уступить, такъ какъ этимъ 15 рабочимъ, избраннымъ въ городскіе совѣтники, ихъ эксплоататоры угрожали немедленнымъ увольненіемъ, но какая слава для общества и спасителей государства, когда ихъ „побѣда“ прошла еще позорнѣе, чѣмъ ихъ пораженіе!

Тѣмъ временемъ „Соціалъ-демократъ“ продолжалъ оказывать свое уясняющее и объединяющее вліяніе. Отвѣтственнымъ редакторомъ и издателемъ этого органа былъ швейцарскій партійный товарищъ Гертеръ, а въ финансовомъ обезпеченіи газеты, которая въ первое время была вынуждена работать при недостаточныхъ средствахъ, принималъ дѣятельное участіе Гэхбергъ со свойственной ему отзывчивостью. Но съ самаго же начала „Соціалъ-демократъ“ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ стать: органомъ объединенной партіи. Тѣсная и живая связь съ германской партіей предохраняла его отъ ошибокъ, обычныхъ для эмигрантской литературы. Въ первый годъ изданія чувствовалась еще извѣстная теоретическая неувѣренность, однако, не болѣе, чѣмъ она чувствовалась въ самой партіи; желѣзная необходимость борьбы отодвинула вначалѣ на задній планъ всякую теорію. Языкъ газеты былъ серьезнымъ и достойнымъ, конечно, не лишеннымъ сильныхъ выраженій, когда дѣло касалось гнусныхъ поступковъ, но всегда свободнымъ отъ всякаго вульгарнаго цинизма.

Обвиненіе, что „Соціалъ-демократъ“ началъ съ оправданія клятвонарушенія, учиненнаго въ интерасахъ партіи, основано на грубой подтасовкѣ фактовъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ партійный товарищъ Ибзенъ былъ обвиненъ въ лже-присягѣ и присужденъ судомъ трехъ-лѣтнему заключенію въ исправительной тюрьмѣ за то, что онъ, яко-бы, своимъ ложнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ хотѣлъ укрыть друга, обвиняемаго въ распространеніи запрещеннаго сочиненія. Но, на самомъ дѣлѣ, не было тутъ никакой лже-присяги, и Ибзенъ былъ совершенно невинно осужденъ. За всѣмъ тѣмъ, „Соціалъ-демократъ“ въ статьѣ, написанной Газенклеверомъ, не пытался ни однимъ словомъ оправдать клятво-нарушеніе, если таковое имѣло бы мѣсто; онъ выставилъ только къ позорному столбу то сдѣлавшееся обычнымъ въ странѣ насиліе надъ совѣстью, которое принуждаетъ человѣка или выступить предателемъ своего лучшаго друга,—или стать клятво-нарушителемъ. Въ своей статьѣ онъ апеллировалъ къ человѣческому состраданію по отношенію къ несчастному, который, подъ бременемъ подобнаго конфликта, сдѣлалъ ложный шагъ и преступилъ противъ закона: „для насъ этотъ человѣкъ—мученикъ, а не преступникъ“. Здѣсь былъ высказанъ тотъ же самый взглядъ, котораго держался Шиллеръ, когда писалъ своего преступника, совершившаго преступленіе изъ-за потери чести; вывести отсюда заключеніе объ оправданіи клятво-нарушенія ради интересовъ партіи,—доказываетъ только духовное и нравственное убожество запятнавшихъ себя подобной ложью.

Въ чемъ можно скорѣе упрекнуть „Соціалъ-демократъ“, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, это въ томъ, что онъ слишкомъ много мѣста удѣлялъ уничтоженію всякой сорной травы, разросшейся тамъ и сямъ въ партіи. Большого вреда не причинило а, пожалуй, даже было только полезно то обстоятельство, что рѣзкій вѣтеръ закона противъ соціалистовъ очень быстро отдѣлилъ мякину отъ пшеницы и унесъ всѣ сомни-

тельные элементы, примкнувшіе къ быстрому побѣдному шествію партіи послѣ Готскаго объединительнаго конгресса. Гораздо больше можно было жалѣть о томъ, что многіе уставшіе въ борьбѣ заслуженные товарищи бросали свое оружіе или поддавались искушенію, какъ только полиція ставила передъ ними дилемму: или видѣть свое существованіе и существованіе своей семьи разбитыми, или измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Однако, и эти случаи терялись во множествѣ проявленій самоотверженной вѣрности; и радость противниковъ по поводу публикуемаго „Соціалъ-демократомъ" безконечнаго синодика жертвъ репрессіи подтверждала только то, что партія рѣшила сохранить въ своихъ рядахъ желѣзную дисциплину. Внушавшимъ же въ дѣйствительности опасеніемъ являлось вліяніе, пріобрѣтенное Мостомъ въ первый годъ разброда. Между тѣмъ, подпавшіе подъ это вліяніе были вовсе не самые худшіе и не самые отсталые элементы, а скорѣе, смѣлыя и упорныя натуры, которыя придавали большое значеніе мнѣніямъ лондонской „Freiheit", притомъ тѣмъ большее, чѣмъ большимъ притѣсненіямъ они подвергались. Именно въ Берлинѣ, гдѣ въ ноябрѣ 1879 года было снова введено малое осадное положеніе, и гдѣ такъ много вниманія и времени удѣлялось тому, чтобы разъединить сознательный пролетаріатъ, Мостъ пріобрѣлъ нѣкоторое количество послѣдователей; также и между берлинскими изгнанниками господствовало легко воспламеняющееся настроеніе, открывающее просторъ всякому подозрѣнію и недовѣрію. Такъ какъ полиція запретила производить сборы въ пользу высланныхъ, то ихъ пришлось собирать втайнѣ и тайно же распредѣлять, что вызвало всевозможные кривотолки и ссоры. Мостъ же вообще считалъ этотъ сборъ филистерскимъ занятіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ съ возникновеніемъ заграничнаго партійнаго органа, у него былъ отнятъ всякій сколько-нибудь серьезный поводъ къ оппозиціи, онъ совершенно потерялъ всякую мѣру;

предостерегалъ рабочихъ отъ участія въ выборахъ, превозносилъ покушенія Гэделя и Нобилинга и прибѣгалъ даже къ не совсѣмъ чистымъ средствамъ для образованія новой „соціалъ-революціонной партіи“ Проложить открытый путь сквозь мусоръ всѣхъ этихъ исторій являлось нерѣдко задачей неблагодарной, сопряженной съ чисто-мелочной личной враждой, но необходимой.

Въ общемъ, „Соціалъ-демократъ“ выполнилъ эту задачу съ большимъ тактомъ; съ каждой недѣлей онъ все глубже проникалъ во всѣ поры германскаго пролетаріата вопреки всѣмъ полицейскимъ развѣдкамъ, вопреки сотнямъ обысковъ, учиняемыхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи, вопреки, наконецъ, всему усердію въ перлюстраціи почтовой корреспонденціи. Среди этого хунхузскаго нашествія завязывались узлы новыхъ организаціонныхъ нитей, составлявшихъ въ связи со сборами въ пользу высланныхъ ту густую сѣть, которая, какъ жаловался уже въ 1880 году одинъ прокуроръ въ Магдебургѣ, будучи распускаема въ нѣсколькихъ петляхъ, никогда не могла быть совершенно разорвана. Голодный и презираемый пролетаріатъ показалъ себя дѣйствительнымъ господиномъ современныхъ производительныхъ силъ и хозяйственнаго оборота, съ помощью какового оружія онъ шутя преодолѣлъ исторически давно отжившее полицейское хозяйство. Если въ первое время и удавалось перехватывать посылку „Соціалъ-демократа“ или другое запрещенное сочиненіе, то вскорѣ „красная почта“ работала съ такой ловкостью, которой уступала хваленая „находчивость“ оффиціальной государственной почты. Одновременно съ „Соціалъ-демократомъ“ распространялись листки, представлявшіе очень хорошее орудіе агитаціи; прежде чѣмъ запрещеніе объявлялось, листки уже обыкновенно были всѣ розданы. Когда дрезденская полиція запретила Бебелю прочесть докладъ своимъ избирателямъ, послѣдній отпечаталъ его

въ видѣ листка, который былъ въ одно воскресное утро между 7 и 9 часами розданъ 700 лицамъ въ количествѣ 30,000 экземпляровъ такъ ловко и быстро, что, когда явилась полиція, она нашла только нѣсколько штукъ.

Вскорѣ рабочіе были настолько увѣрены въ своей силѣ, что отваживались играть со своими преслѣдователями, какъ кошка съ мышью. Въ февралѣ 1880 года одинъ цюрихскій партійный товарищъ, получивъ предложеніе отъ мюльгаузенскаго полицейскаго инспектора Кальтенбаха открыть ему организацію контрабанднаго ввоза въ предѣлы Германіи „Соціалъ-демократа", прикинулся готовымъ къ услугамъ и, направивъ „опору порядка" по ложному слѣду, заставилъ его и всю свору шпіоновъ мчаться до бельгійской границы: а въ это время чрезъ швейцарскую границу былъ перевезенъ большой транспортъ запрещенныхъ сочиненій и была доставлена въ кассу „Соціалъ-демократа" вырученная въ счетъ абонементной платы сумма, въ полученіи которой послѣдній выдалъ расписку „отъ Ищейкина и Ослятникова изъ Германской Имперіи". Спустя мѣсяцъ въ Линдау былъ задержанъ таможеннымъ начальствомъ тюкъ, отправленный изъ маленькаго мѣстечка въ Форарльбергѣ, и адресованный въ небольшой майнскій городокъ во Франконіи; съ виду это были бумажные отбросы, но подъ ними оказалась партія „Соціалъ-демократа". Гордые своимъ открытіемъ таможенные чиновники спрятали находку въ погребъ, но въ ближайшее же утро посылка исчезла и попала въ надлежащія руки. Въ самой же имперіи въ это же время съ магдебургской полиціей сыграли такую веселую шутку: съ ея одобренія, одинъ патріотическій книготорговецъ издалъ книжку въ красной обложкѣ подъ заманчивымъ заглавіемъ: „Побѣда соціалъ-демократовъ или Германія — республика, сочиненіе партійнаго товарища". Книжка начиналась радикальными фразами, чтобы вслѣдъ затѣмъ тѣмъ веселѣе покатить

по рельсамъ полицейскаго образа мыслей. Но вслѣдъ за тѣмъ появилось другое сочиненіе въ такомъ же точно изданіи, съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ, съ такимъ же введеніемъ, но которое въ дальнѣйшемъ содержаніи издѣвалось надъ закономъ противъ соціалистовъ. До 25,000 экземпляровъ той и другой книжки было распространено при содѣйствіи самой полиціи, которая только чрезъ два мѣсяца спохватилась, какихъ досадныхъ утятъ она вывела, и не знала, что ей теперь дѣлать: слѣдовало ли запретить свое собственное измышленіе, или же допустить съ нимъ и контрабанду. Трудная дилемма заставила ее напрячь свой умъ, и 9 мая 1880 года королевское правительство въ Магдебургѣ распорядилось, что сочиненіе въ блѣдно-красной обложкѣ полиціей разрѣшено, а сочиненіе въ ярко-красной обложкѣ полиціей запрещено ... И сіе напечатано въ „Германскомъ Имперскомъ Вѣстникѣ“, не подумайте, что въ какихъ-либо захолустныхъ „Уѣздныхъ Вѣдомостяхъ“ города Шильды.

Но при всѣхъ забавныхъ шуткахъ соціалъ-демократія никогда не забывала серьезности положенія. Полиція вознаграждала себя за всѣ моральныя пораженія безпощаднымъ примѣненіемъ матеріальныхъ средствъ своей безграничной диктатуры, и весною 1880 года Бисмаркъ внесъ въ рейхстагъ предложеніе, чтобы законъ противъ соціалистовъ, срокъ котораго истекалъ черезъ годъ, былъ продленъ еще на пять лѣтъ. Пресловутый сверхъ-человѣкъ не могъ ужъ болѣе управлять страной безъ осаднаго положенія, съ помощью котораго, по извѣстнымъ словамъ Кавура, могъ править всякій оселъ.

Прекрасные плоды, которые, по увѣренію Бисмарка, законъ о соціалистахъ долженъ былъ принести, оказались полнѣйшимъ тлѣномъ. Нужда массъ, въ которой, будто бы, была виновата соціалъ-демократическая агитація, стала послѣ подавленія послѣдней еще болѣе невыносимой, чѣмъ прежде. Своего апогея она до-

стигла въ промежуткѣ между 1879 и 1880 годами. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи: въ Спессартѣ, въ Тюрингіи, въ Саксонскихъ Рудныхъ горахъ, въ Верхней Силезіи свирѣпствовалъ, даже по сообщеніямъ буржуазной прессы, страшный голодъ. Къ этому присоединилась суровая зима и вслѣдъ за ней опустошительныя наводненія весною. Но если даже и этихъ испытаній было недостаточно, чтобы сломить силу соціалъ-демократической партіи, то тѣмъ шире теперь открылись глаза у бѣднаго люда, который до сихъ поръ еще вѣрилъ въ своего спасителя Бисмарка. Въ конецъ обезсиленные бѣдняки съ сугубой остротой почувствовали новые скорпіоны финансовыхъ и покровительственныхъ пошлинъ. Повышеніе заработной платы, къ которому должны были, будто бы, повести покровительственныя пошлины, конечно, не осуществилось; заработная плата, наоборотъ, гдѣ только было возможно, еще больше понижалась. Разгромъ профессіональныхъ организацій рабочихъ и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ свое губительное дѣло! Деревенскій пролетаріатъ сдѣлался сознательнымъ, благодаря полевому и лѣсному полицейскому уставу, позволившему прусскому представительству золотого мѣшка, въ его ненасытной жадности къ наживѣ, проглотить ягоды и сосновыя иглы, свободное собираніе которыхъ знаменовало собой жалкіе остатки былого общиннаго владѣнія лѣсомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ такой государственный мужъ, какъ Бисмаркъ, ничего не могъ придумать лучшаго, какъ усилить дѣйствіе осаднаго положенія: въ весеннюю сессію 1880 года онъ внесъ въ рейхстагъ требованіе продленія закона противъ соціалистовъ и возобновленія истекающаго въ ближайшемъ году „септенната“ при одновременномъ увеличеніи воинскаго контингента въ мирное время на 25,615 человѣкъ.

Внесенный правительствомъ законопроектъ, касающійся военнаго дѣла былъ принятъ безъ долгихъ раз-

мышленій консервативно-національно-либеральнымъ большинствомъ. Нѣкоторые націоналъ-либералы начали было жаловаться на ненасытность милитаризма, но шумно волочащаяся сабля Мольтке заставила ихъ скоро замолчать. Со времени русско-турецкой войны союзъ трехъ императоровъ получилъ неизгладимый ударъ; противоположные интересы Австріи и Россіи на востокѣ взаимно столкнулись, и какъ ни старался Бисмаркъ въ семидесятыхъ годахъ и, главнымъ образомъ, на Берлинскомъ конгрессѣ, защищать царскіе интересы, все же царь горько жаловался на неблагодарность вѣрнаго вассала. Новая группировка европейскихъ государствъ поставила Германію, Австрію, а вскорѣ также и Италію противъ двойственнаго русско-французскаго союза. Присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи дало теперь свои горькіе плоды. Соціалъ-демократическая политика послѣ Седана не могла получить болѣе убѣдительнаго подтвержденія нежели то, которое выразилось во все возрастающихъ требованіяхъ на военное дѣло, которыя, по увѣренію правительства, необходимы, чтобы быть вооруженнымъ на два фронта— противъ Франціи и Россіи. Какъ разъ это и предсказывалъ Брауншвейгскій комитетъ въ своемъ „Манифестѣ". Съ той же точки зрѣнія критиковалъ Бебель военный законопроектъ, не скрывая, что и соціалъ-демократія готова защищать родную землю противъ чужихъ завоевательныхъ вожделѣній. Онъ подробно обосновалъ въ „Соціалъ-демократѣ" этотъ свой взглядъ, вызвавшій отпоръ со стороны Моста, а также и отдѣльныхъ вѣрныхъ партійныхъ членовъ. Интернаціонально мыслящая соціалъ-демократія по существу своему вовсе не безотечественна — писалъ онъ — и не должна быть равнодушна къ тому, подпадетъ ли Германія подъ господство чужихъ завоевателей и отойдутъ ли отдѣльныя части государства въ ихъ руки; пролетаріатъ также нуждается въ національной независимости, чтобы имѣть возможность вести свою освободительную

борьбу неослабно и энергично“. Это было старое воззрѣніе, подтвержденное еще въ 1859 году Марксомъ, Энгельсомъ и Лассалемъ, исповѣдуемое Лассалемъ и Швейцеромъ при возникновеніи германской партіи, и только нѣсколько затемненное въ эру Сѣверогерманскаго Союза, отмѣченную полнымъ разбродомъ.

Правительственные законопроекты, направленные противъ соціалистовъ, заключали въ себѣ только жалкія и ничего не говорящія фразы; это относится какъ къ отчету о дѣйствіи осаднаго положенія въ Берлинѣ, такъ и къ законопроекту, требовавшему продленія закона противъ соціалистовъ еще на пять лѣтъ. Они были, какъ и всѣ законопроекты подобнаго рода, поступавшіе въ послѣднее десятилѣтіе въ рейхстагъ, выработаны по той схемѣ, которую Маколей характеризовалъ, въ качествѣ логики всякаго плохого правительства, слѣдующей формулой: „Если народъ волнуется, то онъ не созрѣлъ еще для свободы; если онъ спокоенъ, то онъ не желаетъ ея“. Точно таковъ же былъ и пріемъ Бисмарка; онъ говорилъ: или законъ противъ соціалистовъ принесъ съ собой успокоеніе пролетаріата, и потому долженъ быть продленъ, или законъ о соціалистахъ не принесъ еще никакого успокоенія пролетаріата, и потому тѣмъ болѣе долженъ быть продленъ. Вокругъ этихъ двухъ геніальныхъ точекъ зрѣнія вращалась съ 1880 г. аргументація всѣхъ законопроектовъ, направленныхъ противъ соціалистовъ; можетъ быть, тайные совѣтники, ихъ вырабатывавшіе, дѣйствительно, при утренней кружкѣ пива гадали по пальцамъ, на ту или другую колодку имъ набить свое „обоснованіе“; во всякомъ случаѣ, въ этихъ правительственныхъ „запискахъ“ никогда не было замѣтно связи съ конкретнымъ развитіемъ вещей. Независимые органы буржуазной прессы вскорѣ заявили, что прямо не стоитъ печатать этой макулатуры; тѣмъ менѣе, конечно, она можетъ стать объектомъ историческаго обзора. Въ 1880 году вопросъ о законѣ про-

тивъ соціалистовъ, который еще въ 1878 году въ глазахъ многихъ его сторонниковъ не былъ чуждъ идеологически-этическаго налета, ужъ давно сталъ просто вопросомъ силы, получавшимъ свое рѣшеніе съ точки зрѣнія потребностей классовой борьбы.

Консервативно-національно-либеральное большинство было готово продлить законъ. Националъ-либералы выставили только два условія: продленіе его должно ограничить срокомъ не на 5, а на $3^1/_2$ года, т. е. до 30 сентября 1884 года, и полицейское распоряженіе о выселеніи на основаніи 28-го параграфа не должно было касаться членовъ законодательныхъ палатъ во все время ихъ занятій. Правительство согласилось на оба эти условія; маленькое укороченіе срока было для него неважно, а преслѣдованіе Фричше и Гассельмана за нарушеніе постановленія объ ихъ высылкѣ потерпѣло уже и безъ того крушеніе вслѣдствіе судебнаго ихъ оправданія. Изъ всѣхъ националъ-либераловъ голосовалъ противъ продленія одинъ только Ласкеръ, тогда умирающій уже человѣкъ, раскаявшійся въ своихъ политическихъ прегрѣшеніяхъ и пытавшійся искупить ихъ. Онъ справедливо замѣтилъ, что правительство самымъ возмутительнымъ образомъ злоупотребило, вопреки своимъ обѣщаніямъ, полученными имъ для борьбы съ соціалъ-демократіей полномочіями. Его партійные товарищи хотѣли затушевать это неудобное признаніе безсовѣстнымъ замѣчаніемъ, что, когда вырывается сорная трава, то при этомъ неизбѣжно захватываются и здоровыя растенія.

Изъ буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій ультрамонтаны получили теперь увѣренность, что исключительный законъ ихъ не коснется, и потому тоже готовы были его продлить, и только для виду пытались выговорить нѣкоторыя смягченія. Старый Виндгорстъ требовалъ, чтобы малое осадное положеніе ограничивалось однимъ Берлиномъ, чтобы сборы въ пользу высланныхъ не были запрещены, и чтобы избирательныя

собранія не подлежали ограничительному закону. Правительство и его консервативно-націоналъ-либеральное большинство на это не согласились; они требовали, чтобы новообращенные „враги имперіи“ безъ всякихъ разсужденій прыгали чрезъ подставленную палку; 14 ультрамонтановъ выразили и на это свою полную готовность. Такъ какъ этимъ уже обезпечивалось большинство за законъ, то прогрессисты могли еще разъ предаться безпрепятственному самоуслажденію своими тирадами, долженствующими показать передъ всѣмъ свѣтомъ несокрушимую преданность своимъ высокимъ принципамъ.

Изъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ при первомъ чтеніи говорилъ Фальтейхъ очень хорошо и сильно. Въ отвѣтъ на рѣчи противниковъ, утверждавшихъ, что соціалъ-демократія стремится къ революціи, проводимой „вилами и топорами“, по образцу русскихъ нигилистовъ-террористовъ, дѣйствовавшихъ въ ту пору во всю, онъ возразилъ, что революція съ баррикадами и т. п. при усовершенствованіи оружія и развитіи современнаго милитаризма невозможна по чисто-техническимъ условіямъ; нѣмецкая соціалъ-демократія и русскіе нигилисты по своему происхожденію и цѣлямъ совершенно различныя партіи и вслѣдствіе этого пользуются совершенно различной тактикой. Подобнымъ же образомъ отнесся и Бебель къ русскому нигилизму. При второмъ чтеніи фракція принимала участіе въ дебатахъ внесеніемъ предложеній объ измѣненіи, естественно, только съ той цѣлью, чтобы имѣть возможность говорить и освѣтить съ различныхъ сторонъ чудовищную полицейскую практику. Кромѣ того, ихъ предложенія были такъ составлены, что, какъ сказалъ одинъ націоналъ-либеральный ораторъ, съ принятіемъ ихъ, осталась бы только одна раковина улитки, сама же улитка совершено бы исчезла. Въ третьемъ чтеніи говорилъ Гассельманъ въ общемъ не безъ ловкости, но съ грубо-вызывающимъ заключеніемъ: онъ сожа-

лѣетъ, что большинство его коллегъ отклонило солидарность съ русскими нигилистами, но онъ ее признаетъ; время парламентской болтовни прошло, и наступило время дѣйствія. Послѣ этого правительственный законопроектъ былъ принятъ 191 голосомъ противъ 94.

Болѣе неблагопріятнаго момента, чѣмъ тотъ день, когда рабочій классъ былъ лишенъ своихъ правъ на цѣлый рядъ лѣтъ, Гассельманъ не могъ выбрать для своего пронунціаменто. Съ 1876 года, со времени Готскаго конгресса онъ не переставалъ фрондировать и интриговать, не придерживаясь какого-либо опредѣленнаго принципа; онъ какъ будто кокетничалъ „мозолистымъ кулакомъ" рабочаго. Неоспоримыя заслуги, которыя числились за нимъ, какъ за духовнымъ руководителемъ „Der neue Socialdemokrat", сохранили ему приверженность нѣкоторыхъ рабочихъ круговъ, особенно въ Берлинѣ и Эльберфельдъ-Барменѣ, мѣстахъ его личнаго вліянія, однако же образовать свою особую фракцію ему не удалось. Послѣ изданія закона противъ соціалистовъ, его товарищи по рейхстагу неоднократно пытались привлечь его снова къ работѣ въ партійныхъ интересахъ, однако онъ ихъ отталкивалъ своимъ недовѣрчивымъ замкнутнымъ характеромъ. Онъ раздувалъ всякую искру недоразумѣній, появлявшуюся гдѣ-либо въ партіи, въ пламя раздора, и парламентская фракція давно уже взвѣшивала вопросъ, не предпочесть ли открытую борьбу тайной, полной скрытой подозрительности другъ къ другу. Тѣмъ лучше было, что Гассельманъ теперь самъ порвалъ съ партіей и добровольно покончилъ свою политическую жизнь.

Егоу порное розобщеніе съ партіей казалось, совершенно затемнило его политическій взглядъ; иначе онъ долженъ былъ бы признать изъ цѣлаго ряда перебаллотировокъ, которыя имѣли мѣсто въ первой половинѣ 1880 года, какъ мало сознательный пролетаріатъ

думаетъ смѣшивать политическую дѣятельность съ „пропагандой дѣйствіемъ“. 2-го марта Ауэръ былъ выбранъ въ Глаухау-Мееранѣ 8,225 голосами противъ 7288 голосовъ вмѣсто Бракке, который по болѣзни отказался отъ своего полномочія. Этотъ избирательный округъ былъ старымъ владѣніемъ партіи, но какъ разъ тогда въ немъ свирѣпствовала страшная нужда, и, чтобы преодолѣть ея подавляющее вліяніе, нужна была большая духовная энергія голодающихъ ткачей. Многіе изъ нихъ отказывались отъ поддержки изъ общественныхъ средствъ, чтобы не потерять избирательнаго права. Повидимому, не столь благопріятно прошла перебаллотировка 15-го апрѣля въ Берлинѣ II, гдѣ соціалъ-демократическій кандидатъ получилъ только 3,000 голосовъ (на цѣлую половину меньше, чѣмъ въ годъ покушеній). Но если принять во вниманіе, что въ Берлинѣ всякому соціалъ-демократическому избирателю угрожала опасность немедленной высылки, то и этотъ результатъ слѣдуетъ признать весьма благопріятнымъ, и восторгъ противниковъ по поводу „благодѣтельнаго“ вліянія осаднаго положенія одна консервативная газета охладила скептическимъ вопросомъ: сколько либеральныхъ и консервативныхъ голосовъ было бы подано при подобныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ соціалъ-демократія все-таки получила 3,000 голосовъ? Но если это и было маленькой зазубриной, то 27-го апрѣля она была блестяще сглажена выборомъ Гартмана въ Гамбургѣ II, гдѣ 13,155 соціалъ-демократическихъ избирателей при первомъ же натискѣ побили 6,451 прогрессистскаго и 3,583 націоналъ либеральныхъ избирателей. Этимъ впервые былъ пріобрѣтенъ соціалъ-демократами новый округъ при господствѣ закона, противъ соціалистовъ; среди совѣщаній рейхстага о продленіи закона противъ соціалистовъ вѣрный Гамбургъ бросилъ рѣзкій протестъ. Побѣда была одержана при самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, несмотря на подавленіе всякой избирательной агитаціи,

невзирая на арестъ избирательнаго комитета, вопреки конфискаціи избирательнаго фонда и невиннаго агитаціоннаго листка, призывавшаго избирателей къ предварительному ознакомленію съ избирательными списками. Только одна тѣнь омрачила блестящій успѣхъ; въ этотъ самый день умеръ Бракке отъ сильнаго кровотеченія изъ легкихъ; какъ и Гейбъ, онъ еще не достигъ сорокалѣтняго возраста.

Эти выборы имѣли большое значеніе и для внутреннихъ отношеній въ партіи. Въ Гамбургѣ Гассельманъ издавалъ нѣсколько безцвѣтныхъ еженедѣльныхъ газетъ, и если вообще гдѣ-либо, то именно здѣсь онъ долженъ былъ бы начать свою „дѣятельность". Но онъ и не думалъ объ этомъ, едва отважившись напечатать въ смягченномъ видѣ свою зажигательную рѣчь въ собственной газетѣ, послѣ чего продолжалъ интриговать по-старому; но его подозрѣнія потеряли весь свой ядъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вынужденъ былъ выступить съ ними открыто. Незначительный кругъ его приверженцевъ совершенно растаялъ, и великій революціонеръ сдѣлался безвольной игрушкой прусскихъ шпіоновъ. Когда нѣкій Нейманъ, будто-бы, берлинскій „ соціалъ-революціонеръ", по пути въ Лондонъ, навѣстилъ Гассельмана, послѣдній далъ этому самозванному „товарищу" кровожадную статью для помѣщенія, во „Freiheit". Вскорѣ послѣ этого распространился слухъ, что Нейманъ, повидимому, шпіонъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ, и Гассельманъ вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ, бывшимъ частнымъ учителемъ, Карломъ Шнейдтомъ, должны были бѣжать; они могли тѣмъ легче рѣшиться на это, что имъ ужъ нечего было терять у нѣмецкихъ рабочихъ. Ихъ бѣгство поддерживалъ и поощрялъ другой шпіонъ, красильщикъ Вихманъ, по наущенію полицейскаго комиссара Альтоны Энгеля, которому Гассельманъ внушилъ такой страхъ, что тотъ рѣшилъ злоупотребить этимъ „человѣкомъ дѣйствія" для выслѣживанія иностран-

ныхъ анархистскихъ партій. Гассельманъ, вначалѣ бѣжавшій въ Бельгію, потомъ въ Англію и, наконецъ, въ Америку, повсюду рекомендовалъ помощника своего бѣгства, какъ вѣрнаго товарища по убѣжденіямъ; Вихманъ сдѣлался корреспондентомъ „Freiheit" и получалъ отъ иностранныхъ анархистовъ важныя сообщенія, которыя онъ въ самомъ свѣжемъ видѣ и передавалъ Энгелю. Такъ же плачевна, какъ пронунціаменто Гассельмана, была попытка двухъ берлинскихъ изгнанниковъ, каменщика Кэрнера и столяра Финна, произвести на партію натискъ справа; едва они воодушевились „соціальными реформами" Бисмарка и Штэккера, какъ уже стали мертвыми для партіи людьми; никогда впредь уже не присоединился къ нимъ ни одинъ третій человѣкъ, чтобы образовать если не дружественную правительству рабочую партію реформъ, то хоть дружественную правительству рабочую партію для реформы карточной игры.

Въ маѣ была еще разъ сдѣлана послѣдняя попытка соглашенія съ Мостомъ. Къ этому времени долженъ былъ собраться тайный партійный конгрессъ въ Роршахѣ на Боденскомъ озерѣ, куда Мостъ явился съ полномочіями отъ Берлина и Криммичау. Конгрессъ не могъ состояться, такъ какъ полиція выслѣдила его подготовленіе, и Мостъ остался агитировать въ Швейцарскихъ городахъ. При этомъ въ Цюрихѣ у него произошли съ тамошними приверженцами партіи подробныя объясненія и была даже единогласно принята резолюція, слѣдуя которой должны были быть прекращены всѣ личные нападки съ обѣихъ сторонъ и главныя различія во мнѣніяхъ должны были быть выяснены спокойнымъ и чисто дѣловымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, когда Мостъ вернулся въ Лондонъ, онъ отрицалъ это соглашеніе и возобновилъ прежнія подстрекательства. Послѣднія вскорѣ сдѣлались рабочимъ такъ же противны, какъ зажигательныя рѣчи Гассельмана. Когда въ Берлинѣ V, гдѣ въ годъ покушенія было подано

3615 соціалъ демократическихъ голосовъ, въ іюнѣ произошла перебаллотировка, на которой партія, при абсолютной безнадежности своей кандидатуры, объявила демонстративное воздержаніе отъ выборовъ, Мостъ поручилъ своимъ приверженцамъ выставить его кандидатуру и получилъ ровнымъ счетомъ 203 голоса. Между партійными товарищами Берлина господствовалъ нѣкоторый разладъ, а тяжелый гнетъ малаго осаднаго положенія дѣлалъ ихъ болѣе всего воспріимчивыми къ тактикѣ, требовавшей око за око и зубъ за зубъ. Но они были слишкомъ хорошо испытанными и обученными партійными товарищами, чтобы не повиноваться своимъ обязанностямъ передъ партіей во всемъ ихъ объемѣ, и всякія сепаратистскія стремленія были имъ совершенно чужды.

Состоявшійся тогда конгрессъ засѣдалъ съ 20-го по 23-ье августа въ старомъ замкѣ въ Виденѣ, который расположенъ при Оссингенѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ главной дороги. Здѣсь было 56 делегатовъ, большая часть которыхъ пріѣхала изъ различныхъ частей Германіи; кромѣ того, тутъ присутствовали представители нѣмецкихъ соціалистовъ изъ Швейцаріи, Франціи и Бельгіи, а также по два швейцарскихъ и австрійскихъ партійныхъ товарища. Соціалисты всѣхъ странъ прислали сюда многочисленныя привѣтствія и выраженія своихъ симпатій. Хотя „Соціалъ демократъ" съ 20-го іюня неоднократно призывалъ къ посѣщенію этого конгресса, тайна о времени и мѣстѣ созыва была такъ хорошо сохранена, что четырехъ-дневныя совѣщанія прошли безъ всякой помѣхи. Мостъ и Гассельманъ не явились; и между 56 участниками находилось только три „соціалъ-революціонера": одинъ рейнскій делегатъ и два делегата изъ Берлина.

8 засѣданій конгресса дали пищу для нѣсколькихъ внушительныхъ столкновеній между участниками, но въ концѣ концовъ удалось придти къ пол-

пому соглашенію. Критика ошибокъ, сдѣланныхъ въ первый годъ послѣ изданія закона противъ соціалистовъ, имѣла теперь лишь историческій интересъ; если одни не могли достаточно оцѣнить тяжелаго положенія и громадной отвѣтственности руководителей, то другіе, ударяясь въ другую крайность, задавались вопросомъ, что могли бы сдѣлать руководители, если бы массы отказались слѣдовать за ними. Но уже давно принятая къ руководству тактика не могла вызвать основательныхъ упрековъ. Не было ужъ больше безпрекословнаго подчиненія закону противъ соціалистовъ, и прежняя агитація велась старыми способами. не считаясь съ исключительнымъ закономъ и даже вопреки ему. Сознательный пролетаріатъ взялъ себѣ обратно захваченныя у него права силой собственнаго суверенитета въ полномъ убѣжденіи, что его смертельнымъ врагамъ скорѣе удастся схватить руками бури неба, чѣмъ заковать въ свои заржавленныя цѣпи его колоссальные члены.

Итакъ, конгрессъ постановилъ измѣнить готскую программу въ томъ смыслѣ, что партія будетъ добиваться своихъ цѣлей всѣми средствами, а не только всѣми дозволенными средствами, что фракція рейхстага должна быть признана руководительницей партіи и „Соціалъ демократъ“ — оффиціальнымъ партійнымъ органомъ, что каждый годъ и, самое большее, каждые три года долженъ быть созываемъ партійный конгрессъ, что организація въ различныхъ мѣстахъ должна быть дѣломъ партійныхъ товарищей, что необходимо принимать участіе въ выборахъ въ рейхстагъ, ландтагъ и коммуны изъ агитаціонныхъ и пропагандистскихъ цѣлей, въ особенности должно развить самую широкую пропаганду для выборовъ въ рейхстагъ въ 1881 году такимъ образомъ, чтобы партійные товарищи самостоятельно дѣйствовали во всѣхъ избирательныхъ округахъ, каково бы ни было ихъ число, и выставляли собственныхъ кандидатовъ; при перебаллотировкахъ,

однако, необходимо воздерживаться отъ голосованія. Воздержанія отъ голосованія было старымъ наслѣдіемъ Готскаго конгресса семидесятыхъ годовъ; вызванное измѣнническимъ поведеніемъ буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій, это постановленіе обыкновенно существовало только на бумагѣ; если болѣе прогрессивный изъ двухъ буржуазныхъ кандидатовъ, на которыхъ останавливался выборъ, былъ хоть сколько-нибудь пріемлемъ, то онъ могъ въ общемъ разсчитывать на соціалъ-демократическіе голоса.

Международное положеніе партіи было также установлено нѣкоторыми рѣшеніями. Конгрессъ высказалъ свою симпатію освободительной борьбѣ русскихъ нигилистовъ, несмотря на то, что ихъ тактика, обусловленная русской жизнью, не отвѣчала германскимъ условіямъ, и рѣшилъ участвовать во всемірномъ конгрессѣ, который бельгійскіе соціалисты предполагали созвать въ 1881 году. По предложенію знакомаго съ американскими условіями делегата, нѣсколько партійныхъ товарищей должны были передъ ближайшими выборами въ рейхстагъ сдѣлать въ Соединенныхъ Штатахъ публичные доклады о политическихъ отношеніяхъ Германіи, съ цѣлью усиленія средствъ избирательнаго фонда.

Въ отношеніи внутреннихъ партійныхъ смутъ конгрессъ постановилъ исключить изъ партіи Гассельмана и Моста. Три „соціалъ-революціонныхъ“ делегата воздержались при этомъ отъ голосованія, впрочемъ, на чисто формальныхъ основаніяхъ, такъ какъ и они признавали поведеніе Гассельмана и Моста пагубнымъ для интересовъ партіи. Тщательная провѣрка счетовъ доказала, что всѣ обвиненія въ легкомысленномъ распоряженіи партійными деньгами являлись полнѣйшимъ вымысломъ. Приходъ со времени опубликованія закона о соціалистахъ до 1 августа 1880 года круглымъ счетомъ выражался въ 33310 маркахъ; изъ нихъ на различныя нужды вспомоществова-

ванія было истрачено 27.650 марокъ, не считая мѣстныхъ расходовъ, которые, по меньшей мѣрѣ, составляли такую же сумму.

Если первый годъ дѣйствія закона противъ соціалистовъ закончился призывомъ къ сосредоточенію всѣхъ силъ, то второй годъ завершился смотромъ собравшихся отрядовъ. Войско было готово къ походу, и его знамена развѣвались для новыхъ побѣдъ

2. Рѣшительное сраженіе.

На гамбургскіе выборы и на конгрессъ въ Виденѣ Бисмаркъ отвѣтилъ давно разсчитаннымъ ударомъ; 28 октября 1880 года было объявлено въ Гамбургъ-Альтонѣ и его окрестностяхъ, на пространствѣ 20 кв. миль съ 600,000 жителей, малое осадное положеніе. Гамбургскій сенатъ долго медлилъ своимъ согласіемъ на это; буржуазія крупнаго торговаго города находилась тогда въ сильномъ разладѣ съ Бисмаркомъ, который, въ интересахъ своей покровительственной таможенной политики, проектировалъ присоединеніе Гамбурга къ таможенному союзу; для него, понятно, было двойнымъ удовольствіемъ за одно съ революціоннымъ пролетаріатомъ нанести ударъ и упрямой буржуазіи, вскорѣ послѣ этого дѣйствительно сложившей оружіе.

Рабочіе выступили вмѣстѣ съ буржуазіей противъ Бисмарка за объявленіе города порто-франко и, главнымъ образомъ, они обязаны именно этому обстоятельству тѣмъ, что не были слишкомъ притѣсняемы въ первые годы дѣйствія закона противъ соціалистовъ, хотя они, конечно, не испытывали недостатка во всякихъ репрессіяхъ: „Hamburg-Altonaer Volksblatt“ былъ такъ же скоро закрытъ, какъ и „Vorwärts“ и „Berliner Freie Presse“. Но еще до опубликованія закона противъ соціалистовъ Генрихъ Дитцъ, уроженецъ Любека и руководитель гамбургской товарищеской книгопечатни, формально вступилъ во владѣніе этимъ предпріятіемъ, чтобы защитить его отъ ударовъ полиціи,

и ему дѣйствительно удалось отпарировать ихъ основаніемъ „Gerichtszeitung“, которая редактировалась Блосомъ, Карломъ Гильманомъ, Ольденбургомъ, а впослѣдствіи также Ауэромъ, и которая быстро пріобрѣла 12,000 подписчиковъ. Выступая осторожно, она была терпима въ Гамбургѣ, но въ Альтонѣ ея первые 42 номера постоянно конфисковывались. Прусская полиція хотѣла въ ней видѣть продолженіе запрещеннаго „Volksblatt“, и между нею и альтонскими разносчиками газетъ, боровшимися за свой ежедневный кусокъ хлѣба, возникла долгая борьба, которая въ обвиненіи, предъявленномъ альтонской полиціей и прошедшемъ черезъ двѣ инстанціи, закончилась побѣдой обвиненныхъ разносчиковъ газетъ. На представленія, которыя Дитцъ сдѣлалъ полицейскому комиссару Энгелю, этотъ христіански-прямодушный человѣкъ возразилъ: „Вы приняли въ свое предпріятіе берлинскихъ изгнанниковъ, этого достаточно“ Гамбургскіе выборы 27 апрѣля показали тогда, что за бархатными перчатками гамбургской полиціи скрываются острые когти, но они также показали, что гамбургскіе рабочіе были очень далеки отъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій. Благодаря этому, не было никакихъ основаній прибѣгнуть къ 28 параграфу; и объявленіе малаго осаднаго положенія въ Гамбургѣ и его окрестностяхъ явилось лишь жестокимъ актомъ мщенія.

Не менѣе жестоко было и его проведеніе въ жизнь. Приказы о выѣздѣ были тотчасъ же получены 75 лицами, въ томъ числѣ 67 отцами семействъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, та же участь постигла еще 30 лицъ. Содержателю гостиницы Фалю въ Пиннебергѣ, который уже лежалъ цѣлый годъ въ чахоткѣ и не могъ оставить постели, было отказано въ просьбѣ о продленіи срока; самымъ характернымъ проявленіемъ прусскаго христіанства былъ тотъ фактъ, что Фаль, тяжело больной, былъ отправленъ за предѣлы города. Между гамбургскими изгнанниками находились Ауэръ, Блосъ,

Дитцъ, Гартманъ, Карлъ Гильманъ, братья Капелль, Ольденбургъ, Прастъ, Реймеръ; большинство изъ нихъ уѣхало въ Америку. Дитцъ съ Ауэромъ и Гильманомъ отправились въ Гарбургъ, чтобы помѣшать здѣсь закрытію „Gerichtszeitung", но послѣдняя 30 марта 1881 г. была уже запрещена, яко-бы, за замѣтку о русскихъ полицейскихъ порядкахъ, въ дѣйствительности же за ея оппозицію противъ присоединенія Гамбурга къ таможенному союзу. Хотя она была немедленно замѣщена „Bürgerzeitung", во главѣ сотрудниковъ которой стоялъ Іоаннъ Ведде, однако, гамбургское предпріятіе, какъ это было констатировано комиссіей буржуазныхъ спеціалистовъ, приглашенной Дитцемъ, изъ-за репрессій и преслѣдованій, длившихся 1½ года, потеряло 100.000 марокъ своей стоимости. Сверхъ того, распространеніе малаго осаднаго положенія на Гарбургъ и его округъ уничтожило вскорѣ и это убѣжище.

Гамбургскія изгнанія стоили партіи потери нѣсколькихъ старыхъ борцовъ: Гартманъ, Карлъ Гильманъ, Ольденбургъ, оба брата Капелль ушли изъ движенія. Но сомкнутые ряды не поколебались ни на одну минуту; и когда въ рейхстагѣ 31 марта 1881 года велись пренія по поводу правительственной „записки" объ осадномъ положеніи въ Берлинѣ и Гамбургѣ, сама буржуазная пресса признала, что такъ отважно, какъ на этотъ разъ, соціалъ-демократія еще никогда не выступала въ рейхстагѣ. И рѣчи Ауэра и Бебеля вполнѣ заслуживали похвалы соціалъ-демократовъ: никакой уступки, но также и никакой ребяческой угрозы, безъ апелляціи къ чувству состраданія, но также и безъ театральнаго паѳоса. Это совпало съ тѣми днями, когда русскіе террористы привели въ исполненіе свой приговоръ надъ императоромъ Александромъ, и новая волна страха предъ соціалистами обуяла германскихъ филистеровъ. Соціалъ-демократическіе ораторы пренебрегли дешевымъ пріемомъ громогласнаго возмущенія по по-

воду того, что проклятіе тяжкихъ преступленій постигло ихъ совершителя; они отклонили тактику русскихъ революціонеровъ для своихъ германскихъ отношеній, но ихъ право они признавали въ такомъ объемѣ, въ какомъ не призналъ его доселѣ еще никто, ни въ одномъ парламентѣ на свѣтѣ. Ауэръ кончилъ словами: „Дѣлайте, что вамъ угодно, мы готовы на все“, а Бебель сказалъ: „Ваше оружіе въ этой борьбѣ разобьется, какъ стекло о гранитъ“.

За столомъ Союзнаго Совѣта выступилъ противъ нихъ въ первый разъ новый министръ полиціи, тотъ за-померанскій грандъ фонъ-Путткамеръ, имени кото раго въ эру закона противъ соціалистовъ суждено было стать нарицательнымъ, подобно именамъ Коцебу, Камптцъ, Тцшоппе въ дни пресловутой травли „демагоговъ“. Дворянинъ, безъ всякаго историческаго и экономическаго образованія, состарившійся среди безсмысленной рутины прусской бюрократіи, выдрессированный на обыкновенныхъ полицейскихъ хитростяхъ, онъ былъ одаренъ только небольшими театральными способностями бросать вокругъ себя словами, всегда сознавая, что за ними ничего, ровно ничего не скрывается. Онъ сдѣлалъ соціалистической „красной почтѣ“ лестный комплиментъ, что она „съ поистинѣ адской ловкостью“ тайно ввозила въ Германію „Соціалъ-демократъ“, и извлекъ свой, наполненный цитатами, мѣшокъ, который онъ съ этихъ поръ открывалъ при всякихъ соціалистическихъ дебатахъ, какъ единственный источникъ утѣшенія для государственной мудрости. Оправданія или даже тѣни оправданія тяготѣющаго надъ Берлиномъ и Гамбургомъ осаднаго положенія онъ, конечно, привести не могъ. Несмотря на это, рейхстагъ рѣшилъ принять „записки“ къ свѣдѣнію; Бисмаркъ зналъ, что можно дерзнуть предложить буржуазнымъ партіямъ.

Но онъ долженъ былъ теперь, наконецъ, выступить со своими „положительными реформами“ въ по-

слѣдней сессіи рейхстага, выбраннаго во время покушеній. Въ первыхъ трехъ сессіяхъ основательно разрабатывалась старая прусская тема объ обязанностяхъ гражданина идти въ солдаты, платить подати и молчать; если бы хоть въ послѣднее мгновеніе не было ничего сдѣлано для отвода глазъ, то при новыхъ выборахъ 1881 года дѣло обстояло бы весьма печально. Законопроектъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ былъ подаркомъ, преподнесеннымъ Бисмаркомъ придавленной и голодающей массѣ. Мѣсто жалкаго закона объ отвѣтственности предпринимателя, дававшаго предпринимателю возможность избѣгнуть необходимости вознагражденія за увѣчья находящихся у него на службѣ рабочихъ, должно было занять страхованіе всѣхъ несчастныхъ случаевъ при помощи особаго государственнаго банка. Двѣ трети расходовъ по страхованію должны были нести предприниматели и одну треть—рабочіе, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, что для рабочихъ, ежегодный заработокъ которыхъ не превосходитъ 750 марокъ, государственная касса должна принять на себя требуемую треть. Но страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, въ случаѣ неспособности къ работѣ, должно было вступить въ силу только на пятой недѣлѣ послѣ случившагося несчастія, а до тѣхъ поръ всю тяжесть должны были нести кассы вспомоществованія на случай болѣзни. Обоснованіе этого проекта было преисполнено дружественныхъ по отношенію къ рабочимъ рѣчей, соціалистическихъ „моментовъ", христіанскихъ чувствъ и гуманности. При обсужденіи его въ рейхстагѣ, Бисмаркъ превзошелъ себя и выступалъ въ томъ демагогическомъ духѣ, который отличается многословнымъ самохвальствомъ. Этотъ человѣкъ, еще такъ недавно приносившій въ жертву своей деспотической прихоти сотни семействъ, проливалъ крокодиловы слезы надъ обдѣленными и рабочими-старцами, которымъ приходилось умирать на мусорной кучѣ медленной голодной смертью.

Теперь только стало ясно, насколько переоцѣнивали его, когда сравнивали даже съ Дизраэли или съ Луи Бонапартомъ. Онъ возбудилъ противъ себя всю буржуазію, не привлекши ни одного рабочаго. Его націоналъ-либеральная лейбъ-гвардія распалась еще лѣтомъ 1880 года; слишкомъ „раздосадованные фритрэдеры" отдѣлились и повели свою собственную политику подъ именемъ „сецессіонистовъ". Но и стоящая за покровительственныя пошлины буржуазія вовсе не была согласна на „соціалистическіе эксперименты". Особенно биржа, представители которой сильно поддерживали протекціонистскую политику и уже успѣли снять пѣнки, вызвавъ выгодную для себя акціонерную горячку, приходила со дня на день все въ сильнѣйшее негодованіе изъ-за травли евреевъ. Послѣ того, какъ Штэккеръ со своей христіанско-соціальной агитаціей получилъ отпоръ отъ рабочихъ, онъ съ весьма даже не ошибочнымъ инстинктомъ обратился къ антисемитско-мелкобуржуазной агитаціи, и въ этой средѣ, по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ, собиралъ значительное количество слушателей. Бисмаркъ былъ достаточно недальновиденъ, чтобы оказать этому безнадежному движенію благосклонную защиту. Правда, когда Штэккеръ въ іюнѣ 1880 года затронулъ его собственнаго лейбъ-еврея Блейхредера, Бисмаркъ, не задумываясь, хотѣлъ изгнать „второго Лютера" изъ Берлина, „какъ и другихъ соціалъ демократовъ", каковое намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что императоръ не могъ превозмочь своей симпатіи къ своему рыцарю, и Бисмарку пришлось ограничиться однимъ энергичнымъ выговоромъ. Тѣмъ не менѣе, публично Бисмаркъ не отрекался отъ антисемитской агитаціи и весьма охотно принималъ оваціи, устраиваемыя ему антисемитами, не понимая, что пылкій восторгъ жалкихъ крикуновъ не могъ его вознаградить за растущее озлобленіе высшихъ еврейскихъ финансовыхъ круговъ. Эта умудренная опытомъ группа людей начала его

щекотать въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ; она при-налегла на кронпринца, содержимаго своимъ отцомъ „въ черномъ тѣлѣ“ и принужденнаго полагаться на ея благосклонность, такъ усердно и тяжеленько, что вынудила послѣдняго пробормотать, наконецъ, нѣсколько фразъ о „позорномъ явленіи вѣка“; впрочемъ, были ли высказаны эти слова, которыя вся капиталистическая пресса находила отнынѣ „прекраснѣйшимъ цвѣткомъ человѣческаго духа“, достовѣрно не установлено.

Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ былъ каплей, переполнившей чашу накопившагося негодованія буржуазіи. Послѣдняя принимала „соціализмъ“ Бисмарка гораздо серьезнѣе, чѣмъ это можно было предполагать; она видѣла въ государственномъ банкѣ для страхованія отъ увѣчій начало, которое должно было лишить частную спекуляцію ея обезпеченнаго существованія, и въ имперской приплатѣ—попытку отдать рабочему классу малую толику государственнаго кредита, на который она цѣликомъ претендовала. Затронутая, такимъ образомъ, за самое чувствительное мѣсто, нѣмецкая буржуазія выказала нѣкоторое мужество, никогда не проявляемое ею въ защиту своихъ политическихъ идеаловъ; но на этотъ разъ она поднялась до героическаго рѣшенія при ближайшихъ выборахъ потрепать немного своего геніальнаго витязя за не подходящіе для его роли скачки въ сторону.

Рабочіе же тотчасъ же раскусили игру Бисмарка. Либкнехтъ попалъ не въ бровь, а въ глазъ, когда упомянулъ о „бездонной пропасти“, которая зіяетъ между германской соціалъ-демократіей и иниціаторомъ закона противъ соціалистовъ; тѣмъ не менѣе, было не въ интересахъ партіи голосовать вмѣстѣ съ буржуазіей противъ закона о страхованіи. Оттолкнувъ отъ себя лже-соціализмъ всесильнаго мажордома, она не должна была дать себя оплести и господамъ манчестер-

цамъ Даже въ антисемитскихъ и филосемитскихъ столкновеніяхъ, въ этой войнѣ мышей и лягушекъ, гдѣ рабочіе могли скорѣе всего остаться нейтральными, они немедленно заняли рѣшительное и опредѣленное положеніе надъ партіями. У нихъ не было никакихъ основаній заступаться за денежное еврейство, но изъ-за этого они не имѣли нужды давать себя обманывать христіанско-германской барышнической политикѣ, которая по существу равнялась денежному еврейству, цѣликомъ возведенному въ квадратъ, и все же пользовалась высокимъ покровительствомъ Штэккера. Когда берлинская и бреславская полиція, въ январѣ 1881 года, нѣсколько ослабила петлю рабочихъ въ надеждѣ, что они попадутъ въ антисемитскую ловушку, партія въ многочисленныхъ и многолюдныхъ митингахъ предостерегала „всѣхъ сельскихъ и городскихъ рабочихъ отъ коварныхъ попытокъ, предпринимаемыхъ разнаго рода мнимыми друзьями народа“. Тамъ говорилось, что рабочимъ не слѣдуетъ принимать активнаго участія въ антисемитскомъ движеніи, и что при выборахъ въ рейхстагъ они дожны выбирать только такихъ кандидатовъ, которые будутъ противъ всѣхъ исключительныхъ законовъ. Послѣ этого на рабочіе митинги въ Берлинѣ и Бреславлѣ былъ снова наложенъ самый строгій запретъ.

Съ такой же точки зрѣнія социалъ-демократическая фракція разсматривала предложенный Бисмаркомъ законопроектъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Она критиковала законопроектъ въ интересахъ рабочаго класса несравненно глубже и дѣльнѣе, чѣмъ буржуазная оппозиція. Соціалъ-демократическіе ораторы съ ироніей указывали на то, что какъ разъ тѣ либералы, которые ревностнѣе всѣхъ выступили въ защиту имперскаго банка, учреждаемаго для регулированія денежной циркуляціи, теперь самымъ энергичнымъ образомъ возстаютъ противъ, если можно такъ выразиться, пролетарскаго имперскаго

банка, предназначеннаго для регулированія страхованія отъ увѣчій. Такой банкъ — говорили они — имѣетъ тѣ неоспоримыя преимущества, что онъ имѣетъ болѣе дешевое, чѣмъ частное страхованіе, управленіе и представляетъ собой важную контрольную инстанцію, для принятія мѣръ къ предотвращенію случаевъ увѣчья, въ чемъ, въ концѣ концовъ, и состоитъ главная цѣль всякаго страхованія отъ увѣчій. Противъ имперской приплаты высказались также и соціалъ-демократическіе депутаты, но на совершенно другомъ основаніи, чѣмъ манчестерцы. Они исходили изъ того непреложнаго и признаннаго къ тому же и буржуазной экономіей факта, что издержки на страхованіе относятся къ издержкамъ производства, и потому должны быть цѣликомъ взяты на себя одними предпринимателями. Государство въ этомъ случаѣ не должно дѣлать предпринимателямъ никакихъ подарковъ, но, конечно, еще менѣе долженъ это дѣлать рабочій классъ; и если ужъ здѣсь является необходимость выбирать, то имперская приплата, во всякомъ случаѣ, меньшее зло, чѣмъ принудительный взносъ рабочихъ. По детальнымъ вопросамъ, связаннымъ съ этимъ законопроектомъ, фракція обнаружила свои взгляды въ цѣломъ рядѣ предложеній объ измѣненіи проекта, которыя, понятно, были отклонены, какъ бы для того, чтобы лишній разъ доказать, что только соціалъ-демократическіе депутаты являются преданными политическими представителями рабочихъ интересовъ. Буржуазныя партіи ограничились тѣмъ, что протрубили на весь міръ, что имперскій банкъ и государственная приплата, являются святотатственнымъ покушеніемъ на святой духъ капитализма, и рѣшительно отклонили ихъ, во всемъ же прочемъ настолько исказили этотъ проектъ, что союзный совѣтъ принужденъ былъ взять его обратно, какъ совершенно невыполнимый.

Въ общемъ положеніи, занятомъ соціалъ-демократической фракціей по отношенію къ бисмарковскому

„соціалистическому“ выступленію, еще чувствовалась до извѣстной степени теоретическая неувѣренность. Проектъ Бисмарка о страхованіи былъ использованъ очень удачно въ агитаціонномъ смыслѣ, но теоретически онъ былъ использованъ неправильно, а именно, какъ капитуляція Бисмарка предъ соціалъ-демократіей. Выходило такъ, какъ будто бы не Бисмаркъ держалъ въ рукахъ соціалъ-демократію, а наоборотъ, соціалъ-демократія — Бисмарка; будто онъ плыветъ на соціалистическомъ буксирѣ и своимъ законопроектомъ вколачиваетъ въ капиталистическое общество остріе клина, за которымъ неминуемо долженъ послѣдовать и широкій конецъ. Между тѣмъ, такихъ широкихъ замысловъ Бисмаркъ совсѣмъ не имѣлъ; въ своемъ проектѣ онъ не желалъ покидать почву буржуазнаго общества и не покинулъ ея. Безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ были высказаны нѣкоторыя положенія, съ которыми можно не согласиться, но въ сравненіи съ практически правильной позиціей, занятой соціалъ-демократической фракціей, это не имѣло того значенія, какое ему впослѣдствіи неоднократно придавали, — съ цѣлью по возможности внести разладъ въ партію.

По окончаніи сессіи рейхстага 27 іюня 1881 года, городъ Лейпцигъ и его округъ были объявлены на маломъ осадномъ положеніи. Путткамеръ носился еще въ мартѣ съ этимъ намѣреніемъ, но, подобно гамбургскому сенату, дрезденское правительство нѣкоторое время оказывало этому сопротивленіе. Здѣсь также не было положительно никакихъ основаній для примѣненія 28-го параграфа, и полицейскій директоръ Ридеръ, давнишній преслѣдователь соціалъ-демократіи, и до сихъ поръ достаточно грубо примѣнявшій законъ противъ соціалистовъ, отказался отъ своей должности, такъ какъ не находилъ уже для себя возможнымъ соотвѣтствовать новымъ репрессивнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему со стороны правительства. Первые приказы о выселеніи изъ Лейпцига не были

сдѣланы въ столь большомъ количествѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Берлинѣ и Гамбургѣ; они постигли 31 лицо: шесть холостыхъ и 25 семейныхъ, между ними Либкнехта, Бебеля и Газенклевера. Вскорѣ послѣдовали еще 22 высылки, именно, въ восточной половинѣ лейпцигскаго округа, гдѣ только что передъ этимъ происходили саксонскіе выборы въ ландтагъ. Все-таки средство устрашенія оказалось недостаточно сильнымъ; избраніе Бебеля было смѣлымъ и упорнымъ возмездіемъ лейпцигскихъ промышленныхъ деревень за примѣненное противъ нихъ насиліе.

Особенно много между высланными было членовъ муниципальныхъ совѣтовъ, придерживающихся соціалъ-демократическаго образа мыслей, которыхъ въ 25 мѣстахъ лейпцигскаго округа насчитывалось 76. Никто изъ нихъ не думалъ производить въ Штэтеритце, Тонбергѣ или Фольксмарсдорфѣ насильственныхъ дѣйствій; это были прилежные и способные люди, которые, по свидѣтельству коммунальныхъ старостъ, ихъ политическихъ противниковъ, исполняли свои обязанности безупречно; нѣкоторые изъ нихъ были обладателями желѣзнаго креста, полученнаго во время франко-прусской войны. Истинной причиной возмутительной мѣры — было намѣреніе Бисмарка парализовать, какъ это было уже въ Берлинѣ и Гамбургѣ, одинъ изъ главныхъ центровъ соціалъ-демократической агитаціи,—Лейпцигъ.

Когда Бебель, вмѣстѣ съ Либкнехтомъ поселившійся въ деревнѣ Борсдорфъ, близъ границы осадной области, по вступленіи своемъ въ саксонскій ландтагъ потребовалъ объясненія отъ министра фонъ-Ностицъ-Вальвица, тогда этотъ клевретъ берлинской политики насилія нашелся привести лишь нѣсколько ничего не говорящихъ фразъ; и только большинство рейхстага, состоящее изъ буржуазныхъ мамелюковъ, посредствомъ быстраго принятія предложенія о прекращеніи преній, вывело его изъ еще бóльшаго затрудненія.

Съ средины лѣта и въ началѣ осени предвыборная борьба разгорѣлась съ большей силой. Буржуазныя партіи въ такой степени травили другъ друга, „угрожая общественному спокойствію и мирному согласію различныхъ классовъ населенія", что всѣ онѣ, собственно, должны были бы подлежать дѣйствію закона противъ соціалистовъ, если бы только этотъ законъ имѣлъ дѣйствительно что-либо общее съ правомъ. Безстыднѣе всѣхъ дѣйствовалъ самъ Бисмаркъ. На этотъ разъ онъ направлялъ свои клеветническіе подвиги не въ сторону націоналъ-либераловъ, ужъ давно ставшихъ покорными, а въ сторону прогрессистовъ и сецессіонистовъ, выдаваемыхъ имъ за „республиканцевъ", противъ чего эта чистая сердцемъ компанія протестовала съ траги-комической миной, изображающей неподдѣльный ужасъ.

Но главной цѣлью Бисмарка было внести замѣшательство въ новые кадры соціалъ-демократіи. Въ лицѣ своихъ сыновей онъ самъ снизошелъ къ „народу", какъ то пѣлъ на арфѣ нѣкій патріотическій школьный учитель; одинъ изъ этихъ полныхъ надеждъ, но лишенныхъ талантовъ молодыхъ людей заявилъ на одномъ берлинскомъ многолюдномъ собраніи, что гораздо труднѣе выносить неудобства, связанныя съ принудительнымъ удаленіемъ собакъ съ городскихъ улицъ, нежели малое осадное положеніе, на что берлинскіе рабочіе не замедлили дать должный отвѣтъ виновнику дней этого „имперскаго собачьяго сына". Адольфъ Вагнеръ разъѣзжалъ повсюду въ качествѣ довѣреннаго Бисмарка и обѣщалъ рабочимъ введеніе табачной монополіи, въ качествѣ „вотчины обездоленныхъ", если только они увѣруютъ въ „соціализмъ" сверхъ-человѣка. Основательный провалъ въ четырехъ избирательныхъ округахъ, гдѣ Вагнеръ выставлялъ свою кандидатуру, былъ заслуженнымъ возмездіемъ, полученнымъ этимъ академическимъ свѣтиломъ за свою въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ одинаково возвышенную роль.

Несравненно больше, чѣмъ на всѣ демагогическіе пріемы, Бисмаркъ опирался на ничѣмъ не прикрытое насиліе. Въ округахъ съ осаднымъ положеніемъ высылки слѣдовали одна за другой. Соціалъ-демократическія избирательныя воззванія и даже бюллетени конфисковывались, какъ бы невинно ни было ихъ содержаніе; предвыборныя собранія рабочихъ подлежали общему запрещенію. Всякаго распространявшаго соціалъ-демократическіе листки или даже только избирательные бюллетени арестовывали и по нѣскольку дней и даже недѣль подвергали предварительному заключенію. Не меньше 600 подобныхъ совершенно незаконныхъ арестовъ можно было насчитать въ послѣднія недѣли передъ выборами. Полиція нашла широкую поддержку у буржуазіи, которая, несмотря на свои разногласія съ правительствомъ, была вполнѣ единодушна съ нимъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать соціалъ-демократическому успѣху на выборахъ. Она распространяла слухъ, что избирательному округу, выбравшему соціалъ-демократа, грозитъ введеніе малаго осаднаго положенія или даже, что всякій избирательный бюллетень, поданный за соціалъ-демократическаго кандидата, будетъ признанъ недѣйствительнымъ. Саксонская буржуазія оказалась особенно неисчерпаема въ изобрѣтеніи всяческихъ ловушекъ, могущихъ служить помѣхой пролетаріату въ дѣлѣ использованія имъ своего избирательнаго права. Въ Штольбергъ-Шнееебергѣ она распространяла избирательные бюллетени форматомъ въ четверть листа, легко бросавшіеся въ глаза своей величиной. Въ лейпцигскомъ сельскомъ округѣ она выпустила таковые изъ пеньковой бумаги съ водяными знаками и оборванной каймой, при чемъ, для избѣжанія всякой поддѣлки, былъ скупленъ весь запасъ этой бумаги, находившійся только на одной фабрикѣ; въ Глаухау-Мееранѣ „приверженцы порядка“, муниципальные бургомистры, зачли недо-

имки, числящіяся за истощенными отъ голода ткачами, въ приходъ кассъ вспомоществованія нуждающимся и вынесли ихъ вторично въ графу расхода, въ качествѣ суммъ, выданныхъ на вспомоществованіе тѣмъ же недоимочнымъ, благодаря чему многія сотни рабочихъ лишились права голоса. Въ этомъ же округѣ полиція превзошла самое себя, взявъ соціалъ-демократическихъ кандидатовъ на все время избирательной компаніи подъ свою заботливую охрану. По деревнямъ Ауэра постоянно сопровождалъ жандармъ, а въ городахъ — двое полицейскихъ, слѣдовавшихъ по пятамъ на разстояніи десяти шаговъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Въ шести мѣстностяхъ Саксоніи, гдѣ побѣдила партія „законности и порядка", впослѣдствіи выборы были даже буржуазнымъ большинствомъ рейхстага кассированы вслѣдствіе безпримѣрнаго давленія при выборахъ.

Рабочіе, однако, понимали все значеніе совершавшагося и твердо рѣшили выдержать генеральную пробу закона противъ соціалистовъ. Поѣздка съ цѣлью прочтенія докладовъ, которую Фричше и Фирекъ предприняли, согласно рѣшенію конгресса въ Виденѣ, по Соединеннымъ Штатамъ, принесла соціалъ-демократической избирательной кассѣ значительную сумму въ 13,000 марокъ; въ общемъ же пролетарскія массы были предоставлены собственнымъ силамъ противъ всевозможнаго насилія и коварства превосходящаго средствами противника. Горячее рвеніе къ борьбѣ выносило ихъ впередъ черезъ всѣ препятствія; когда Фричше и Вальтейхъ незадолго передъ выборами эмигрировали въ Америку, раздались самыя рѣзкія осужденія по адресу этихъ старѣйшихъ членовъ партіи, почти два десятилѣтія постоянно находившихся на передовыхъ постахъ. Многіе изъ старыхъ вождей тѣмъ или инымъ образомъ пали жертвой закона противъ соціалистовъ; ихъ мѣста занимались новыми людьми, вышедшими изъ нѣдръ на-

родныхъ, и совершенно никому неизвѣстными нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сумѣвшими стать въ уровень самыхъ трудныхъ предстоявшихъ партіи задачъ. Никогда еще сказка объ „обманутыхъ массахъ“, жертвахъ „легкомысленныхъ соблазнителей“, не была такъ основательно разрушена, какъ во время этой избирательной кампаніи.

27-го октября при главныхъ выборахъ партія получила 311,961 голосъ. Пусть это было на 125,197 голосовъ меньше, чѣмъ при выборахъ, происходившихъ въ годъ покушеній, но никому изъ противниковъ не пришло на умъ подчеркнуть эту разницу въ качествѣ довода противъ соціалъ-демократіи. 300,000 слишкомъ голосовъ за соціалъ-демократію, которая въ продолженіе трехъ лѣтъ травится, угнетается и преслѣдуется всевозможными насильственными мѣрами—это значило другими словами: законъ противъ соціалистовъ явился ударомъ вилъ по водѣ. Берлинскій корреспондентъ „Times“ писалъ въ Лондонъ о полномъ упадкѣ духа, охватившемъ „высокія и высшія сферы по случаю выборныхъ успѣховъ соціалъ-демократовъ“. Преисполненный же радости Энгельсъ писалъ изъ Лондона: „Нигдѣ еще пролетаріатъ не велъ себя такъ славно“.

Въ главныхъ выборахъ было выиграно только одно полномочіе: садовникъ Штолле, старый вояка отъ временъ Саксонской Народной Партіи, побѣдилъ въ Цвиккау-Кримитшау. Однако, „друзьямъ порядка“ удалось лишить партію и этой побѣды, совершенно несправедливо признавъ недѣйствительными извѣстное количество соціалъ-демократическихъ избирательныхъ бюллетеней, что повело въ этомъ округѣ къ перебаллотировкѣ. Въ общемъ соціалъ-демократія участвовала въ 22 перебаллотировкахъ. На первомъ планѣ здѣсь, по величинѣ успѣха, стояли три области, въ которыхъ введено было осадное положеніе—перебаллотировки въ Берлинѣ IV и VI, въ Гамбургѣ II и Альтонѣ, въ городѣ Лейпцигѣ, округи, которые

никогда раньше не доводилось такъ энергично штурмовать: 30,171 соціалъ-демократическій голосъ былъ поданъ въ берлинскомъ, 30,087—въ гамбургъ-альтонскомъ, 17,006—въ лейпцигскомъ округѣ. Не менѣе славно держалъ себя при перебаллотировкахъ въ своихъ двухъ избирательныхъ округахъ Бреславль, впервые при законѣ противъ соціалистовъ высоко поднявшій знамя партіи. За ними слѣдовали перебаллотировки въ двухъ другихъ крупныхъ провинціальныхъ городахъ—Ганноверѣ и Магдебургѣ, и въ двухъ промышленныхъ центрахъ Рейнской провинціи—Эльберфельдъ-Барменѣ и Золингенѣ. Въ королевствѣ Саксоніи: Глаухау-Мееранъ, Штольбергъ-Шнеебергъ и лейпцигскій округъ• были съ громадными усиліями взяты противникомъ, благодаря безстыдству его избирательныхъ маневровъ. Кромѣ Лейпцига перебаллотировкѣ подлежали и города: Цвиккау-Кримичау, Дрезденъ-Альтштадтъ, Фрейдбергъ, Митвейда и важный для партіи Хемницъ. Изъ числа среднегерманскихъ мелкихъ государствъ Рейсъ старшей линіи былъ на половину завоеванъ. Блестяще проявилъ себя расположенный въ бассейнѣ Майна округъ при перебаллотировкахъ: въ Майнцѣ, Франкфуртѣ, Ганау• Оффенбахѣ; въ Баваріи уже покачнулся Нюрнбергъ, главный центръ баварской промышленности.

Изъ всего числа потерянныхъ голосовъ добрая треть пришлась на королевство Саксонію. Со времени выборовъ, происходившихъ въ годъ покушеній, Саксонія потеряла около 40,000 голосовъ и была почти отброшена на позицію, занимаемую ею въ 1874 году. Тѣмъ не менѣе этотъ уронъ приходится не на долю погибшихъ въ бою или перебѣжчиковъ, плѣнныхъ и раненныхъ; они всѣ вновь вернулись въ свои старые ряды, эти бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ, на одно мгновеніе оглушенные ударами занесеннаго надъ ихъ головой бича нужды. Подобнымъ же образомъ обстояло съ 6000 потерянныхъ голосовъ въ Силезіи. Болѣе значительный ре-

грессъ претерпѣло движеніе въ округахъ съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ: въ Шлезвигъ-Голштиніи, гдѣ число соціалъ-демократическихъ голосовъ, начиная съ 1874 года въ процессѣ длительной убыли понизилось больше, чѣмъ на двѣ трети, а именно: съ 44,933 голосовъ на 14,109, въ провинціяхъ Прусскаго королевства, расположенныхъ на востокъ отъ Эльбы, и въ мелкихъ государствахъ къ сѣверу отъ Майна. Напротивъ превосходно держались, подобно мѣстностямъ, лежащимъ въ бассейнѣ Майна, вся южная Германія, несмотря на то, что полицейскій режимъ господствовавшій въ южно-германскихъ государствахъ, давно уже вступилъ въ счастливую конкурренцію съ порядками, прославившими Пруссію и Саксонію. Если бы даже общій результатъ выборовъ не отодвинулъ на задній планъ потерю голосовъ, то послѣднюю уравновѣсила бы непоколебимая стойкость южно-германскаго пролетаріата и концентрація движенія въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Въ этомъ смыслѣ высказался Энгельсъ, когда говорилъ, что революціонный по своему экономическому положенію классъ сталъ теперь ядромъ партіи, которая, будучи отнынѣ равномѣрно распредѣлена по всей промышленной Германіи, явится носительницей народнаго движенія.

Буржуазія, съ своей стороны, дала своему прежнему кумиру хорошаго тумака: прогрессисты и сецессіонисты вошли въ рейхстагъ въ количествѣ свыше 100 человѣкъ; какъ консервативно-національ-либеральное, такъ и консервативно-ультрамонтанское большинство было такимъ образомъ разбито въ дребезги. Оторопѣлость Бисмарка обнаружилась въ его жалкомъ и безпомощномъ метаніи взадъ и впередъ, въ надеждѣ спасти при перебаллотировкахъ, что еще можно было спасти. Онъ сладко запѣлъ о томъ, что, въ качествѣ приверженца конституціоннаго строя, готовъ уступить поле дѣйствія прогрессивно-ультрамонтанскому коалиціонному минис-

терству, поспѣшилъ призвать одного изъ своихъ „финансовыхъ евреевъ“, чтобы открыть ему, какъ горячо всегда билось его сердце за народъ израильскій. Но тутъ же онъ не преминулъ пожаловаться на то, что буржуазія воздаетъ ему неблагодарностью, что только подъ ея давленіемъ онъ создалъ законъ противъ соціалистовъ, принесшій ему ненависть рабочаго класса, и что онъ лично совершенно не заинтересованъ въ этомъ законѣ, откажется и готовъ тотчасъ же отъ него отказаться. Одновременно съ этимъ Адольфъ Вагнеръ, въ союзѣ съ Штэккеромъ, предложилъ берлинскимъ соціалъ-демократамъ состряпать политическій „гешефтецъ“: Пусть Либкнехтъ, Бебель и Газенклеверъ заявятъ, что они вполнѣ признаютъ дружескія по отношенію къ рабочимъ намѣренія правительства, обнаруживаемыя имъ въ своей политикѣ реформъ, что они соглашаются отнынѣ мирно работать рука объ руку съ „партіями соціальныхъ реформъ“ въ дѣлѣ улучшеній экономическихъ отношеній, и что они надѣются энергичными соціальными реформами устранить необходимость революціи. За это Вагнеръ, Штэккеръ и ихъ компанія обѣщали оказать поддержку при перебаллотировкахъ въ Берлинѣ IV и VI соціалъ-демократическимъ кандидатамъ противъ прогрессистскихъ и голосовать за отмѣну закона противъ соціалистовъ.

Если эти переговоры не велись прямо-таки съ вѣдома Бисмарка, то, во всякомъ случаѣ, они нашли у него сочувственный откликъ. Главный оффиціозной органъ въ унисонъ съ этимъ заявилъ: благодаря закону противъ соціалистовъ, буржуазія находитъ политическихъ союзниковъ въ рабочемъ классѣ, своемъ прирожденномъ врагѣ въ хозяйственномъ отношеніи, притязанія рабочаго класса въ экономической области она теперь, какъ и прежде, старается свести къ нулю. Этотъ же законъ противъ соціалистовъ мѣшаетъ рабочимъ оцѣнить доброжелательныя намѣренія правительства, направленныя на улучшеніе ихъ положенія. Такое по-

ложеніе вещей очень благопріятно для буржуазіи, пока оно остается неизмѣннымъ. Но отъ истинно-государственной политики правительства должно, дескать, ожидать, что оно осуществитъ здоровое ядро соціалистической идеи удовлетвореніемъ справедливыхъ требованій рабочихъ, и тогда законъ противъ соціалистовъ окажется излишнимъ. Съ бо̀льшимъ безстыдствомъ, думается намъ, уже нельзя было барышничать.

Либкнехтъ, Бебель и Газенклеверъ отвѣтили на это, какъ это подобало достоинству ихъ партіи. Они, конечно, отвергли всякую сдѣлку съ консерваторами. Три тысячи честно пріобрѣтенныхъ голосовъ, сказали они, имъ дороже тридцати тысячъ купленныхъ; они не могутъ одобрить начатую политику правительства, умноженіе и повышеніе косвенныхъ налоговъ и пошлинъ на необходимые жизненные продукты; подобныя мѣропріятія ни въ коемъ случаѣ нельзя признавать дружественными по отношенію къ рабочимъ мѣрами. Они никогда не отказались бы серьезно обсудить предлагаемыя правительствомъ реформы и внести въ нихъ измѣненія, соотвѣтственно интересамъ рабочихъ, какъ это еще недавно показало ихъ отношеніе къ закону о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, но они должны рѣшительно отклонить домогательства совмѣстной работы съ реакціонными и потому враждебными народу партіями. Предположеніе, что они стремятся, во что бы то ни стало, къ насильственной революціи,—было совершенно произвольно; они постоянно заявляли, что разностороннія, основательныя и коренныя реформы могли бы, пожалуй, устранить революцію, которая, въ противномъ случаѣ, явится необходимымъ слѣдствіемъ настоящаго политическаго и экономическаго развитія; они не отвѣтственны за дѣла, которыя зависятъ не отъ ихъ воли и власти, а отъ воли и власти противника. Это мужественное заявленіе повело къ характерному результату: консервативные „гешефтмахеры“ провозгласили для своихъ приверженцевъ полное воздержаніе отъ го-

лосованія; и несмотря на это, число голосовъ при перебаллотировкахъ поднялось: за Бебеля въ Берлинѣ IV съ 13,573 до 18,979, за Газенклевера въ Берлинѣ IV съ 10,629 до 17,378. Прогрессистскій кандидатъ побѣдилъ въ Берлинѣ VI 569 голосами, а въ Берлинѣ IV—всего только 51 голосомъ, при чемъ различныя предвыборныя махинаціи прогрессистовъ сыграли здѣсь свою значительную роль.

За исключеніемъ послѣднихъ случаевъ, перебаллотировки прошли сравнительно благопріятно для партіи. Жалобы либераловъ на массовую поддержку соціалъ-демократическихъ кандидатовъ со стороны консервативныхъ избирателей въ общемъ были неосновательны, если даже въ отдѣльныхъ округахъ она и имѣла нѣкоторую фактическую подкладку. Такими безнадежными слѣпцами, какъ г-да либеральные мыслители, отрубающіе при перебаллотировкахъ пальцы на собственной рукѣ только затѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свое моральное отвращеніе къ коммунистическимъ приверженцамъ „поравненія",—привыкшіе къ господству консеваторы никогда не были. Подавшими при перебаллотировкахъ свои голоса за соціалъ-демократовъ были, по существу, только новыя наэлектризованныя результатами главныхъ выборовъ рабочія массы.

Въ общемъ было выиграно 13 мѣстъ: Бреславль I (Газенклеверъ), Бреславль II (Крэккеръ), Гамбургъ II (Дитцъ), Золингенъ (Ратингаузенъ), Майнцъ (Либкнехтъ), Ганау (Фроме), Оффенбахъ (Либкнехтъ), Нюрнбергъ (Грилленбергъ), Митвейда (Фольмаръ), Фрейбергъ (Кэйзеръ), Хемницъ (Гейзеръ), Цвиккау-Криммичау (Штолле), и Рейсъ старшей линіи (Блосъ). Либкнехтъ оставилъ за собой представительство Оффенбаха; а Майнцъ при вторичныхъ выборахъ былъ потерянъ для партіи, такъ что соціалъ-демократическая фракція вступила въ рейхстагъ въ числѣ 12 депутатовъ.

Къ концу третьяго года своего существованія законъ противъ соціалистовъ имѣлъ не большее законо-

дательное значеніе, чѣмъ разорванный клочекъ бумаги. Впереди предстояли еще трудные дни, но самое тяжелое ужъ было пережито.

3. Призракъ анархизма.

Успѣхъ, достигнутый соціалъ-демократіей во время выборовъ, устранилъ также и послѣднія сомнѣнія въ вѣрности принятой тактики. При всеразрушающей, какъ казалось, жестокости, съ которой примѣнялся законъ противъ соціалистовъ, такія сомнѣнія то здѣсь, то тамъ снова возникали; въ Берлинѣ I и V, обоихъ избирательныхъ округахъ германской столицы, гдѣ Мостъ имѣлъ сравнительно наибольшее число приверженцевъ, рабочіе вовсе не принимали участія въ избирательной борьбѣ. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что одновременно съ предвыборной кампаніей разбирался первый процессъ о „низверженіи государственнаго порядка“ въ лейпцигскомъ имперскомъ судѣ, раскрывшій всю безнадежность „соціалъ-революціоннаго“ выступленія, и, во всякомъ случаѣ, заставлялъ всякаго сознательнаго рабочаго бороться всѣми политическими средствами противъ дикаго полицейскаго разгула системы Бисмарка.

Мостъ, со времени своего удаленія изъ партіи, опускался все ниже и ниже. Формально онъ заявилъ о своей принадлежности къ анархистскому направленію, не принадлежа къ нему, однако, на самомъ дѣлѣ. Содержаніе „Freiheit“ составляло отъ первой до послѣдней строки безсмысленную оргію ярости, и агитаціонная брошюра „Taktik contra Freiheit“, которую Мостъ осенью 1880 года обнародовалъ противъ германской соціалъ-демократіи, была написана хоть и не совсѣмъ неистовымъ языкомъ, но очень запутанно и безтолково. Бельгіецъ Давъ, образованный ученикъ Прудона и Бакунина, принадлежавшій къ мирно-безвредному направленію анархизма и стремившійся въ этомъ же смыслѣ вліять на Моста,

отозвался о брошюрѣ: „Здѣсь нѣтъ и тѣни сходства съ анархистскими идеями. Брошюра совершенно якобинская, и лишь смягчена извѣстной долей бланкизма". Но „бланкизмъ" тоже не былъ собственнымъ издѣліемъ Моста, а былъ ему подсказанъ Гассельманомъ, и именно въ его статьѣ для „Freiheit", доставленной шпіономъ Нейманомъ въ Лондонъ.

Мостъ перепечаталъ эту статью въ концѣ своей брошюры въ качествѣ, такъ сказать, ея практической квинтъ-эссенціи; въ ней, между прочимъ, было сказано: „Мы далеки отъ того, чтобы предлагать германскимъ рабочимъ заговорщицкій спортъ съ тайными центральными органами и т. п., потому что это лишь на руку темной дѣятельности тайной полиціи. Но мы можемъ очень хорошо сорганизоваться, если въ тѣсныхъ кругахъ соберутся по десяти или по двадцати хорошо другъ другу извѣстныхъ друзей, избѣгая всякихъ записей, членскихъ списковъ, статутовъ и тому подобныхъ письменныхъ документовъ, дающихъ поводъ къ преслѣдованію; если эти свободно составленныя группы со всей энергіей устно и печатно будутъ распространять революціонныя идеи; если они со своими друзьями-единомышленниками будутъ поддерживать среди войска постоянныя связи, и если они, наконецъ, каждый за свой счетъ, запасутся хорошими ружьями. Четыре тысячи такимъ образомъ сорганизованныхъ и вооруженныхъ соціалистовъ въ имперской столицѣ Берлинѣ и соотвѣтствующее число такихъ же революціонеровъ, сосредоточенныхъ въ главныхъ промышленныхъ мѣстахъ — тогда и самому Мольтке не раскусить этого орѣшка". Гассельманъ прежде, чѣмъ отправиться въ Америку, передалъ Мосту адреса своихъ немногочисленныхъ приверженцевъ; между ними были нѣкоторые рабочіе во Франкфуртѣ на М. и Дармштадтѣ, съ которыми Мостъ немедленно и завязалъ сношенія; своего друга Дава онъ также направилъ къ нимъ, когда тотъ прибылъ въ Германію

въ ноябрѣ 1880 года, чтобы завязать здѣсь литературныя связи для бюро корреспонденцій, которое онъ имѣлъ намѣреніе основать, и, кромѣ того, вѣроятно, для того, чтобы хоть разъ посмотрѣть вблизи, на германскій анархизмъ. Онъ былъ пренепріятно пораженъ, когда не нашелъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ духовно-отсталыхъ и политически неразвитыхъ рабочихъ.

Прусская полиція не была такъ близорука, какъ анархистскій идеологъ. Она оцѣнила кровожадную хвастливость Моста гораздо вѣрнѣе и поспѣшила запутать его въ густую шпіонскую сѣть. Въ редакціи „Freiheit" шпіонъ Нейманъ былъ довѣреннымъ лицомъ Моста, въ то же время шпіоны Вихманъ и Вольфъ корреспондировали въ эту газету изъ Альтоны. Своей писательской дѣятельностью они преслѣдовали разныя цѣли: они отмѣчали потворство, оказываемое гамбургской „республикански-мыслящей" полиціей соціалъ-демократіи; они клеветали на соціалъ-демократическихъ депутатовъ, какъ на обманщиковъ и на воровъ партійныхъ денегъ; они набросали чрезвычайно странную картину анархистскаго движенія въ Германіи, и, наконецъ, не послѣдней ихъ цѣлью было доставить богатый матеріалъ для большого мѣшка цитатъ Путткамера. Такъ, Вихманъ, послѣ удавшагося покушенія на русскаго царя, писалъ: „Да настанетъ же тотъ день, когда подобное происшествіе освободитъ насъ отъ всѣхъ тирановъ! Мы жалѣемъ только, что прочимъ негодяямъ не воздано также по заслугамъ". И это далеко еще не были ихъ самыя сильныя соціалъ-революціонныя выраженія. Кто тутъ не пойметъ того „нравственнаго отвращенія и глубочайшаго негодованія", съ которыми Путткамеръ въ рейхстагѣ могъ лишь подумать о подобныхъ перлахъ своего вороха цитатъ! Позже Вольфъ и Вихманъ обратили свои „писательскія" способности противъ собственныхъ патроновъ. Вольфъ предложилъ свои „ме-

муары“ прусскому полицейскому вѣдомству за такое вознагражденіе, которое еще никогда не платилось за наиболѣе читаемыя лучшія произведенія всемірной литературы; берлинскій судъ съ строжайшимъ исключеніемъ гласности присудилъ его къ одному году тюрьмы за вымогательство; послѣ его освобожденія изъ Плётцензее, онъ былъ въ Альтонѣ снова арестованъ за мнимое оскорбленіе величества, а на слѣдующее утро его нашли повѣсившимся въ своей камерѣ. Но Вихманъ многое разболталъ, когда полиція, послѣ того, какъ альтонскіе рабочіе сняли съ него маску, отказывалась назначить ему пенсію, какъ непригодному уже для нея сотруднику. Такимъ образомъ, многое стало достовѣрно извѣстно объ этихъ двухъ негодяяхъ; само собой понятно, что они составляли лишь самую незначительную часть той шпіонской своры, которая была организована послѣ изданія закона противъ соціалистовъ и которая втайнѣ практиковала свое подлое ремесло.

Раньше, чѣмъ Давъ успѣлъ пріѣхать въ Германію, описаніе его примѣтъ находилось уже въ рукахъ всѣхъ германскихъ полицейскихъ учрежденій; точно также и франкфуртская полиція знала пару приверженцевъ Моста, находившихся еще въ майнскомъ округѣ. Эта полдюжина бѣдняковъ образовала во Франкфуртѣ, Дармштадтѣ и еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ „группы“ не съ тѣмъ, однако, чтобы достать себѣ хорошія ружья, но съ тѣмъ, чтобы совмѣстно подписаться на „Freiheit“ и собирать деньги для Моста; и дѣйствительно имъ удалось увезти въ Лондонъ цѣлыхъ пять марокъ. Ихъ величайшее дѣяніе состояло въ томъ, что въ ночь съ 18-го на 19-ое октября 1880 г., незадолго до посѣщенія императоромъ Франкфурта, они распространили запрещенный летучій листокъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ. Полицейскій совѣтникъ Румпфъ завѣдывавшій тогда политической полиціей во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ,

по его собственному подъ присягой подтвержденному показанію, зналъ этихъ дѣятелей, но не преслѣдовалъ ихъ, а завербовалъ портного Горша въ качествѣ шпіона; послѣдній долженъ былъ вкрасться въ довѣріе „заговорщиковъ". Конечно, Румпфъ предостерегъ свое „довѣренное лицо", чтобы оно не приняло активнаго участія въ проектахъ убійства и переворота, что служитъ забавнымъ введеніемъ всякаго полицейскаго шпіонства; онъ назначилъ ему, тоже по старому, испытанному полиціей методу, не поденную, а „поштучную" плату, смотря по „важности сдѣланныхъ разоблаченій". Горшъ, осужденный воръ, заставлявшій голодать свою многочисленную семью и проматывавшій получаемую имъ преступную мзду съ распутными женщинами, всегда, разумѣется, нуждался въ деньгахъ и въ большихъ деньгахъ, и онъ рапортовалъ ежедневно все „болѣе важныя" новости: покушеніе на самого Румпфа, тайный конгрессъ въ Дармштадтѣ или Эберштадтѣ, гдѣ должно было обсуждаться насильственное снятіе стражи. 1-го декабря 1880 года Румпфъ вытянулъ сѣти; во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ было арестовано свыше 50-ти человѣкъ, въ Аугсбургѣ—Давъ и въ Берлинѣ немногочисленные друзья Моста. Между арестованными находился также и Горшъ, котораго Румпфъ запряталъ, будто бы, съ цѣлью защитить его отъ мести соціалистовъ. Что Румпфъ этимъ совершилъ преступленіе, за которое 341 статья нѣмецкаго уголовнаго кодекса угрожаетъ смирительнымъ домомъ, мало тревожило этого ревниваго охранителя законовъ.

Уже во Франкфуртѣ были посажены въ камерѣ заключенныхъ порочные преступники съ порученіемъ ихъ вышпіонить, и эта прекрасная система практиковалась и въ Берлинѣ, куда вскорѣ были переведены всѣ заключенные. Злостному банкроту Шнитцеру, который былъ приставленъ спеціально къ Даву, полицейскій комиссаръ графъ Штильфридъ сказалъ, что не

постоитъ за тысячью и даже 10,000 марокъ, если только будетъ открыто что-нибудь важное, а судебный слѣдователь Гольманъ обѣщалъ этому самому патріоту уменьшеніе наказанія путемъ помилованія. Заключенные горько жаловались на манеру записыванія Гольманомъ въ протоколѣ ихъ показаній. Однако, большая часть арестованныхъ должна была быть отпущена послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго предварительнаго заключенія, такъ какъ въ ихъ дѣйствіяхъ не удалось найти и тѣни чего-либо преступнаго; а спустя $2^1/_2$ мѣсяца послѣ большого ареста, Горшъ, почуявъ что-то неладное, также заявилъ судебному слѣдователю, что хочетъ быть освобожденнымъ, такъ какъ онъ вовсе не преступникъ, а даже совсѣмъ напротивъ, — большой патріотъ. На запросъ Гольмана, Румпфъ отвѣтилъ тремя письмами, помѣченными однимъ и тѣмъ же числомъ; въ нихъ онъ, хотя и признаетъ шпіонство Горша, но все же высказываетъ подозрѣніе, что его „довѣренное лицо“ принимало активное участіе „въ заговорѣ“, и замѣчаетъ при этомъ, что показанія Горша, какъ свидѣтеля, ему будутъ „по меньшей мѣрѣ, непріятны“. Даже для судебнаго слѣдователя это показалось слишкомъ беззаконнымъ и онъ отпустилъ Горша на свободу.

Разборъ этого большого дѣла о покушеніи противъ государственнаго строя, эксплоатировавшагося между тѣмъ цѣлыми мѣсяцами въ пользу закона противъ соціалистовъ, продолжался отъ 10 го до 21-го октября 1881 года. Предъ имперскимъ судомъ предстали все же 15 обвиняемыхъ, а именно: 11 южно-германцевъ, 3 берлинца и Давъ. О свидѣтеляхъ со стороны обвиненія, выступавшихъ съ Горшемъ во главѣ, сама „Магдебургская Газета“ писала: „Начиная съ дней самой черной реакціи, былъ ли хоть одинъ процессъ, въ которомъ можно было бы указать между свидѣтелями обвиненія такое множество отвратительныхъ неоднократно судившихся субъектовъ и извѣстныхъ всѣмъ

полицейскихъ шпіоновъ?“ Противъ Дава особенно сильно свидѣтельствовалъ полицейскій чиновникъ Крюгеръ, давая о предыдущей жизни этого подсудимаго такія показанія, которыя Давъ сумѣлъ опровергнуть пунктъ за пунктомъ. „Видите, въ чемъ состоитъ ваше искусство и ваше знаніе“, обратился онъ къ берлинскому полицейскому генію; и опровергнувъ еще нѣсколько второстепенныхъ показаній Крюгера, добавилъ: „Я говорю это только затѣмъ, чтобы показать, что онъ ничего не знаетъ“. Крюгеръ сослался на своихъ „довѣренныхъ лицъ“, которыхъ онъ, въ интересахъ государства, не можетъ назвать. Знаменитый методъ, по которому полицейскіе чиновники подтверждали подъ присягой то, что шпіоны, вродѣ Горша, Вихмана и Вольфа, сообщали имъ за „поштучную“ плату, смотря „по важности“ дѣлаемыхъ разоблаченій,—этотъ методъ въ этомъ процессѣ вступилъ изъ старо-прусскаго прошлаго въ свое ново-германское настоящее.

Обвиненіе въ подготовленіи покушенія противъ государственнаго строя, естественно, улетучилось, какъ дымъ. Одна часть обвиняемыхъ распространяла запрещенныя печатныя произведенія и, такимъ образомъ, нарушила законъ противъ соціалистовъ, или можетъ быть, изъ-за содержанія такихъ произведеній преступила тотъ или другой удобо-растяжимый параграфъ уголовнаго закона, но все это никакъ не могло быть названо подготовленіемъ къ покушенію на сверженіе государственнаго строя. Не было бы подобнаго подготовленія къ покушенію и тогда, когда бы обвиняемые дѣйствительно дали себя провести шпіону-провокатору Горшу и задумали бы покушеніе на Румпфа или устройство тайнаго конгресса. Это призналъ и имперскій судъ, и несмотря на это, онъ приговорилъ 9 обвиняемыхъ и между ними Дава въ общей сложности къ 19-ти годамъ смирительнаго дома, при чемъ вывелъ „подготовленіе покушенія“ изъ того обстоятельства, что обвиняемые дѣйствовали въ духѣ Моста. Послѣдній,

будто бы, проектируетъ насильственное измѣненіе современнаго строя общества и также насильственное измѣненіе конституціи Германской имперіи. Уже помимо всего остального, этотъ приговоръ покоился на грубой юридической натяжкѣ. Притянутый сюда 86-й параграфъ германскаго уголовнаго уложенія былъ дословно взятъ изъ прусскаго уголовнаго кодекса, а высшая судебная инстанція прусскаго королевства, не задумываясь, оправдала Лассаля еще въ 1864 году по тому ясному, какъ день, соображенію, что „подготовленіе покушенія противъ государственнаго строя“, согласно буквальному смыслу этого параграфа, должно быть, по мѣсту, времени и обстоятельствамъ вполнѣ осязательнымъ реальнымъ поступкомъ, а не какимъ-то общимъ намѣреніемъ, которое должно осуществиться гдѣ-то, какъ-то, когда-то. И значить, при первомъ же процессѣ о преступленіи противъ государственнаго строя, который долженъ былъ разбираться въ германскомъ имперскомъ судѣ, послѣдній въ ложномъ толкованіи уголовнаго закона пошелъ далѣе, чѣмъ судъ прусскаго королевства мантейфельскаго происхожденія.

Этотъ приговоръ произвелъ въ буржуазныхъ кругахъ тягостное впечатлѣніе. Но такъ какъ буржуазіи, въ силу своихъ классовыхъ интересовъ, было невыгодно признавать, что высшая судебная инстанція Германской имперіи, уже въ первомъ политическомъ уголовномъ дѣлѣ приговорила къ позорящему наказанію смирительнымъ домомъ 9 совершенно невинныхъ, судя по обвиненію, людей, то либеральная пресса нашла для себя выходъ въ томъ, что привѣтствовала имперскій судъ за признаніе имъ свидѣтеля Горша не внушающимъ довѣрія; и при этомъ эта печать скорѣе обмолвилась, чѣмъ высказала откровенно свое порицаніе обнаружившимся полицейскимъ продѣлкамъ. Все же, когда нѣкоторые, болѣе смѣлые органы дерзнули, основываясь на авторитетѣ имперскаго суда,

напасть немного сильнѣе на Румпфа, они тотчасъ же были привлечены къ суду за оскорбленіе „одного, какъ Путткамеръ выразился въ рейхстагѣ, превосходнаго и стоящаго выше всякихъ подозрѣній чиновника“ и были приговорены къ тяжелымъ наказаніямъ.

При всей симпатіи къ невинно-осужденнымъ рабочимъ благодаря этому процессу стали очевидными послѣдствія такой „соціально-революціонной“ тактики. Самъ Мость, между тѣмъ, былъ осужденъ англійскими судами къ 16 мѣсяцамъ каторжныхъ работъ за то, что онъ выразился объ убійствѣ русскаго царя, приблизительно, въ такомъ же духѣ, какъ полицейскій агентъ Вихманъ. „Freiheit“ не могла больше выходить въ Лондонѣ и искала убѣжища въ Швейцаріи. Въ 1882 году она появилась въ Шаффгаузенѣ въ изданіи типографа Вильгельма Бюрера; расходы на печатаніе доставлялъ столяръ Шрэдеръ-Бренвальдъ, который, какъ неоспоримо установило цюрихское полицейское управленіе, состоялъ на службѣ у берлинской полиціи и возилъ съ собой свой ящикъ динамита, какъ вояжеръ возитъ съ собою свой ящикъ съ образцами.

Глава третья.

Вопросъ и отвѣтъ.

Первый періодъ дѣйствія закона противъ соціалистовъ охватываетъ первые три года его существованія. Въ этотъ періодъ партія оказывала успѣшное сопротивленіе, которое тремя этапами равномѣрно и непреодолимо все усиливалось. Второй періодъ дѣйствія этого закона продолжался $4^{1}/_{2}$ года, и его также можно раздѣлить на три части почти одинаковой продолжительности. Это было время „мягкаго примѣненія“, время попытокъ обуздать соціалъ-демократію не только посредствомъ бича, но также и посредствомъ обсаха-

ренной приманки, время, когда путемъ подкуповъ хотѣли достичь того, чего не удалось добиться путемъ насилія. Первая часть этого періода простиралась отъ императорскаго посланія осенью 1881 года до конгресса въ Копенгагенѣ весною 1883 года, отъ запроса императора у пролетаріата до отвѣта пролетаріата императору.

I. Императорское посланіе.

17-го ноября 1881 года новый рейхстагъ былъ открытъ тронной рѣчью, которая была облечена въ торжественную форму императорскаго посланія.

Въ ней говорилось, что только подавлять соціалъ-демократическія выходки еще недостаточно, но что необходимо позаботиться и объ улучшеніи благосостоянія рабочихъ. Проектъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, измѣненный на основаніи предыдущихъ обсужденій, будетъ снова предложенъ рейхстагу и, какъ дополненіе къ нему, будетъ внесенъ проектъ однообразной организаціи рабочихъ больничныхъ кассъ. Кромѣ того, было признано, что правительство должно заботиться о неспособныхъ къ труду изъ-за преклоннаго возраста или инвалидности въ большей мѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ. Возможно тѣсная связь съ реальными силами христіанской народной жизни и объединеніе послѣднихъ въ формѣ корпоративныхъ профессіональныхъ союзовъ подъ государственной защитой и при государственномъ поощреніи сдѣлаетъ возможнымъ разрѣшеніе такихъ задачъ, которыхъ сама по себѣ государственная власть не въ силахъ разрѣшить въ такомъ же объемѣ. Для выполненія намѣченнаго плана нужны будутъ значительныя средства, а проведеніе начатой налоговой реформы показываетъ возможность полученія обильныхъ источниковъ доходовъ путемъ косвенныхъ государственныхъ налоговъ, взамѣнъ чего, въ видахъ облегченія сельскихъ общинъ, могутъ быть отмѣнены тяжелыя прямыя поземельныя подати; какъ

самый вѣрный путь въ этомъ отношеніи императорское посланіе рекомендуетъ введеніе табачной монополіи и повышеніе налога на напитки, — стремленія, которыя свободны не только отъ фискальныхъ, но также и отъ реакціонныхъ заднихъ мыслей.

Этотъ „имѣющій міровое значеніе государственный актъ“ былъ въ сущности простымъ проявленіемъ замѣшательства Бисмарка. У него еще всѣ члены болѣли отъ тѣхъ ударовъ, которые ему нанесла буржуазія и еще гораздо сильнѣе — пролетаріатъ. Теперь онъ выражалъ сожалѣніе и раскаяніе передъ капиталистами, обѣщая этимъ „реальнымъ силамъ христіанской народной жизни“ новую организацію и допуская ихъ участіе въ „соціальныхъ реформахъ“, которыя государство одними своими средствами, будто бы, не въ силахъ провести. Пролетаріатъ же онъ хотѣлъ обмануть обѣщанными заботами о старомъ больномъ и несчастномъ рабочемъ и тѣмъ заставить его забыть о тѣхъ ужасныхъ страданіяхъ, которыя капиталистическій способъ производства причинялъ здоровому и сильному рабочему. Но онъ хотѣлъ получить у обоихъ классовъ обильные финансовые источники, благодаря которымъ онъ могъ бы теперь, какъ и прежде, оставаться хозяиномъ политическаго положенія. Въ подобномъ же духѣ былъ предложенъ проектъ реакціоннаго пересмотра промышленнаго устава наполовину въ цеховомъ, наполовину въ полицейскомъ смыслѣ, дабы приманить мелкую буржуазію и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить средства правительственной власти.

Въ этихъ рамкахъ вначалѣ и вращалась практическая политика Бисмарка, разсчитанная на ближайшее время. При первомъ же представившемся случаѣ онъ высказался противъ законодательной охраны труда, и тѣмъ представилъ капиталистамъ новое доказательство своего благорасположенія къ нимъ. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не лицемѣрилъ, такъ какъ его ненависть къ фабричному законодательству

была настолько же искренна, насколько неискренни были тѣ лозунги, которыми онъ хотѣлъ ее обосновать, лозунги, которыхъ давно стыдились даже полуобразованные манчестерцы. „Провинціальная корреспонденція“, въ исполненіи своего порученія, не наступать капиталу на ноги, зашла даже такъ далеко, что въ сентябрѣ 1882 года сообщила, къ большому удивленію современниковъ, что во имя „истиннаго соціализма“ необходимо щадить капиталъ. Если государство будетъ черпать нужныя ему средства преимущественно изъ рукъ крупныхъ капиталистовъ, то оно уничтожитъ сильнѣйшій матеріальный рычагъ всякой цивилизаціи. По поводу этого слишкомъ ужъ компрометирующаго „недоразумѣнія“ полуоффиціозная газета была вынуждена 8 дней спустя дать самой себѣ пощечину. „Милые братья“ Штэккеръ и Адольфъ Вагнеръ понизили ея антисемитскій гнѣвъ до дѣтскихъ выходокъ противъ „жидовъ“ Лассаля и Маркса, которые прилежно трудящихся фабрикантовъ поносили, какъ лѣнивыхъ эксплоататоровъ, и въ то же время заботливо, будто бы, скрыли истинное гнѣздо эксплоатаціи — биржевую торговлю. Самимъ рабочимъ была дарована нѣсколько большая свобода слова и печати для того, чтобы они имѣли возможность выслушать новыя спасительныя вѣсти и присягнуть имъ. Чтобы придать этимъ вѣстямъ еще и научную авторитетность, былъ привлеченъ Родбертусъ въ присяжные свидѣтели. Несчастный перевернулся бы въ своемъ гробу, если бы могъ услышать, какъ злоупотребляютъ его именемъ; Рудольфъ Мейеръ, совершенно въ духѣ своего учителя, обратился изъ-за границы съ энергичными протестами противъ закона о соціалистахъ и бисмарковской экономической политики. Но кто сомнѣвался въ томъ, что Родбертусъ съ того свѣта благословляетъ наступившую эру человѣколюбія, тотъ разбивался въ прахъ Адольфомъ Вагнеромъ: Родбертусъ, будто бы, училъ, что народное хозяйство должно

стать государственнымъ хозяйствомъ, и именно это выполняется теперь со славою.

Въ первой сессіи новаго рейхстага были разсмотрѣны текущія дѣла. Такъ какъ соціалъ-демократическая партія проявила себя, какъ дѣйствительная сила, то ея парламентская фракція встрѣтила въ рейхстагѣ совершенно другой пріемъ, чѣмъ прежде, хотя она и насчитывала только дюжину голосовъ. То невниманіе, которое по отношенію къ ней до сихъ поръ было въ порядкѣ вещей, исчезло, и ея ораторы получали возможность быть выслушиваемыми съ достаточной внимательностью. Всѣ буржуазныя партіи начали играть на „пользу рабочихъ“. Либеральныя фракціи внесли предложеніе о пересмотрѣ закона объ отвѣтственности предпринимателей, что въ сущности имѣло лишь цѣлью удержать страхованіе рабочихъ въ рукахъ частныхъ предпринимателей; но этотъ проектъ уже лишь для приличнаго вида вносилъ дѣйствительныя улучшенія въ этотъ извращенный законъ; католическая партія запросила правительство о дальнѣйшемъ развитіи фабричнаго законодательства, и лишь одни консерваторы, вышедшіе изъ-подъ вліянія Вагнера и подпавшіе подъ вліяніе Штэккера, не могли додуматься ни до чего лучшаго, какъ до обязательнаго введенія вновь рабочихъ книжекъ. Соціалъ-демократическая фракція охотно помогала тому, чтобы направить на вѣрную колею буржуазное дружелюбіе къ рабочимъ. Она внесла предложеніе потребовать отъ правительства отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ; и большинству рейхстага, которое теперь состояло изъ страстныхъ противниковъ всякихъ исключительныхъ законовъ, это предложеніе должно было показаться тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что оно подходило къ тогдашнему политическому положенію. И приходится удивляться тому, что это большинство не ковало желѣза, пока оно было горячо, а предпочло обойти этотъ вопросъ на большомъ разстояніи. Ни

одна буржуазная партія, не исключая Прогрессистской и Народной Партіи, не хотѣла поддержать соціалъ-демократическое предложеніе; съ большимъ трудомъ удалось найти одного представителя изъ Народной Партіи и нѣсколькихъ изъ Прогрессистской, чтобы получить тѣ 15 голосовъ, которые были необходимы для внесенія самостоятельнаго предложенія, послѣ чего это послѣднее было отложено въ долгій ящикъ.

Въ дебатахъ о годичномъ отчетѣ, который долженъ былъ оправдать малое осадное положеніе для Берлина, Гамбурга и Лейпцига, выступили на этотъ разъ Газенклеверъ и Блосъ, какъ ораторы партіи. Имъ не прошло это такъ гладко, какъ девять мѣсяцевъ тому назадъ Бебелю и Ауэру: нѣкоторыя изъ ихъ выраженій вызвали оживленную и рѣзкую критику въ „Соціалъ-демократѣ". Во всякомъ случаѣ, имъ удалось выставить въ надлежащемъ свѣтѣ всѣ фехтовальные кунстштюки Путткамера. Вполнѣ въ соотвѣтствіи съ манерами этого комедіанта, было его желаніе прикрыть свое пораженіе жалобой, что Газенклеверъ разсматриваетъ этотъ вопросъ не „съ достаточно широкой точки зрѣнія". Недоставало, чтобы полицейскія плутни Горша и Румпфа были воспѣты подобно тому, какъ древній Гомеръ воспѣлъ подвиги Ахиллеса и Гектора.

Въ весенней сессіи 1882 года рейхстагъ, наконецъ, перешелъ къ своимъ „крупнымъ дѣламъ". Бисмаркъ прославлялъ табачную монополію, которая даже въ услужливомъ союзномъ совѣтѣ была принята лишь 36-ью голосами противъ 22-хъ. Онъ сказалъ, что не боится соціалистическихъ идей, которыя, какъ замѣтилъ Гете о храбромъ рыцарѣ и благодатномъ дождѣ, повсюду прокладываютъ себѣ путь. Какъ много благъ принесъ уже соціализмъ странѣ! Соціалистичнымъ было освобожденіе крестьянъ, соціалистично всякое отчужденіе желѣзнодорожнаго и воднаго законодательства, соціалистично все попеченіе о

бѣдныхъ, обязательное школьное обученіе, прокладка дорогъ. Эта невѣроятная игра, если это не было нѣчто болѣе скверное, съ соціализмомъ, какъ боевымъ словечкомъ, имѣла только одно смягчающее обстоятельство, а именно то, что Бамбергеръ и подобные ему либеральные мудрецы единодушно сошлись на томъ, чтобы не допустить „соціалистической“ табачной монополіи „въ интересахъ буржуазной свободы“. „Скажите лучше: въ интересахъ буржуазной эксплоатаціи“, кричали имъ соціалъ-демократическіе депутаты. Главнымъ ораторомъ фракціи при этомъ выступилъ Фольмаръ, первая образцовая рѣчь котораго раскрыла дѣйствительные мотивы, какъ буржуазныхъ сторонниковъ, такъ и буржуазныхъ противниковъ табачной монополіи. 276 голосами противъ 42 этотъ законопроектъ былъ отклоненъ.

Одновременно съ этимъ правительство внесло законъ о страхованіи отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Оба эти закона стояли между собой въ тѣсной связи, такъ какъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ первомъ проектѣ, выплаты по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ падали на больничныя кассы; устанавливалось уже не четырехъ-недѣльное обезпеченіе, а тринадцати-недѣльное. Бисмаркъ отвергъ проектъ привлеченія Государственнаго банка для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ: его мѣсто должны были занять товарищества предпринимателей. Но все же онъ по прежнему твердо стоялъ за государственный взносъ въ размѣрѣ 25 процентовъ всего выдаваемаго вознагражденія. Однако это все еще было больше того, съ чѣмъ буржуазія могла согласиться. Вначалѣ рейхстагъ разсматривалъ проектъ страхованія на случаи болѣзней, который являлся не больше, какъ повсемѣстнымъ распространеніемъ дѣйствія закона о вспомогательныхъ кассахъ 1876 года. Коммиссія изъ политически образованныхъ рабочихъ, опытныхъ въ дѣлахъ профессіональныхъ организацій, могла бы въ 8 дней предста-

вить законъ въ готовомъ видѣ, но рейхстагъ такъ замѣшкался, что законъ послѣ безчисленныхъ засѣданій комиссіи все еще не былъ готовъ. Задача буржуазныхъ партій вѣдь состояла въ томъ, чтобы съ возможной тщательностью устранить всякій поводъ для рабочихъ къ образованію какой бы то ни было новой организаціи. Члены палаты начали разъѣзжаться еще прежде, чѣмъ законъ о страхованіи на случаи болѣзней могъ быть отклоненъ, и чтобы не начинать все снова, сессія не была закрыта, а отложена до зимы.

Въ декабрѣ 1882 года рейхстагъ снова собрался. Соціалъ-демократическая фракція на этотъ разъ не хотѣла дать буржуазнымъ партіямъ въ предстоящихъ дебатахъ по поводу 28-го параграфа закона противъ соціалистовъ возможности такъ дешево отъ нея отдѣлаться, какъ до сихъ поръ; она внесла резолюцію, въ которой рейхстагъ долженъ былъ заявить, что для продленія малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ нѣтъ никакого основанія. Фольмаръ открылъ дебаты проникновенной рѣчью, въ которой, какъ постоянный припѣвъ, гордо повторялись слова: мы побѣдители, а вы побѣжденные. Путткамеръ отвѣтилъ крайне слабо, прочитавъ лишь нѣсколько курьезовъ изъ своего большого мѣшка цитатъ; высылки изъ Берлина, Гамбурга и Лейпцига имѣютъ-де тѣ основанія, что „Соціалъ-демократъ“ позволялъ себѣ еретическія выраженія о „Божьей милости“, или что „Freiheit“ писала о бракѣ и семьѣ въ формѣ оскорбительной для буржуазнаго лицемѣрія. Со всѣмъ своимъ пустымъ паѳосомъ Путткамеру ни разу не удалось даже увлечь буржуазныхъ партій къ выходу изъ своихъ норъ; тогда онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ отчаянному шагу, выставивъ „храбрыхъ“ анархистовъ, какъ самую сильную рабочую партію, и открывъ всѣ милыя тайны своей прекрасной полицейской души; послѣднимъ козыремъ онъ бросилъ фразу: „Мостъ мнѣ милѣе, чѣмъ вы“.

Буржуазныя партіи охотно бы уже закончили дебаты. Но онѣ были вынуждены высказать свои мнѣнія по этому вопросу, хотя имъ этого сильно не хотѣлось, такъ какъ соціалъ-демократическая фракція угрожала на предложеніе о прекращеніи дебатовъ внести предложеніе о подсчетѣ числа присутствующихъ, что показало бы недостаточность числа депутатовъ для принятія какого-нибудь рѣшенія. До извѣстной степени мужественно говорилъ изъ Народной Партіи Кёльа, также прогрессистъ, Вендтъ, гамбургскій учитель, открыто признавшій себя республиканцемъ. Прусскіе прогрессисты, которымъ Бисмаркъ при выборахъ въ ландтагъ только что нанесъ тяжелое пораженіе, говорили вяло и блѣдно, хотя они и не осмѣливались открыто выступить противъ соціалъ-демократической резолюціи. Краснобай Генель конфузясь снова предложилъ взамѣнъ закона противъ соціалистовъ соотвѣтствующее измѣненіе общаго уложенія, и вѣрный королю патріотъ Евгеній Рихтеръ энергично отрицалъ признанія въ республиканскихъ симпатіяхъ своего коллеги по фракціи Вендта. Сецессіонисты укрылись формальными возраженіями такъ же, какъ ультрамонтанскій ораторъ Виндгорстъ; послѣдній, чувствуя въ дѣйствительности постыдность такой роли, увлекся однако комической угрозой побѣдить соціальную революцію мечомъ. Еще болѣе печально кривлялся польскій юнкеръ Чарлинскій, признавшій себя готовымъ предать полиціи „заблудшихъ“ рабочихъ. Консервативные и національ-либеральные „болванчики“ однимъ качаніемъ головой выражали свое согласіе всѣмъ путткамеровщинамъ; только Штэккеръ уже хватилъ черезъ край, пожелавъ по возможности усилить законъ противъ соціалистовъ. Соціалъ-демократическая резолюція была отклонена противъ голосовъ прогрессистовъ и голосовъ Народной Партіи.

Еще до этого Грилленбергеръ сильнымъ ударомъ порвалъ софистическую паутину Путткамера. Онъ раздѣлался съ лицемѣрными фразами о святости бур-

жуазнаго брака и семьи такъ же сильно, какъ и мѣтко — неопровержимой ссылкой на любовный содомъ въ высшихъ кругахъ; затѣмъ онъ коснулся одного изъ сыновей Бисмарка, который тогда увлекъ замужнюю женщину и подъ угрозой старика Бисмарка съ геройствомъ, свойственнымъ его породѣ, оставилъ соблазненную имъ женщину, чтобы вернуться къ жирнымъ пирогамъ отцовскаго дома. Семья Бисмарка, обиженная въ своихъ самыхъ лучшихъ чувствахъ, поклялась страшно отомстить; и по телеграфу изъ Берлина былъ немедленно запрещенъ совершенно невинный рабочій календарь, который издавался нюрнбергской кооперативной типографіей. Хотя благодаря этому послѣдняя была почти доведена до конкурса, все же только глупцы могли думать, что такого человѣка, какъ Грилленбергеръ можно запугать подобными средствами. Образецъ мужества этотъ вождь нюрнбергскихъ рабочихъ развился въ превосходнаго борца на парламентской аренѣ. Освѣдомленный, какъ немногіе, во всѣхъ вопросахъ рабочаго законодательства, всегда готовый и способный подвергнуть самой основательной критикѣ по существу все, что пролетаріатъ можетъ получить хорошаго даже отъ настоящаго правительства, Грилленбергеръ былъ не менѣе готовъ порвать петли закона противъ соціалистовъ. Особенное вниманіе онъ удѣлилъ подозрительнымъ двадцати-пятачковымъ молодцамъ, которые шпіонили за соціалъ-демократическимъ депутатомъ на каждомъ шагу днемъ и ночью, даже за порогомъ рейхстага. Когда Грилленбергеръ однажды запросилъ правительство по поводу этихъ недостойныхъ пріемовъ, Путткамеръ ретировался, а статсъ-секретарь фонъ Беттихеръ сказалъ съ самой невинной улыбкой: „Моя хата съ краю, и я ничего не знаю“. Грилленбергеръ обѣщалъ, если это безобразіе не прекратится, какъ-нибудь представить такого шпіона на кафедру палаты, а онъ былъ человѣкомъ, способнымъ сдержать свое слово; и не разъ

эти трусливые парни обращались въ бѣгство отъ его крѣпкихъ кулаковъ.

Если часть буржуазной оппозиціи еще приноровилась къ тому, чтобы порицать злоупотребленія въ примѣненіи 28-го параграфа, то и эта часть почти цѣликомъ отказалась защищать свои принципы, когда, 11 января 1883 года, должно было, наконецъ, разсматриваться соціалъ-демократическое предложеніе объ устраненіи всѣхъ исключительныхъ законовъ. Сецессіонисты прибѣгли къ той увертkѣ, что неудобно разсматривать совершенно различнаго рода правовые вопросы въ одномъ и томъ же проектѣ и по этой боковой дорожкѣ улизнули почти всѣ „принципіальные противники всякихъ исключительныхъ законовъ" и во главѣ ихъ прогрессистскій бульдогъ Евгеній Рихтеръ и ультрамонтанская лисица Виндгорстъ. Даже „Франкфуртская Газета", органъ Народной Партіи писала о „потерянной битвѣ" соціалъ-демократіи, какъ будто соціалъ-демократическая фракція ожидала отъ принятія ея предложенія немедленнаго устраненія всѣхъ исключительныхъ церковныхъ и соціально-политическихъ законовъ. На что она претендовала и на что могла претендовать, это—лишь на то, чтобы большинство рейхстага оффиціально засвидѣтельствовало свое будто бы дѣйствительное отвращеніе къ исключительнымъ законамъ. „Мы стоимъ на почвѣ принципа,—сказалъ Либкнехтъ въ своихъ превосходныхъ рѣчахъ, обосновавшихъ соціалъ-демократическое предложеніе,—мы желаемъ, чтобы и вы стали на эту почву. Кто голосуетъ противъ нашего предложенія, тотъ заявляетъ себя принципіальнымъ приверженцемъ исключительныхъ законовъ". Лишь далеко зашедшее умопомраченіе можетъ усмотрѣть въ бѣгствѣ буржуазной оппозиціи „выигранную битву".

Во всякомъ случаѣ, закономъ противъ соціалистовъ Бисмаркъ достигъ того, что если не пролетарскій соціализмъ, то все же буржуазный либерализмъ и ради-

кализмъ были парализованы. Всѣ непоколебимые получили колеръ государственныхъ мужей, чтобы забавными прыжками скрыть тайный страхъ за любимый денежный шкафъ.

2. Конгрессъ въ Копенгагенѣ.

Внутреннее развитіе нѣмецкой соціалъ-демократіи со времени выборовъ въ рейхстагъ 1881 года дѣлало безпрерывные успѣхи. Сознаніе, что партія продолжаетъ жить такъ же мощно, какъ и прежде, дѣйствовало возбуждающе на рабочія массы, и на столбцахъ „Соціалъ-демократа“ Бебель и Фольмаръ уже вели слегка борьбу по вопросу, не слѣдуетъ ли въ общемъ предпочесть исключительный законъ общему праву? Фольмаръ рѣшалъ этотъ вопросъ утвердительно, противъ чего Бебель выставилъ цѣлый рядъ основательныхъ возраженій.

Споръ этотъ пока былъ прелюдіей будущаго; для настоящаго же было достаточно и того, что развитіе партіи оказалось независимымъ отъ закона противъ соціалистовъ. За границей она теперь владѣла сильнымъ аванпостомъ, который давалъ ей полную свободу движенія. Нѣмецкіе соціалъ-демократы образовали въ Швейцаріи крѣпкую организацію послѣ того, какъ осенью 1880 года на конгрессѣ въ Ольтенѣ они полу-мирно, полу-враждебно отдѣлились отъ своихъ швейцарскихъ единомышленниковъ-товарищей; во владѣніе нѣмецкихъ партійныхъ товарищей перешли также швейцарская союзная типографія и книжная торговля, издававшія „Соціалъ-демократъ“. Это дѣло находилось подъ техническимъ руководствомъ дѣятельнаго спеціалиста, швейцарскаго книгоиздателя Концетта; нѣмецкая партія имѣла въ этомъ дѣлѣ пять представителей, то были: Эдуардъ Бернштейнъ, начиная съ осени 1880 года, редактировавшій „Соціалъ-демократъ“, Юлій Моттелеръ, завѣдывавшій экспедиціей, до сихъ поръ дѣятельно занимавшійся въ Дрезденѣ агитаціей, бывшій

купецъ Германъ Шлютеръ, какъ управляющій книжной торговлей и, наконецъ, Леонардъ Таушеръ въ качествѣ фактора и Рихардъ Фишеръ въ качествѣ метранпажа типографіи.

Партійный органъ, который въ первый годъ своего существованія не всегда былъ выдержаннымъ по направленію, съ тѣхъ поръ, какъ редакторомъ его сдѣлался Бернштейнъ, держался строго послѣдовательнаго направленія, рѣзкость котораго вполнѣ соотвѣтствовала преслѣдованіямъ партіи. Не переходилъ ли онъ границы необходимаго въ своихъ сильныхъ выраженіяхъ гнѣва—это вопросъ. Бернштейнъ самъ впослѣдствіи однажды откровенно признался, что оторванный отъ условій жизни родины, живя въ обстановкѣ изгнанія, онъ, въ соревнованіи съ „Freiheit" Моста, находился подъ вліяніемъ политическихъ пріемовъ послѣдняго. Однако, какъ писалъ Бернштейну Энгельсъ, вопросъ лишь въ томъ, не сильнѣе ли ранятъ противника презрѣніе и насмѣшка, чѣмъ самыя сильныя слова возмущенія? Въ остальномъ же рѣзкость, проявляемая „Соціалъ-демократомъ" въ отношеніи нѣмецкаго полицейскаго хозяйничанья воздавала послѣднему лишь вполнѣ заслуженное имъ; на этомъ сходились рѣшительно всѣ нѣмецкіе рабочіе. Когда Газенклеверъ и Блосъ въ концѣ 1881 года употребили въ рейхстагѣ нѣкоторыя выраженія, которыя на половину могли быть истолкованы, какъ отреченіе отъ „Соціалъ-демократа", поднялись оживленныя пренія о тонѣ центральнаго органа, приведшія почти къ единогласному постановленію сознательнаго пролетаріата: чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше! Соціалъ-демократическая фракція вмѣстѣ съ Газенклеверомъ и Блосомъ при этомъ случаѣ еще разъ признала „Соціалъ-демократъ" оффиціальнымъ органомъ партіи, при чемъ была сдѣлана только сама-собой понятная оговорка, что партія не можетъ быть отвѣтственна за всякую статью или выраженіе.

Въ экспедиціи „Соціалъ-демократа“ Моттелеръ обнаружилъ, какъ „начальникъ красной полевой почты“, свои старые организаторскіе таланты. Что никогда еще въ исторіи не удавалось, то теперь удалось съ безпримѣрной легкостью и увѣренностью: запрещенная эмигрантская газета, за распространеніе которой угрожали тяжелыя наказанія, и пути слѣдованія которой были усѣяны полицейской дружиной большого государства, аккуратно каждую недѣлю распространялась во многихъ тысячахъ экземпляровъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ этого большого государства. Возможность подобнаго безпримѣрнаго успѣха создали, конечно, главнымъ образомъ, новѣйшія условія производства и транспорта. Всѣ басни о пустотѣлыхъ тортахъ, швейцарскихъ сырахъ, тыквахъ, гипсовыхъ фигурахъ, головахъ сахару, въ которыхъ „Соціалъ-демократъ“, будто бы, переходилъ нѣмецкую границу, принадлежали къ области вымысла. Новѣйшіе способы транспорта и новѣйшая техника дѣлали ненужными подобные старые методы, совершенно непригодные для большихъ массъ перевозимаго. Ввозъ контрабанды въ государство вообще не былъ еще главнымъ затрудненіемъ; гораздо труднѣе было дальнѣйшее распространеніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, раздача ея подписчикамъ и читателямъ. На это потребовалась цѣлая армія энергичныхъ ловкихъ и безусловно надежныхъ партійныхъ товарищей; безъ преданности дѣлу этой массы работниковъ, дисциплинированныхъ благодаря новѣйшему способу производства и черпавшихъ свои силы въ солидарности современнаго пролетаріата, „Соціалъ-демократъ“ не выполнилъ бы своей исторической задачи, и распространеніе летучихъ листковъ не могло бы развиться во все болѣе и болѣе усиливающееся оружіе партіи. Каждый изъ этихъ преданныхъ людей въ отдѣльности обнаруживалъ мужество, самопожертвованіе и вѣрность убѣжденію, блескъ которыхъ никогда не затемнялся даже самой благородной человѣческой страстью, жаждой

славы. Безымянные борцы знали, что никакая пѣсня, никакая книга героевъ не сообщитъ, какъ усердно они исполняли взятыя на себя по отношенію къ своему классу обязанности.

Разбить подобную фалангу было не по силамъ оффиціальной полиціи Германской имперіи, несмотря на самыя судорожныя напряженія. Въ одномъ Берлинѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ штатъ чиновниковъ политической полиціи увеличился въ десять разъ, не считая безчисленной арміи шпіоновъ, которые за „поштучную“ плату боролись въ защиту священнѣйшихъ благъ. Эта банда наводнила также и Швейцарію, но насколько легко она проникла въ тайные кружки анархистовъ, настолько же затруднительно для нея было проникнуть въ соціалъ-демократическія организаціи. Позорный полицейскій методъ мучить бѣдныхъ, затравленныхъ, голодающихъ рабочихъ до тѣхъ поръ, покуда они не согласятся на предательскія услуги, также мало помогалъ. Если случайно и захватывалась посылка запрещенныхъ произведеній, то немедленно слѣдовала замѣняющая ее посылка; проходило очень немного времени, и измѣнникъ уже красовался на черномъ листѣ „Соціалъ-демократа“, пригвожденный къ позорному столбу; и всѣ безчестные труды оставались тщетными.

Особенно удачна была поимка въ Цюрихѣ въ ноябрѣ 1882 г. шпіона Шмидта, съ которымъ захвачена была и его „служебная“ корреспонденція. Шмидтъ былъ злостнымъ банкротомъ изъ Дрездена, преслѣдуемымъ судомъ. Швейцарія, по существующимъ договорамъ, должна была его выдать, если бы германское начальство этого потребовало. Но царство страха Божьяго и благочестивыхъ нравовъ не выражало подобнаго желанія; а, напротивъ, воспользовалось мошенникомъ, какъ шпіономъ-провокаторомъ среди цюрихскихъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Шмидтъ предлагалъ покушенія съ отравленными иголками и вообще основаніе фонда для покушеній, и одного этого уже было достаточно, чтобы

сдѣлать его подозрительнымъ для тѣхъ, за которыми онъ намѣревался шпіонить. Когда съ него сорвали маску, при немъ нашли и тѣ нѣжно-довѣрчивыя письма, которыми слѣдователь, совѣтникъ Веллеръ, и полицейскій комиссаръ Пауль въ Дрезденѣ, а также и полицейскій инспекторъ Кальтенбахъ, обмѣнивались съ завѣдомымъ преступникомъ, какъ своимъ „довѣреннымъ лицомъ", отчасти лишь подъ фиктивнымъ именемъ одного высшаго почтоваго чиновника въ Мюльгаузенѣ. Изъ этихъ писемъ обнаружился также и тотъ способъ, помощью котораго воспитывались эти шпіоны-подстрекатели, несмотря на торжественное предостереженіе всѣмъ полицейскимъ „довѣреннымъ лицамъ" не подстрекать къ преступленіямъ. Послѣ того, какъ аппетитъ шпіона достаточно раздражался богатыми авансами, его брали на голодовку, ясно намекая при этомъ, что новыя деньги только тогда „можно достать", если онъ сумѣетъ сообщить что-либо „важное". Бѣднякъ не былъ виноватъ, если всѣ его шпіонскіе соблазны не создавали никакихъ „важныхъ" покушеній. Выгнанный изъ Цюриха, онъ снова вернулся въ Германію, гдѣ обыкновенные суды, не связанные больше высшими потребностями полиціи, присудили его, какъ злостнаго банкрота, къ 4 годамъ смирительнаго дома.

„Соціалъ-демократъ" могъ теперь повернуть остріе копья и издать „альбомъ преступниковъ", который раскрылъ преступленія германской полиціи. Въ одномъ Эльберфельдъ-Барменѣ полдюжина полицейскихъ преслѣдователей соціалистовъ такъ или иначе изъ-за этого свернула себѣ шею, и оберъ-бургомистръ жаловался, что никто не хочетъ больше заняться опаснымъ дѣломъ спасенія государства. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, изъ чужихъ странъ были присланы „благонадежныя" силы: полицейскій инспекторъ Эльшлегеръ изъ Альтоны съ однимъ своимъ соучастникомъ, но и они должны были быстро ретироваться изъ мѣста командировки, такъ какъ одинъ высланный изъ Бер-

лина, котораго они хотѣли привлечь къ шпіонской службѣ, тотчасъ же опубликовалъ въ „Соціалъ-демократѣ“ ихъ предательскія письма. При этомъ было выставлено къ позорному столбу еще нѣсколько шпіоновъ-провокаторовъ, которые ужъ съ давнихъ поръ вертѣлись среди горнопромышленнаго пролетаріата.

Политическая организація нѣмецкаго рабочаго класса была разрушена, но его экономическая организація не могла быть уничтожена, пока существуетъ современная цивилизація, пока существуетъ механизмъ капиталистическаго процесса производства, который объединяетъ, образовываетъ и организуетъ рабочій классъ. Онъ открылъ имъ тысячи путей быстраго согласованія своихъ дѣйствій, безъ надобности прибѣгать къ опасному и обоюдоострому средству, іерархически построенной тайной организаціи. Каждый день совмѣстной работы въ большихъ мастерскихъ современной промышленности, любая форма общественнаго единенія, всякій союзъ для образованія и чтенія, каждый клубъ для танцевъ и куренія, каждая воскресная прогулка въ полѣ и лѣсу, каждое гулянье въ праздничный день, являлись жестокой насмѣшкой надъ полицейскими усиліями разбить соціалъ-демократическую организацію. Эта организація, избиравшая свою форму въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, оказывавшая всегда побѣдоносное сопротивленіе всякаго рода нападеніямъ, была тайной лишь постольку, поскольку она должна была быть тайной, чтобы обезпечить пролетаріату равныя со всѣми остальными классами населенія права. Именно поэтому она была морально такъ же непобѣдима, какъ сильна она была экономически.

Новымъ направленіемъ своей политики Бисмаркъ, въ свою очередь, былъ вынужденъ предоставить рабочимъ большее поле дѣйствія, чѣмъ они пользовались въ первые годы закона противъ соціалистовъ. Они должны были имѣть воможность говорить, хотя бы только для того, чтобы благодарить его за его „благо-

дѣянія", или чтобы проклинать своихъ соблазнителей, а также — и это было не послѣдней цѣлью — чтобы напугать буржуазію. Бисмаркъ теперь прялъ ту же самую нить полицейскаго произвола на другой манеръ. При своемъ ограниченномъ кругозорѣ онъ уговорилъ себя, что этимъ путемъ ему удастся поймать рабочихъ. На самомъ дѣлѣ, они выразили ему свою благодарность, занявъ немедленно всякую пядь предоставляемой имъ почвы, но не ту благодарность, на которую онъ разсчитывалъ, а ту, которую онъ заслужилъ.

Начиная съ 1882 года профессіональное движеніе получило новый толчекъ. Законъ противъ соціалистовъ не могъ его совершенно подавить. Первую большую борьбу за повышеніе заработной платы при этомъ законѣ вели берлинскіе столяры весною 1880 года, въ концѣ этого года появились уже ремесленные союзы, а еще раньше, почти непосредственно послѣ запрещенія старыхъ вѣстниковъ профессіональныхъ союзовъ, отдѣльныя спеціальныя газеты. Сюда относится „Wecker", основанный Боккомъ въ Готѣ для сапожниковъ, „Neue Tischler-Zeitung" и „Schiffbauerbote" въ Гамбургѣ, „Gewerkschafter" для табачныхъ рабочихъ въ Лейпцигѣ и многія другія. Несомнѣнный подъемъ промышленности, который сталъ замѣтенъ въ началѣ 80-хъ годовъ, далъ профессіональному движенію сильный толчекъ.

Когда въ мартѣ 1882 года, позолотчикъ Эвальдъ созвалъ правленія берлинскихъ ремесленныхъ союзовъ, чтобы обсудить петицію, которая должна была высказать правительству нужды и желанія рабочихъ, такихъ союзовъ было уже 18. Изъ нихъ составился главный комитетъ берлинскихъ профессіональныхъ союзовъ, поднявшій оживленную агитацію за защиту рабочихъ законодательнымъ путемъ. Уже въ первомъ рабочемъ собраніи, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, было рѣшено направить петицію не къ правительству, а къ рейхстагу. Нашли, что и безъ Бисмарка она найдетъ въ парламентскихъ представителяхъ рабочаго класса сильныхъ

защитниковъ. Еще яснѣе выступила идея, воодушевлявшая берлинскихъ рабочихъ въ позднѣйшихъ собраніяхъ, на которыхъ Газенклеверъ, Фроме и другіе соціалъ-демократическіе депутаты рейхстага привѣтствовались съ бурнымъ восторгомъ. Все же Эвальдъ продолжалъ очень осторожно лавировать, и враждебныя нападки прогрессистской прессы, которая выступила въ походъ со своими постарѣвшими манчестерскими фразами противъ петиціи, давали ему удобный поводъ разсчитаться сначала съ прогрессистской партіей. Штэккеръ и компанія мѣсяцами лелѣяли надежду овладѣть движеніемъ; они увлеклись даже до нападокъ противъ полиціи, которая слишкомъ спѣшитъ съ закрытіемъ рабочихъ собраній.

Однако долго эти грезы не продолжались. Когда консервативная партія въ концѣ 1882 и въ началѣ 1883 года выступила со своимъ предложеніемъ о введеніи обязательныхъ рабочихъ книжекъ, сознательные рабочіе хладнокровно отбросили въ сторону вялые протесты прогрессистовъ и достойнымъ образомъ заклеймили позоромъ реакціонную выходку. Въ двухъ очень многочисленныхъ собраніяхъ берлинскіе рабочіе объявили утвержденіе, будто рабочія книжки желательны для пролетаріата, умышленной ложью, и признали, что виновники этого предложенія заслуживаютъ презрѣнія всѣхъ рабочихъ и должны быть преданы суду исторіи. Подобныя резолюціи приняли, приблизительно, сто рабочихъ собраній, которыя происходили отъ Рендсбурга и Вильгельмсгафена до Нюрнберга, Мюнхена и Штуттгарта. Гдѣ Штэккеръ и его компанія являлись передъ рабочими, они прогонялись съ громкимъ смѣхомъ. Полиція знала теперь, съ чѣмъ она имѣетъ дѣло, и 15 февраля 1883 г. главный комитетъ берлинскихъ ремесленныхъ союзовъ былъ обвиненъ въ томъ, что спеціальные ремесленные ферейны, какъ политическіе ферейны, своимъ объединеніемъ преступили законъ о союзахъ.

Несмотря на „мягкую практику“, преслѣдованія соціалъ-демократической партіи не прекращались. Малое осадное положеніе въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ аккуратно возобновлялось въ день его окончанія, высылки изъ трехъ мѣстностей съ осаднымъ положеніемъ безпрерывно продолжались, рабочія собранія, смотря по настроенію полиціи, то разрѣшилась, то распускались, запрещенія печатныхъ произведеній и союзовъ слѣдовали одно за другимъ, и комиссія для обжалованія распоряжалась „судебными гарантіями“ такъ же свободно, какъ и прежде, когда рабочіе рѣшались обращаться къ этой государственной „имперской комиссіи висѣлицъ“, что однако случалось чрезвычайно рѣдко, въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ, для которыхъ стоило тратить трудъ съ цѣлью освѣтить дѣятельность этой комиссіи. Попрежнему практиковались процессы о возстаніяхъ, о государственной измѣнѣ, объ оскорбленіи величества, о подстрекательствѣ и другія допускающія широкое толкованіе дѣла. Сущность „мягкой практики“ должна была заключаться именно въ томъ, чтобы рабочіе ни на одно мгновеніе не забывали, подъ какимъ дамокловымъ мечомъ они живутъ. Въ частности, однако, было бы несправедливо утверждать, что юстиція всегда ковыляла за полиціей. Это бы оказалось вѣрнымъ по отношенію къ имперскому суду, политическіе приговоры котораго, начиная съ перваго большого процесса о покушеніи противъ государственнаго строя, въ моральномъ значеніи опускались все ниже и ниже. Необходимо признать, что не всѣ, но все же многіе суды въ первые годы закона противъ соціалистовъ соблюдали извѣстную осторожность. Правда, были нѣкоторые приговоры, которые напоминали собою періодъ покушеній, такъ, съ іюля 1880 года до января 1882 года въ Дрезденѣ свыше 90 партійныхъ товарищей были приговорены въ общей сложности къ 18 годамъ тюремнаго заключенія, однако, полицейскія управленія съ ихъ доносами теряли часто напрасно

свои выстрѣлы передъ представителями суда; и въ Берлинѣ, напримѣръ, до конца 1881 года изъ 359 обвиненныхъ полиціей соціалъ-демократовъ только 26 были наказаны судомъ.

Но пусть даже партія и быстро примѣнилась къ новой тактикѣ Бисмарка, все же въ ея рядахъ оказалась потребность принять на новомъ конгрессѣ по отношенію къ положенію вещей совершенно опредѣленную позицію, въ виду измѣнившагося положенія со дня конгресса въ Виденѣ. Если не было никакихъ принципіальныхъ, то были нѣкоторыя тактическія различія во мнѣніяхъ, которыя и обнаружились въ вопросѣ, о направленіи „Соціалъ-демократа". Къ тому же было необходимо приготовиться къ ближайшимъ выборамъ въ рейхстагъ, и кромѣ того наступалъ уже третій годъ, по рѣшенію въ Виденѣ, — предѣльный срокъ для новаго конгресса. Въ августѣ 1882 года депутаты рейхстага и нѣкоторыя лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ, собрались на трехъ-дневную конференцію въ Цюрихѣ, гдѣ положеніе партіи подверглось основательному обсужденію, и гдѣ было окончательно рѣшено созвать общій конгрессъ ближайшей весной. 4 января 1883 года „Соціалъ-демократъ" пригласилъ къ делегатскимъ выборамъ, которые должны были быть закончены до конца февраля, послѣ чего делегатамъ будутъ сдѣланы новыя сообщенія. Хотя многимъ лицамъ конечно было извѣстно мѣсто и время конгресса, тѣмъ не менѣе нѣмецкая полиція была совершенно введена въ заблужденіе. По приказанію совѣтника полиціи Крюгера, цѣлый кордонъ шпіоновъ занялъ швейцарскую границу отъ Линдау до Базеля; когда же потомъ въ нѣмецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что конгрессъ засѣдаетъ на сѣверѣ, Крюгеръ поспѣшилъ въ Лондонъ, чтобы тутъ узнать, что конгрессъ засѣдалъ въ Копенгагенѣ и уже закончился. Безсильную ярость по поводу своего позорнаго пораженія полиція сумѣла выразить только въ томъ, что въ Килѣ и Неймюн-

стерѣ арестовала нѣсколькихъ возвращающихся домой делегатовъ, между ними, на нѣсколько часовъ, и членовъ рейхстага, вопреки всякому закону и праву.

Конгрессъ отъ 29 марта до 2 апрѣля въ семи засѣданіяхъ закончилъ свои дѣла ко всеобщему удовлетворенію его 60 делегатовъ. Одинъ членъ, который, начиная съ 1872 года, присутствовалъ на всѣхъ конгрессахъ партіи, засвидѣтельствовалъ, что еще ни на одномъ предыдущемъ конгрессѣ всѣ партійные округи не были такъ равномѣрно представлены, какъ на этомъ Общее положеніе партіи оказалось въ высшей степени удовлетворительнымъ. Внутри Германіи было собрано съ 5 августа 1881 года до 28 февраля 1883 года въ мѣстахъ сбора 95.000 марокъ, при этомъ въ Цюрихъ для разныхъ цѣлей было послано, кромѣ того, 20.729 франковъ. Въ трехъ округахъ съ осаднымъ положеніемъ духъ партіи былъ въ превосходномъ состояніи; товарищи жертвовали здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, и партійный органъ имѣлъ самое широкое распространеніе. О положеніи „Соціалъ-демократа“ докладывалъ Рихардъ Фишеръ; число подписчиковъ, начиная съ конгресса въ Виденѣ, увеличилось въ четыре раза, газета не только покрыла всѣ свои расходы, но могла уже приступить къ выплатѣ сдѣланныхъ ею долговъ.

Руководство ближайшими выборами въ рейхстагъ было передано фракціи рейхстага съ правомъ кооптаціи и съ полномочіемъ учредить вспомогательный исполнительный комитетъ. Ей было поручено выработать общій манифестъ о выборахъ и инструкціонную брошюру для защиты противъ незаконнаго вмѣшательства властей и господствующихъ классовъ. Цѣлью участія въ выборахъ было полученіе возможно большаго числа голосовъ, а не полномочій; и въ зависимости отъ этого, при устраненіи „оффиціальныхъ“ избирательныхъ округовъ, рекомендовалась живѣйшая предвыборная агитація всюду, гдѣ только были партійные товарищи. Принципіальная тактика при выборахъ

была прежняя, принятая въ Виденѣ; предложеніе объ абсолютномъ воздержаніи отъ голосованія при перебаллотировкахъ между буржуазными кандидатами провалилось 24 голосами противъ 34. Система выставлять извѣстныхъ кандидатовъ въ возможно большемъ числѣ избирательныхъ округовъ была оставлена; всѣ кандидаты должны были не только безусловно признать партійную программу, но и обязывались принимать участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ, постановленныхъ общимъ рѣшеніемъ партійнаго представительства.

Тактика „Соціалъ-демократа" въ общемъ была одобрена такъ же, какъ и общая тактика фракціи рейхстага; послѣ подробнаго разъясненія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ въ особой резолюціи, конгрессъ требовалъ „безпощаднаго выступленія" партіи и отвергъ всякія уступки притязаніямъ господствующихъ классовъ, всякія соображенія, спекулирующія на снисхожденіе начальства. По поводу, такъ называемой, соціальной реформы въ Германской имперіи конгрессъ единогласно безъ дебатовъ призналъ, что онъ по тому, какъ господствующіе классы держатъ себя до сихъ поръ, не вѣритъ ни въ ихъ честныя намѣренія, ни въ ихъ способности. Больше того, онъ убѣжденъ, что мнимая соціальная реформа пущена въ дѣло только какъ тактическое средство, чтобы совлечь рабочихъ съ вѣрнаго пути. Но все же конгрессъ считаетъ обязанностью партіи и ея парламентскихъ представителей, при всѣхъ предложеніяхъ, касающихся экономическаго положенія народа, независимо отъ того, изъ какихъ побужденій они вытекаютъ, энергично оберегать интересы рабочаго класса, но, разумѣется, безъ того, чтобы хоть на одно мгновеніе отказаться отъ совокупности соціалистическихъ требованій.

Это былъ ясный, точный и выразительный отвѣтъ пролетаріата на посланіе императора.

Глава четвертая.

Научныя работы.

Въ Копенгагенѣ была выполнена и одна печальная обязанность — чествованіе памяти мужа, который въ теченіе четырехъ десятилѣтій оплодотворялъ пролетарское движеніе обѣихъ частей свѣта своими могучими идеями. Карлъ Марксъ умеръ 14 марта 1883 года. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни ему приходилось бороться съ тяжелыми страданіями; при немъ сошли въ могилу его жена и старшая дочь; серьезно и потрясающе отзвучала эта великая жизнь. Все же она погасла не въ безнадежную ночь, какъ угасла жизнь Лессинга или Фихте, а на разсвѣтѣ утренней зари лучшаго будущаго; успѣшное движеніе впередъ рабочаго класса освѣтило конецъ жизни Карла Маркса.

Его духовное наслѣдство перенялъ Энгельсъ, который еще 12 лѣтъ продолжалъ неутомимо работать и творить для интернаціональнаго пролетаріата. Изъ оставленныхъ Марксомъ рукописей онъ издалъ второй и третій томы „Капитала", которые разбирали механизмъ конторы и рынка, какъ первый томъ разсматривалъ механизмъ фабрики. Все же эти томы, по своему содержанію, не могли такъ глубоко и такъ непосредственно повліять на рабочее движеніе, какъ вышедшій передъ этимъ первый томъ; только теоретически-образованные читатели были въ состояніи одолѣть обиліе новыхъ заключающихся въ нихъ знаній. Болѣе популярно написана книга Энгельса о происхожденіи семьи, частной собственности и государства. Это произведеніе примыкаетъ къ изслѣдованіямъ Моргана и къ предварительнымъ работамъ Маркса, но все же по существу является самостоятельной работой; оно заполнило значительный пробѣлъ въ пониманіи всемірно-историческаго процесса „Коммунистическаго Манифеста" и дало научному коммунизму новую опору

яснымъ изображеніемъ первобытной исторіи человѣчества. Все же большая часть плодотворной и богатой работы, которую Энгельсъ выполнилъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, принадлежала практическимъ потребностямъ пролетарской классовой борьбы. Въ безчисленныхъ статьяхъ, письмахъ и бесѣдахъ онъ давалъ совѣты рабочимъ партіямъ всѣхъ странъ; брать на себя всѣ сопряженныя съ этимъ затрудненія онъ считалъ своей прямой обязанностью, которую нужно было немедленно исполнить. Если онъ всю свою жизнь стоялъ нѣсколько въ тѣни Маркса, то теперь дышущая здоровьемъ и дѣятельностью старость вознаградила его въ большомъ, слишкомъ большомъ размѣрѣ, какъ онъ самъ находилъ съ искренней скромностью великаго мыслителя.

Его сочиненіе противъ Дюринга посреди оглушительнаго шума борьбы, который наполнялъ первые годы закона противъ соціалистовъ, начало медленно оказывать свое вліяніе на наиболѣе свѣтлыя головы; популярное изложеніе важнѣйшихъ главъ этого произведенія, которое Энгельсъ издалъ ко времени конгресса въ Копенгагенѣ, чтобы въ крупныхъ чертахъ представить развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ, было съ жадностью проглочено голодной къ знаніямъ массой въ многотысячномъ изданіи; вскорѣ съ подобнымъ же успѣхомъ оно было переведено на языки всѣхъ странъ, гдѣ только имѣлось рабочее движеніе. Научные журналы Гэхберга прекратились, хотя именно цюрихскій „Jahrbuch“ въ своихъ послѣднихъ книжкахъ свидѣтельствовалъ о дальнѣйшемъ развитіи; покуда партія должна была бороться за свое политическое существованіе, она отстраняла пока въ сторону всякую теорію. Зато послѣ выборовъ 1881 года тѣмъ сильнѣе она набросилась на научныя знанія съ достойной удивленія энергіей, имѣющейся въ новѣйшемъ рабочемъ движеніи. Войско, которому еще предстояла продолжительная война, нуждалось въ арсеналахъ и

цейхгаузахъ, чтобы оттачивать старое оружіе и ковать новое; вопросъ объ основаніи партійнаго архива уже обсуждался въ Виденѣ, въ Копенгагенѣ это было твердо рѣшено, и въ лицѣ Шлютера оно нашло очень находчиваго исполнителя.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, законъ противъ соціалистовъ обманулъ ослѣпительныя надежды его творцовъ. Не совсѣмъ несправедливо жаловались манчестерцы, что преслѣдуемый соціализмъ сталъ „важнымъ господиномъ", за которымъ ухаживаетъ весь міръ. Многое было лишь обманчивой мишурой, на что достаточно указывало расшаркиваніе Бисмарка передъ соціализмомъ. Всякая мѣра фискальнаго выколачиванія и буржуазной аферы прославлялась, какъ соціализмъ, если только для ея проведенія употреблялась государственная помощь. Но безнаказанно никто не играетъ съ этимъ огнемъ. Противъ этого стали возмущаться всѣ тѣ изъ буржуазныхъ ученыхъ, которые обладали еще научной совѣстью.

Нѣкоторые молодые изслѣдователи составили заслуживающія вниманія работы о жизни нѣмецкаго пролетаріата; были и такіе, какъ Эмануилъ Гансъ Заксъ и Шнапперъ-Арндтъ, которые откровенно признавали вліяніе на нихъ Энгельса и Маркса. Глубоко проникнувъ въ историческое развитіе и характерную сущность капиталистически эксплоатируемаго домашняго производства, Заксъ далъ описаніе этого производства тюрингенскаго округа, а Шнапперъ-Арндтъ—въ 5 сельскихъ общинахъ въ Высокомъ Таунусѣ; картины, ими изображенныя, при всей тщательности изслѣдованія, обнаруживаютъ ту силу творчества, которая отличаетъ научнаго изслѣдователя отъ цеховыхъ ученыхъ ремесленниковъ. Послѣдніе заигрывали съ Родбертусомъ, но и это заигрываніе оказалось обоюдоострымъ оружіемъ. Родбертусъ все же былъ не по плечу академической молодежи, которая то и дѣло спотыкалась на немъ, несмотря на всю ея дрессировку.

Карьеристы, лишенные всякой идейности, поспѣшили погрязнуть въ бисмарковскомъ болотѣ, утверждая, что Родбертусъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ Марксъ, но что Бисмаркъ имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ Родбертусъ; талантливые же представители этой молодежи спасались на гладкую почву научнаго коммунизма. Такъ именно поступилъ Максъ Шиппель, уроженецъ Хемница, давшій ужевъ своемъ литературномъ первенцѣ замѣчательное изслѣдованіе современой нищеты и современнаго избытка населенія и очень скоро усвоившій матеріалистическое пониманіе исторіи.

Научному коммунизму удалось вырвать у оффиціальной науки только ея наиболѣе даровитыхъ питомцевъ; оффиціальные же ученые не могли покинуть точку зрѣнія буржуазнаго класоваго государства именно вслѣдствіе своей оффиціальной учености. Еще нѣсколько лѣтъ, и нѣмецкіе университеты, еще во время дѣйствія закона о соціалистахъ, объявили себя орудіемъ классоваго господства. Когда Конрадъ Шмидтъ, молодой кенигсбергецъ изъ старо-демократической семьи, хотѣлъ стать приватъ-доцентомъ и представилъ сочиненіе, которое съ большимъ талантомъ развивало проблему научнаго коммунизма въ чисто спекулятивно-теоретической формѣ, ему было вездѣ указано, что „марксизмъ“ не можетъ быть терпимъ въ нѣмецкомъ университетѣ. Соціалъ-демократическая партія хорошо знала, и не только по одному этому случаю, что свобода науки въ современномъ буржуазномъ обществѣ—лишь пустая фраза. Поэтому она уже давно въ своемъ собственномъ лагерѣ устраивала свои собственныя кузницы научнаго оружія и, по своему обыкновенію, она исходила при этомъ изъ своихъ ближайшихъ потребностей. Первымъ мѣстомъ ея теоретическихъ изслѣдованій былъ ея цюрихскій центральный органъ, задачи котораго измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкимъ рабочимъ газетамъ была представлена нѣкоторая свобода.

Теперь не приходилось уже прежде всего возбуждать въ затравливаемыхъ, подавляемыхъ и гонимыхъ рабочихъ страсть къ борьбѣ, не приходилось поэтому употреблять революціонный языкъ, который соотвѣтствовалъ бы реакціонному бѣшенству преслѣдованій. На первый планъ теперь выступаетъ другая задача: пресѣчь дорогу игрѣ оффиціальной соціальной демагогіи, выяснить партіи экономическія соціальныя теченія въ обществѣ и государствѣ, освѣтить надлежащимъ образомъ невѣрно понятые боевые лозунги, какъ „борьба противъ манчестерства", которые нѣкогда имѣли свое значеніе и могли пріобрѣсть его снова, но въ то время могли затуманить сознаніе рабочаго класса и способствовать чрезвычайно опасному братанію съ сомнительнѣйшими элементами господствующихъ эксплоататорскихъ круговъ. О всѣхъ этихъ вопросахъ нѣмецкія рабочія газеты не могли говорить съ должной откровенностью безъ того, чтобы не попасть подъ мечъ закона о соціалистахъ. „Соціалъ-демократъ" въ цѣломъ рядѣ весьма поучительныхъ статей совершенно разрушилъ сказку о соціальной монархіи, вскрылъ пустое фиглярство Штеккеровъ и Вагнеровъ и нелѣпость утвержденія, будто всякое „огосударствленіе" есть шагъ къ соціализму. Онъ доказывалъ, что экономическая задача соціалъ-демократіи въ такое время, когда государство находится въ рукахъ злѣйшихъ враговъ рабочихъ, состоитъ не въ томъ, чтобы усилить средства государства и расширить сферу его вліянія, а только въ томъ, чтобы защищать и отстаивать классовые интересы пролетаріата. Но свое главное вниманіе, при существующихъ условіяхъ, сознательный пролетаріатъ долженъ направить на завоеваніе политической власти и политическихъ правъ.

Для этой просвѣтительной дѣятельности Эдуардъ Бернштейнъ былъ не менѣе пригоденъ, чѣмъ для революціонной дѣятельности „Соціалъ-демократа". Онъ

родился въ бѣдной еврейской семьѣ въ Берлинѣ; его отецъ былъ машинистомъ на Ангальтской дорогѣ, его дядя былъ руководителемъ политическаго отдѣла „Народной Газеты“. Бернштейнъ выросъ въ богатой духовной жизнью и возбуждающей къ умственной дѣятельности средѣ, въ которой сталкивались и боролись самыя разнообразныя политическія, религіозныя и соціальныя теченія. Средства его родителей дали ему возможность посѣщать гимназію лишь до полученія свидѣтельства на право однолѣтней военной службы, послѣ чего, въ продолженіе 12-ти лѣтъ, онъ служилъ въ одномъ банкѣ. Въ 1872 году Эдуардъ Бернштейнъ, послѣ нѣкоторыхъ исканій, примкнулъ къ соціалъ-демократической партіи; онъ выступилъ тотчасъ же въ качествѣ практическаго агитатора и явился въ Берлинѣ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ среди тогдашнихъ эйзенахцевъ. Онъ раздѣлялъ запутанныя ученія этой фракціи, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Дюрингомъ и Гэхбергомъ; научное коммунистическое ученіе онъ выяснилъ себѣ окончательно лишь послѣ ознакомленія съ полемическимъ сочиненіемъ Энгельса, направленнымъ противъ Дюринга. Осенью 1880 года, во время поѣздки въ Лондонъ, онъ лично познакомился съ Марксомъ и Энгельсомъ и, возвратившись въ Цюрихъ, взялся временно редактировать „Соціалъ-демократъ“, но потомъ продолжалъ руководить этимъ органомъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

Бернштейнъ сумѣлъ сдѣлать этотъ журналъ органомъ всей партіи и дать ему въ то же время опредѣленное, твердое и ясное направленіе, которое удовлетворяло всѣмъ тактическимъ требованіямъ и не находилось въ противорѣчіи съ основными принципами. Ни по одному вопросу, выдвинутому повседневной политической борьбой въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, по крайней мѣрѣ, ни по одному рѣшающему вопросу, „Соціалъ-демократъ“ не сбился съ вѣрнаго пути. По своей агитаторской дѣятельности Бернштейнъ былъ

слышкомъ хорошо знакомъ съ условіями пролетарской классовой борьбы, чтобы ошибиться въ ней; но творя основательно и медленно, по своей вдумчивой натурѣ, съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ скептицизма, онъ оцѣнивалъ относительное право противника скорѣе слишкомъ высоко, чѣмъ слишкомъ низко; Бернштейнъ любилъ борьбу не изъ-за борьбы и всегда былъ готовъ къ плодотворной дискуссіи. Слѣдуя совѣтамъ Энгельса, Бернштейнъ своимъ редактированіемъ „Соціалъ-демократа“ столь же много содѣйствовалъ теоретическому выясненію вопросовъ нѣмецкаго рабочаго класса, сколько и его практическому дисциплинированію и объединенію.

За выясненіе теоретическихъ вопросовъ принялся также „Neue Zeit“, научный ежемѣсячный журналъ, выходящій съ января 1887 года въ Штуттгартѣ. Здѣсь поселился Дитцъ послѣ своего изгнанія изъ Гамбургъ-Гарбурга и принялъ въ свое владѣніе остатки Лейпцигской кооперативной типографіи, перешедшей въ собственность Гэхберга. Но и въ Швабіи, гдѣ со времени періода покушеній также настало время полицейскаго хозяйничанья, власти ставили Дитцу на пути тысячи затрудненій, однако имъ не удалось совершенно убить его предпріятіе.

Редактированіе „Neue Zeit“ принялъ на себя Карлъ Каутскій. Онъ родился въ Прагѣ и происходитъ изъ интернаціональной семьи художниковъ; его дѣдушка и бабушка со стороны отца представляли собой смѣсь польской и чешской, и со стороны матери смѣсь итальянской и нѣмецкой крови; отецъ его былъ извѣстнымъ художникомъ, а мать прославилась цѣлой серіей превосходныхъ соціальныхъ романовъ. Благодаря своему чешскому происхожденію, Карлъ Каутскій былъ рано, еще преслѣдованіями своихъ нѣмецкихъ школьныхъ товарищей, оттолкнутъ въ ряды оппозиціи; въ бенедиктинскомъ аббатствѣ Мелька, гдѣ онъ получилъ часть своего воспитанія, онъ познакомился

съ хозяйничаньемъ духовенства и научился его ненавидѣть; тогда же на него произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе возникновеніе и паденіе Парижской Коммуны. Когда Каутскій въ серединѣ семидесятыхъ годовъ вступилъ въ университетъ, онъ твердо рѣшилъ посвятить свою жизнь партіи. Его любимой отраслью знанія была исторія; одновременно съ этимъ онъ ревностно изучалъ естественныя науки и соціализмъ, вначалѣ по французскимъ источникамъ. Захваченная имъ отсюда толика утопизма, его точное знаніе дарвинизма и вліяніе Альберта Ланге побудили его къ первому его сочиненію по вопросу о народо населеніи въ государствѣ будущаго. Оно какъ разъ было готово къ печати, когда Гэдель произвелъ свой выстрѣлъ въ воздухъ. Законъ противъ соціалистовъ ранилъ австрійское рабочее движеніе гораздо сильнѣе, чѣмъ нѣмецкое; послѣ перваго бурнаго натиска австрійское рабочее движеніе захирѣло и съ трудомъ тащилось на буксирѣ нѣмецкаго; въ австрійскомъ пролетаріатѣ Мостъ нашелъ относительно богатую жатву послѣдователей. Несмотря на повторенныя попытки, Каутскій не нашелъ на своей родинѣ необходимаго простора для дѣятельности, соотвѣтствовавшей его способностямъ и наклонностямъ. Онъ попалъ лишь тогда въ свою настоящую колею, когда, въ январѣ 1880 года, Гэхбергъ призвалъ его въ Цюрихъ для сотрудничества въ его журналахъ. Какъ Бернштейнъ, такъ и Каутскій, освободился отъ остатковъ теоретической неувѣренности изученіемъ полемики между Энгельсомъ и Дюрингомъ. Гэхбергъ хорошо угадалъ, избравъ себѣ въ литературные помощники Бернштейна и Каутскаго; но онъ одно упустилъ изъ виду, что они пришли въ партію не въ качествѣ филантроповъ, подобно ему, но въ качествѣ революціонеровъ. Они оба скоро переросли его; разрывъ послѣдовалъ, хотя лично и дружественнымъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣшительнымъ образомъ.

Подъ редакціей Каутскаго „Neue Zeit“ съ самаго начала сталъ органомъ марксизма, того однороднаго и законченнаго міровоззрѣнія, которое было обосновано Марксомъ и Энгельсомъ, но не въ какомъ-либо догматическо-исключительномъ смыслѣ; такой догматизмъ былъ бы всего менѣе марксистскимъ. Будучи очень далекъ отъ того, чтобы утверждать, что марксизмъ вообще послѣднее слово человѣческаго знанія, Каутскій утверждалъ только, что марксизмъ въ „Neue Zeit“ можетъ сказать свое послѣднее слово. Прежде чѣмъ какое-нибудь міровоззрѣніе можетъ быть превзойдено, оно должно быть исторически изжито, и какъ бы относительна ни была истина, заключающаяся въ немъ, но и такая относительная истина стоитъ несравненно выше того абсолютнаго отсутствія истины, которое вообще не вяжется съ логическимъ мышленіемъ. Всестороннее образованный и совершенно свободный отъ обычнаго литературнаго тщеславія, которое, ради взаимной похвалы, мараетъ и позволяетъ марать, Каутскій въ своихъ тщательныхъ работахъ съ неумолимой критикой выдѣлилъ марксизмъ въ его историческомъ своеобразіи изъ кучи всемірно-соціалистическихъ писаній, которая была нагромождена вокругъ него. Совѣтами Энгельса онъ пользовался еще въ большей степени, чѣмъ Бернштейнъ; съ 1884 года онъ руководилъ „Neue Zeit“ изъ Лондона.

Центръ тяжести журнала Каутскаго лежалъ въ историческихъ и экономическихъ изслѣдованіяхъ, зато еженедѣльная газета „Recht auf Arbeit“, издаваемая Луи Фирекомъ въ Мюнхенѣ, занималась преимущественно практической соціальной политикой, вопросами законодательной охраны труда и вопросами профессіональныхъ организацій. Съ 1882 года Фирекъ старался создать въ столицѣ Баваріи центръ для партійной публицистики въ предѣлахъ Германіи; изъ Süddeutsche Post“ и изъ цѣлаго ряда летучихъ листковъ, появившихся въ различныхъ мѣстахъ отъ Рейна

до Прегеля, онъ создалъ маленькій газетный лѣсъ, который ночные морозы закона о соціалистахъ довольно часто сильно опустошали, но все же не разрушали окончательно. Духовно руководящей силой этихъ предпріятій былъ Бруно Шенланкъ, молодой тюрингенецъ, который научился въ нѣмецкихъ университетахъ всему, чему послѣдніе могли научить и очень многому, чему они научить не могли. Это былъ быстрый и сильный работникъ, защищенный блестящимъ талантомъ и хорошимъ образованіемъ отъ опошляющаго вліянія мелкой публицистической борьбы.

Изъ незамѣтныхъ зачатковъ, при сверканіи молніи и проливномъ дождѣ, у партіи выросла научная литература, которая свидѣтельствовала о значительномъ прогрессѣ въ сравненіи съ ея духовнымъ состояніемъ семидесятыхъ годовъ. Этотъ прогрессъ можно измѣрить, если сравнить популярное извлеченіе, сдѣланное Каутскимъ изъ перваго тома „Капитала", съ соотвѣтствующей дрянной работой Моста, которая десять лѣтъ тому назадъ цѣнилась еще очень высокимъ курсомъ въ партіи. Арендаторы буржуазной мудрости думали, что сумѣютъ уничтожить молодые всходы всевозможными фразами о „фанатическихъ эпигонахъ"; но хвастливая бездарность эпигонства была именно естественнымъ наслѣдіемъ того класса, который растерялъ свои идеалы на толкучемъ рынкѣ.

Глава пятая.

Бичъ и обсахаренная приманка.

Средняя часть второго періода закона о соціалистахъ продолжалась также $1^1/_2$ года. Съ весны 1883 до осени 1884 года; за это время было практически выполнено все то, что въ первой части этого періода вопросомъ императора и отвѣтомъ пролетаріата прин-

ципіально установлено: Бисмаркъ провелъ свои „соціальныя реформы“, и соціалъ-демократія расписалась въ этомъ на выборахъ.

Примѣненіе закона противъ соціалистовъ было въ это время, приблизительно, такое же, какъ въ предыдущей части этого періода, развѣ только, что бичъ управлялъ теперь слабѣе, а обсахаренная приманка была нѣсколько больше посыпана сахаромъ. Дѣло противъ главнаго комитета берлинскихъ профессіональныхъ союзовъ приняло легкій оборотъ; Эвальдъ и его товарищи были присуждены къ небольшимъ денежнымъ штрафамъ; профессіональные союзы, однако, не были закрыты. Когда берлинскіе рабочіе въ 1883 году впервые приняли участіе въ общинныхъ выборахъ, которые происходили по трехклассовой избирательной системѣ, но тѣмъ отличались отъ выборовъ въ ландтагъ, что здѣсь каждый классъ избиралъ своихъ собственныхъ представителей,—то имъ на этотъ разъ уже мало мѣшали. На недостойныя жалобы на это со стороны прогрессистовъ Путткамеръ отвѣтилъ со свойственнымъ ему актерскимъ паѳосомъ: „Кто даетъ намъ право, если здѣсь, при общинныхъ выборахъ, гдѣ, скажемъ, четвертое сословіе соединилось и выставило довольно опредѣленное требованіе, подводить такихъ людей подъ 1-ый и 9-ый параграфы закона о соціалистахъ? Это было бы очевиднымъ нарушеніемъ закона“. Съ января 1884 года могъ уже выходить въ свѣтъ ежедневный рабочій органъ „Berliner Volksblatt“. Но одновременно съ этимъ были распущены въ Берлинѣ въ 1883 году 46, а въ 1884 году—80 рабочихъ собраній. Какъ въ столицѣ, такъ и во всемъ государствѣ проводилась система бича и обсахаренной приманки.

На рабочихъ это производило впечатлѣніе прямо противоположное тому, котораго ожидали Бисмаркъ и Путткамеръ.

„Соціалъ-демократъ“ охарактеризовалъ это слѣдующими словами: „Правительство хочетъ дрессировать

рабочихъ для того, чтобы они то бросались, какъ гончая стая на либерализмъ, то укладывались, когда имъ свистнутъ, покорно у ногъ хозяина". Этотъ режимъ произвола возмущалъ рабочихъ еще болѣе, чѣмъ последовательно проведенное, хотя бы и жестокое преслѣдованіе. Въ безпощадномъ противникѣ можно, по крайней мѣрѣ, уважать прямоту. „Но если врагъ хочетъ насъ не уничтожить, а подкупить, когда онъ насъ дѣлаетъ безправными и подвергаетъ нашу семью несчастьямъ не потому, что наши цѣли кажутся ему безнравственными, губительными, но только потому, что мы не поддаемся подкупу, тогда наша ненависть дѣлается не только глубже, но къ ней присоединяется и наше презрѣніе: „Мы презираемъ Бисмарка и его шайку, мы презираемъ его въ его строгости и еще больше презираемъ его въ его снисходительности". Въ соціалъ-демократическихъ летучихъ листкахъ стало лозунгомъ: „Его обсахаренную приманку мы презираемъ, его кнутъ мы сломимъ!".

Но этотъ языкъ мужей съ достоинствомъ былъ непонятенъ свѣтскому господину, окруженному льстецами. Онъ продолжалъ твердо надѣяться, что сумѣетъ привлечь насвою сторону „введенныя въ заблужденіе массы" своимъ соціализмомъ милостыни, а насчетъ преступныхъ руководителей у негобылъособый планъ: сманить ихъ путемъ провокаціи на скользкую почву открытыхъ выступленій. Оппозиціонной буржуазіи онъ предложилъ трудную дилемму: или компрометировать себя передъ собственнымъ классомъ, вступить въ союзъ съ „революціей", или потерять всякій кредитъ у массы и дать свое согласіе на законъ о соціалистахъ. Усилія Бисмарка оказались бы тщетными, если бы оппозиціонная буржуазія такъ же твердо держалась занимаемой ею позиціи, какъ и сознательный пролетаріатъ. Вопросъ, будетъ ли она крѣпко стоять на своей позиціи, рѣшался во второй части этого періода дѣйствія закона о соціалистахъ.

I. Попеченіе о бѣдныхъ и провокація.

Послѣ конгресса въ Копенгагенѣ рейхстагъ принялъ, наконецъ, законъ о страхованіи отъ болѣзней; законъ же о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ еще разъ застрялъ, несмотря на новое императорское посланіе, которымъ Бисмаркъ попытался произвести давленіе. Только въ 1884 году было покончено съ третьимъ проектомъ этого закона, не заключавшемъ въ себѣ государственной приплаты и созданнымъ подъ диктовку крупныхъ промышленниковъ. Правительство и рейхстагъ должны были употребить цѣлый законодательный періодъ, чтобы провести эти два „соціальныхъ преобразовательныхъ закона", о которыхъ трудно было сказать, какой изъ нихъ вышелъ болѣе несовершеннымъ.

Соціалъ-демократическая фракція въ этихъ продолжительныхъ преніяхъ держалась согласно принятой копенгагенской резолюціи. Принципіально новые законы не имѣли ничего общаго съ соціальными реформами. Они не затрагивали ни одной проблемы новѣйшаго рабочаго вопроса, но касались лишь вопросовъ попеченія о бѣдныхъ. Послѣднее существовало уже до возникновенія современной промышленности, существовало повсюду, гдѣ раздѣленныя на классы общества создавали институтъ нищенства. Выдача временныхъ улучшеній попеченія о бѣдныхъ за „соціальныя реформы" являлась двоедушіемъ даже съ буржуазной точки зрѣнія. Еще десять лѣтъ тому назадъ Альбертъ Ланге писалъ: „Должна быть отвергнута всякая политическая мѣра, имѣющая тенденцію, цѣною мелкихъ матеріальныхъ улучшеній въ положеніи рабочихъ, сохранить и укрѣпить ихъ зависимость и моральное подчиненіе высшимъ классамъ". Какъ разъ эту-то обозначенную Альбертомъ Ланге, какъ „безусловно непріемлемую" тенденцію, имѣли законы о страхованіи отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ. Они

не были соціальными реформами, а реформами нищенства въ томъ смыслѣ, что стремились вновь подчинить рабочій классъ господству капитала, цѣною сомнительныхъ обѣщаній защитить больныхъ и лишенныхъ работоспособности, благодаря несчастному случаю, отъ нищенства. Для нѣмецкихъ рабочихъ самообманъ не могъ имѣть мѣста, и предсказанія соціалъ-демократическихъ депутатовъ, что эти и другіе законы въ томъ же духѣ не окажутъ никакого вліянія на революціонное рабочее движеніе, подтвердились дѣйствительностью въ продолженіе половины человѣческаго поколѣнія.

Для фракціи, однако, этимъ не исключалась тактическая работа, ибо для фракціи было далеко не безразлично, будетъ ли попеченіе о бѣдныхъ устроено хуже или лучше на почвѣ буржуазнаго общества. Соціалъ-демократическая фракція стояла именно на этой точкѣ зрѣнія, требуя, чтобы страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было дѣломъ предпринимателей, которые не должны себя вознаграждать ни на счетъ государства, ни изъ рабочихъ кармановъ; страхованіе же отъ болѣзней есть дѣло рабочихъ, которые не претендуютъ на милостыню ни отъ государства, ни отъ предпринимателей, но только требуютъ того, что для другихъ общественныхъ классовъ само собой понятно,— самостоятельнаго управленія больничными кассами. Какъ ни убѣдительны были доводы соціалъ-демократическихъ ораторовъ, обоснованные съ знаніемъ дѣла, далеко превосходившимъ сказанное ораторами буржуазной партіи и ораторами правительственнаго стола, ихъ предложенія все-таки были отвергнуты.

Для господствующихъ классовъ улучшеніе попеченія о бѣдныхъ было не цѣлью, а средствомъ. Съ ихъ стороны это было проявленіемъ лицемѣрія, они надѣялись этимъ обмануть рабочихъ въ отношеніи пролетарскихъ классовыхъ интересовъ, при чемъ эта „реформа „должна была быть оплачиваема рабочими же.

Однако, въ средѣ даже самой неспособной бюрократіи находятся настолько способные элементы, чтобы создать то, что въ концѣ концовъ, должно быть создано всякимъ правящимъ классомъ. Нѣсколько тайныхъ совѣтниковъ въ прусскомъ министерствѣ торговли, на самомъ дѣлѣ понимавшихъ кой-что въ страхованіи рабочихъ, старались по-своему возможно лучше все устроить; такъ, напримѣръ, тайный совѣтникъ Ломанъ настаивалъ на прочномъ развитіи правительственнаго фабричнаго надзора, на непремѣнной обязательности для предпринимателей немедленно доводить до свѣдѣнія властей о всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, какіе будутъ имѣть мѣсто въ ихъ производствахъ, и на изданіи обязательныхъ техническихъ правилъ предосторожности. Это дѣйствительно были необходимыя условія серьезнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Но именно поэтому-то они были признаны „отягчающими промышленность“ и казались Бисмарку невозможными. Онъ подавлялъ слабыя попытки правительственнаго фабричнаго надзора; гдѣ онъ только могъ, урѣзалъ составленный въ прусскомъ министерствѣ торговли законодательный проектъ объ обязательности для предпринимателей доведенія до свѣдѣнія фабричной инспекціи о несчастныхъ случаяхъ, а также и цѣлый рядъ робкихъ обязательныхъ правилъ предосторожности, выработанныхъ избранными для этого спеціалистами, онъ велѣлъ изъять изъ разсмотрѣнія Союзнаго Совѣта. Настоящее ядро оффиціальной „соціальной реформы“ не могло быть обнаружено съ большей откровенностью. Правительство и буржуазное большинство рейхстага исказили страхованіе отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ самымъ нераціональнымъ образомъ для того, чтобы создать нелѣпую буржуазно-бюрократическую организацію, въ которой чиновники и предприниматели значили все, а рабочіе—ничто. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ современный рабочій вопросъ, корпоративная организація въ соціалъ-преобразо-

вательномъ смыслѣ понималась всегда и повсюду, какъ организація рабочаго класса. Твореніе Бисмарка, создавшее эпоху, заключалось въ томъ, чтобы открыть въ эксплоатирующемъ капиталѣ „реальныя силы народа“ съ ихъ „нравственнымъ фундаментомъ“, о чемъ такъ горячо говорило императорское посланіе, и подъ опекой бюрократіи создать для него новую организацію.

Если бы соціалъ-демомократическіе депутаты дали себя обмануть, они бы за нѣсколько серебренниковъ предали неприкосновенныя права пролетаріта. Но они голосовали, какъ противъ закона о страхованіи отъ болѣзней, такъ и противъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Повторныя попытки Бисмарка запятнать ихъ доброе имя не нашли отклика ни у одного рабочаго. Также мало достигали своей цѣли и тѣ инсинуаціи, которыя вызваны были оппозиціей соціалъ-демократической фракціи всякому ретроградному пересмотру промышленнаго устава въ полицейскомъ или цеховомъ смыслѣ. Всѣ мнимые или дѣйствительные недостатки манчестерства были ничто въ сравненіи со сплошнымъ зломъ реакціоннаго полицейскаго хозяйничанья, и съ почтеннымъ мастеромъ, который хотѣлъ честно кормиться потомъ своихъ подмастерьевъ и учениковъ, нѣмецкій рабочій классъ никогда не имѣлъ ничего общаго.

Въ то время, какъ нѣмецкая соціалъ-демократія переросла буржуазныя партіи, нѣмецкій анархизмъ запутывался все болѣе и болѣе въ сѣти провокаторовъ; не потому, конечно, что нѣмецкіе анархисты, будто бы, рекрутировались изъ подлецовъ и хвастуновъ или только изъ отсталыхъ рабочихъ; между ними находились и горячія страстныя натуры, которыя подпали психологически объяснимому, но политически роковому заблужденію, и утверждали, что насильственное подавленіе рабочаго класса можетъ быть сломлено только насиліемъ. Настоящая опасность анархистскаго движенія лежала

именно въ такихъ лицахъ, которыя, подобно голштинскому столяру Неве, во имя своихъ убѣжденій, были готовы въ каждое мгновеніе отдать свою свободу и свою жизнь. Ихъ благородный характеръ возбуждалъ къ нимъ довѣріе рабочихъ, между тѣмъ, какъ ихъ фанатическая ограниченность, дѣлала ихъ доступными провокаціи.. Все же анархистской агитаціи не удалось найти гдѣ бы то ни было широкаго распространенія среди нѣмецкихъ рабочихъ. Мостъ, послѣ своего освобожденія изъ англійской тюрьмы, отправился въ Нью-Іоркъ, гдѣ онъ возобновилъ изданіе „Freiheit". Онъ писалъ теперь еще болѣе неистово, чѣмъ прежде, но оказывалъ еще меньшее вліяніе на нѣмецкій рабочій міръ. Анархистскія кассы оставались пустыми, и такъ какъ для веденія анархистской борьбы нужны были деньги, то выработался особый видъ „соціалъ-революціонной тактики", обыкновенный грабежъ, который былъ заботливо взрощенъ полицейской провокаціей.

Уже въ іюлѣ 1882 года анархистами въ Вѣнѣ былъ усыпленъ хлороформомъ фабрикантъ обуви Мерсталингеръ и ограбленъ на 1.000 гульденовъ. Къ духовнымъ виновникамъ этого преступленія принадлежалъ извѣстный Готце, который долженъ былъ бѣжать въ Америку, при чемъ австрійское правительство вовсе не требовало его выдачи. Хотя опасеніе послѣдняго, что Готце въ самомъ дѣлѣ не будетъ выданъ, такъ какъ сдѣланный имъ грабежъ имѣетъ политическій характеръ, было совершенно разсѣяно вашингтонскимъ правительствомъ, объявившимъ готовность выдать этого обыкновеннаго преступника, все же спасители государства на Дунаѣ остались при своихъ чувствительныхъ опасеніяхъ. Тактика убійствъ и грабежей получила широкое примѣненіе лишь осенью 1883 года, вскорѣ послѣ анархистской конференціи, происходившей въ Цюрихѣ. Между ея участниками находились сапожникъ Штелльмахеръ изъ Шлезвига, который редактировалъ „Freiheit" во время ея выхода

въ Швейцаріи, переплетчикъ Камереръ и столяръ Кумиксъ, оба уроженцы Австріи, а также провокаторъ Шредеръ-Бренвальдъ и механикъ Кауфманъ — второй провокаторъ нѣмецкой полиціи. Одно за другимъ слѣдовали 22 октября нападеніе на аптекаря Лингарда и часового въ Штрасбургѣ, 29 октября динамитный взрывъ во франкфуртскомъ полицейскомъ домѣ, 21 ноября покушеніе на убійство и ограбленіе банкира Гейльбронера въ Штуттгартѣ, наконецъ, 15 декабря убійство въ Вѣнѣ полицейскаго чиновника Глубека, 10 января 1884 года покушеніе на убійство съ цѣлью грабежа вексельнаго маклера Эйзерта и его двухъ сыновей, и 25 января убійство полицейскаго агента Блэха.

Виновники всѣхъ этихъ преступленій не совсѣмъ установлены. Такъ, не причинившій никакого вреда взрывъ въ зданіи полицейскаго управленія во Франкфуртѣ могъ быть и особой шуткой почтеннаго Румпфа. Все же во многихъ случаяхъ участіе Кумикса, Камерера и Штелльмахера было установлено. Когда въ Вѣнѣ судили Штелльмахера, обнаружился и другой варіантъ анархистской тактики. Штелльмахеръ писалъ полицейскому инспектору Кальтенбаху въ Мюльгаузенѣ и австрійскому посланнику въ Бернѣ письма съ предложеніемъ своихъ шпіонскихъ услугъ, не съ цѣлью въ дѣйствительности стать шпіономъ, но лишь для того, чтобы, съ согласія своихъ товарищей по убѣжденію, такимъ способомъ выманить деньги. Штелльмахеръ сохранилъ упрямство поведенія до подножія висѣлицы и умеръ съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла; но во что обратилось это дѣло, когда оно вступило на путь низкихъ преступленій и презрѣннаго шпіонства! Послѣ казни Штелльмахера, въ Швейцаріи появились кровожадные плакаты, прибитые жестяникомъ Вейсомъ изъ Дрездена и призывающіе къ мщенію. Когда онъ былъ за это привлеченъ къ суду въ Листалѣ, то раскрылось, что и онъ продуктъ нѣмецкаго провокаторства.

Это разоблаченіе было причиной смертельнаго удара, случившагося съ мюльгаузенскимъ полицейскимъ инспекторомъ Кальтенбахомъ; бѣдный патріотъ потерпѣлъ слишкомъ много неудачъ въ своей борьбѣ за святѣйшія блага. Въ то же время нѣмецкая соціалъ-демократія обличила въ Цюрихѣ нѣмецкаго шпіона Фридмана, который имѣлъ обыкновеніе декламировать съ паѳосомъ палача на анархистскихъ празднествахъ. „Мой государь, мой государь, долженъ повиснуть!“

Другая серія анархистскихъ „дѣйствій“ исходила изъ Эльберфельдъ-Бармена съ осени 1883 года. Главаремъ здѣсь явился наборщикъ Августъ Рейнсдорфъ, уроженецъ одного изъ Лейпцигскихъ предмѣстій, уже въ 1877 г. исключенный соціалъ-демократами изъ партіи за свою анархистскую пропаганду. Онъ не былъ полицейскимъ шпіономъ, какимъ его считали долгое время, и не занимался подобно Крамеру и Штелльмахеру обыкновенными уголовными преступленіями, но все же не могъ возвыситься надъ заговорщичествомъ во вкусѣ полиціи. Онъ собиралъ вокругъ себя пять или шесть послѣдователей, почти исключительно молодыхъ и незрѣлыхъ людей, которыхъ онъ подстрекалъ къ динамитнымъ покушеніямъ. Были сдѣланы три такихъ покушенія, но ни при одномъ изъ нихъ никто не пострадалъ, а при самомъ главномъ покушеніи динамитъ даже не взорвался. Рейнсдорфъ, бывшій уже въ далекой стадіи чахотки и лежавшій въ госпиталѣ, послалъ сѣдельника Рупша и наборщика Кюхлера въ Ридесгеймъ, чтобы 27 сентября, при открытіи памятника Германіи въ Нидервальдѣ, взорвать германскаго императора и его свиту. По утвержденію самого Рейнсдорфа, средства для экспедиціи были добыты большею частью изъ полицейскаго фонда, и это утвержденіе не удалось установить документально лишь потому, что ткачъ Пальмъ, который, будто бы, внесъ 40 марокъ на это дѣло, тѣмъ не менѣе не былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, а лишь

въ качествѣ свидѣтеля, и отказывался дать какое-либо показаніе о происхожденіи этихъ денегъ. Имперскій судъ отказался отъ приведенія къ присягѣ этого „свидѣтеля“, оказывавшаго и послѣ процесса, какъ вполнѣ установлено, полицейскія услуги. Покушеніе было произведено въ такой ребяческой формѣ, что не имѣло никакихъ даже самыхъ незначительныхъ послѣдствій. Какимъ же образомъ оно все-таки было раскрыто и почему объ этомъ „раскрытіи“ не прозвонили во всѣ колокола, звонившіе безпрестанно о „покушеніяхъ соціалистовъ“, осталось невыясненнымъ и послѣ разбора этого дѣла въ имперскомъ судѣ.

Повидимому, это покушеніе должно было остаться въ резервѣ, какъ большой выборный козырь на тотъ случай, если бы рейхстагъ отказался продлить законъ о соціалистахъ и поэтому подлежалъ бы роспущенію. Но чтобы создать необходимое для продленія этого закона настроеніе, провокаторы и устроили достаточное количество покушеній.

2. Партія кронпринца и ея паденіе.

Срокъ закона о соціалистахъ истекъ 30 сентября 1884 года, а на нѣсколько недѣль позже — срокъ полномочій рейхстага. Намѣреніе Бисмарка использовать это совпаденіе для своихъ плановъ еще усилилось, когда за полгода до этого въ прекрасное мартовское утро на сцену неожиданно появилась Свободомыслящая Партія. Она была основана прогрессистами и сецессіонистами втайнѣ, при чемъ ни одна изъ обѣихъ фракцій не считала нужнымъ узнать на этотъ счетъ мнѣніе своихъ избирателей. Что появленіе этой партіи должно было означать,—не являлось ни для кого тайной и всего менѣе для Бисмарка. Новая партія получила первое поздравленіе отъ кронпринца, и народное остроуміе тотчасъ же окрестило ее партіей кронпринца. Смерть девяностолѣтняго императора ожидалась въ близкомъ будущемъ, и кронпринцъ хотѣлъ

имѣть „большую либеральную партію“, на которую онъ могъ бы опереться при своемъ вступленіи на престолъ.

Къ сожалѣнію, эта большая партія сама ни на что больше не опиралась, какъ только на „либеральнаго“ кронпринца! Либеральная оппозиція съ 1881 года въ общемъ вела необыкновенно слабую политику. То же можно было сказать и о южно-нѣмецкой Народной Партіи, которая, самое большее, отличалась отъ подверженныхъ одышкѣ прогрессистовъ лишь еще болѣе громкими фразами. Пальцевъ одной руки было достаточно, чтобы пересчитать тѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые по нуждѣ могли бы еще сойти за буржуазныхъ демократовъ, и на которыхъ, впрочемъ, настоящіе руководители партіи смотрѣли очень косо. Сецессіонисты были лишь „озлобленными сторонниками свободной торговли“. И единственная заслуга этой оппозиціи состояла въ томъ, что она отклоняла новыя повышенія таможеннаго тарифа; сецессіонисты даже въ вопросѣ о новыхъ налогахъ были не совсѣмъ стойки. Программа молодой партіи формулировала классовые интересы подвижного капитала и украсила ихъ лишь нѣкоторыми общими мѣстами о свободѣ, о народномъ благосостояніи и тому подобными фразами; чтобы заслужить придворный пріемъ, прогрессисты обломали нѣсколько остріевъ своей старой программы или такъ загнули ихъ, чтобы ни одинъ гофмаршалъ не могъ зацѣпиться за нихъ. Это вызвало нѣкоторое недовольство среди прогрессистскихъ избирателей, которыхъ руководители старались успокоить завѣреніемъ, что сецессіонистская красавица принесетъ съ собой въ юный бракъ драгоцѣнное приданное: новые союзники не будутъ-де голосовать за продленіе закона противъ соціалистовъ.

Въ программѣ свободомыслящихъ дѣйствительно указывалось на всеобщее равенство передъ закономъ безъ различія лицъ и партій. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что всѣ либералы, которые смотрѣли

нѣсколько пядей далѣе своего носа, хотѣли законъ о соціалистахъ убрать съ дороги. Въ образованныхъ кругахъ буржуазіи уже ахали и стонали о „злополучномъ законѣ“; его „воспитательное значеніе“ было публично еще восхваляемо лишь моднымъ философомъ фонъ-Гартманомъ, который на собственномъ примѣрѣ хотѣлъ доказать, что буржуазная философія чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Гегеля дѣйствительно истлѣла до послѣдней кости включительно. Никто не могъ требовать отъ либеральной буржуазіи, чтобы она, ради революціоннаго пролетаріата, лишила себя возможности быть принятой въ придворныхъ сферахъ, но отъ развращенія общественной жизни, вызваннаго закономъ о соціалистахъ, она страдала больше всѣхъ. Именно она теряла отъ исключительныхъ законовъ, между тѣмъ какъ пролетаріатъ извлекалъ изъ нихъ лишь пользу. Въ дѣйствительности, если она хотѣла сохранить свою способность быть принятой въ придворныхъ сферахъ, если она хотѣла предложить кронпринцу вѣрную поддержку, она должна была лучше раньше, чѣмъ позже, спѣть отходную этому злополучному закону.

Бисмаркъ былъ такъ галантенъ, что пригласилъ новую партію на этотъ танецъ еще въ ея медовый мѣсяцъ. Онъ требовалъ отъ рейхстага продленія срока закона о соціалистахъ еще на два года. Первое чтеніе его предложенія происходило уже 20 и 21 марта, одновременно съ дебатами о продленіи малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ. Своимъ главнымъ козыремъ правительство, естественно, выставило анархистскія преступленія, за которыя никто не былъ въ дѣйствительности болѣе отвѣтственъ, чѣмъ оно само. Бебель при этомъ сказалъ: „Анархисты появились лишь благодаря закону о соціалистахъ, и творцы этого закона являются въ то же время и творцами анархизма“. Въ этомъ же духѣ говорили Газенклеверъ, Грилленбергеръ и Либкнехтъ; имъ легко было доказать то, что зналъ всякій сколько-нибудь знако-

мый съ современной исторіей, а именно, что соціалъ-демократія ни въ коемъ случаѣ не поощряла анархизма, но, напротивъ, была единственной плотиной, задерживающей его опасное разрастаніе. Противъ самой соціалъ-демократіи Путткамеръ вытащилъ свой большой мѣшокъ цитатъ, но ничего болѣе не могъ извлечь изъ этого неисчерпаемаго кладезя, какъ нѣсколько, и къ тому же, извращенныхъ фразъ изъ книги Бебеля о женщинѣ и соціализмѣ. Даже преданная „Nationalzeitung" заворчала по этому поводу и замѣтила, что „если что-нибудь при изданіи закона о соціалистахъ было твердо установлено, такъ это намѣреніе не запрещать теоретическихъ разсужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя Бебель привелъ въ этомъ сочиненіи". Между тѣмъ Бисмаркъ спорилъ съ Виндгорстомъ о допотопномъ вопросѣ, представляетъ ли собою католическая церковь несокрушимый оплотъ противъ соціалъ-демократіи; а Гэнель видѣлъ вредъ закона о соціалистахъ въ томъ, что при немъ буржуазныя партіи забываютъ сохранить между собой „извѣстную связь" противъ общаго соціалъ-демократическаго врага. Не особенно почетно было это признаніе для партіи кронпринца, что она за одно „съ реакціонной массой; и тотъ фактъ, что буржуазная оппозиціонная партія передала правительственный проектъ въ особую комиссію, вмѣсто того, чтобы быстро его отклонить, былъ первымъ шагомъ къ паденію народившейся фракціи. Несмотря на это, когда депутація рейхстага на другой день пришла поздравить восьмидесятивосьмилѣтняго императора съ днемъ рожденія, она получила грубый щелчекъ и должна была выслушать угрозу, что императоръ будетъ разсматривать отклоненіе предложенія, какъ ударъ, направленный противъ его персоны. Если еще у когонибудь оставалось сомнѣніе въ истинномъ намѣреніи Бисмарка, то теперь оно было совершенно разсѣяно; предстояло второе изданіе выборовъ подъ флагомъ покушеній, если рейхстагъ не пойдетъ въ Каноссу.

Подъ такими предзнаменованіями совѣщанія комиссіи превратились въ весьма жалкую комедію. Виндгорстъ тутъ же выступилъ со своими „смягчающими предложеніями“, которыя доставили бы лишь полиціи удовольствіе позабавиться лишній разъ рядомъ правонарушеній, совершенныхъ ею еще раньше; Гэнель представилъ свое усиленіе общаго уголовнаго права, которое бросило бы пролетаріатъ изъ огня въ полымя. Эти непоколебимые противники всякихъ исключительныхъ законовъ готовы были все сдѣлать, лишь бы имъ только было дозволено утвердить теперь же этотъ, такъ часто проклинаемый, законъ. Прогрессисты сдѣлали сравнительно ловкій шахматный ходъ тѣмъ, что они вывели на свѣжую воду таинственное покушеніе въ Нидервальдѣ, чѣмъ замѣтно затормозили избирательныя операціи правительства; но вмѣсто того, чтобы перейти отсюда къ энергичной критикѣ его провокаторскихъ махинацій, они стали превозносить законъ о динамитѣ, этотъ самый неудачный законодательный актъ современнаго государства. Путткамеръ, имѣя строжайшій приказъ отъ самого Бисмарка, остался равнодушенъ ко всѣмъ мольбамъ и стенаніямъ, которыя могли бы тронуть камень; онъ просто заявилъ: „Вотъ палка, господа, теперь прыгайте. Гопъ!“

И они, въ самомъ дѣлѣ, прыгали. Оффиціозная избирательная машина была уже въ полномъ ходу, и ея давленія не могла выдержать партія кронпринца. Внутренняя борьба, происходившая въ ея средѣ, вѣрно отразилась въ одномъ письмѣ, съ которымъ Моммзенъ обратился къ своимъ кобургскимъ избирателямъ. Со свойственнымъ ему остроуміемъ знаменитый историкъ доказывалъ въ немъ не только безполезность, но и пагубность закона о соціалистахъ; письмо это заканчивалось слѣдующими словами: „Если правительство будетъ настаивать на этомъ законѣ, то я буду голосовать за него, возлагая всю отвѣтственность на само правительство“. Ультрамонтаны потеряли 39, а свободо-

мыслящіе около 27 голосовъ. Такъ какъ Евгеній Рихтеръ еще не вѣрилъ въ миръ, то онъ поручилъ своему адъютанту, Отто Гермесу, написать старымъ прогрессистамъ, что ихъ присутствіе въ рейхстагѣ во время рѣшительнаго голосованія не является необходимымъ. Несмотря на подлинность письма и на подтвержденіе самого Гермеса, Рихтеръ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ оговоркѣ, что послѣдній не могъ дѣйствовать „по порученію представителей партіи". Такое объясненіе ставило Рихтера на одну доску съ Путткамеромъ, утверждавшимъ, что „по порученію правительства" не было совершено ни одного провокаціоннаго акта. Какъ будто такія вещи дѣлаются когда-либо оффиціально! Оба „великихъ государственныхъ мужа" имѣли своеобразное понятіе о границахъ человѣческаго легковѣрія, если надѣялись найти довѣрчивую публику для своихъ страстныхъ клятвъ. Между прочимъ Рихтеръ оправдывалъ бѣгство 27 своихъ партійныхъ товарищей, приблизительно, такъ же, какъ та старая дѣва, которая еще считала себя дѣвственницей на томъ лишь основаніи, что она родила только совсѣмъ маленькаго, крошечнаго ребенка. „Одинъ разъ не въ счетъ",—объяснилъ онъ.—„Зато съ тѣмъ большей непоколебимостью мы будемъ впредь бороться противъ исключительныхъ законовъ, достойныхъ проклятія". Они боролись, но, благодаря ихъ непостоянству, имъ не пришлось уже болѣе сказать рѣшительное слово объ этомъ законѣ. 10 мая было принято продленіе закона о соціалистахъ на два года 189 голосами противъ 157.

Въ совѣщаніяхъ во время второго и третьяго чтеній ясно выступилъ настоящій характеръ сдѣлки. Бисмаркъ объявилъ партіи кронпринца безпощадную войну до послѣдняго издыханія; Рихтеръ, какъ разъ погубившій будущность своей партіи, отвѣтилъ съ не меньшей яростью, что ближайшіе выборы должны обезпечить побѣду либерализма. О законѣ противъ соціалистовъ оба боевыхъ пѣтуха говорили мимоходомъ;

при этомъ Бисмаркъ вскользь бросилъ кость въ видѣ права на трудъ, яко-бы, обезпеченнаго пролетаріату прусскимъ государственнымъ правомъ. Въ то время, какъ нѣмецкіе профессора посвящали глубокомысленные трактаты этой безсмыслицѣ, соціалъ-демократическая фракція только презрительно пожимала плечами; она сдѣлала ироническое замѣчаніе, что Бисмаркъ могъ бы тотчасъ же внести законодательный проектъ, который осуществилъ бы право на трудъ. Впрочемъ, соціалъ-демократическіе депутаты считали ниже своего достоинства фактически принимать участіе въ дебатахъ, въ которыхъ безправіе рабочаго класса должно было бы прикрыть личныя притязанія на политическую власть, ничего общаго съ закономъ о соціалистахъ и соціализмомъ не имѣющую. Они ограничились тѣмъ, что опровергли фактическія искаженія противниковъ, принявъ въ концѣ третьяго чтенія предложенное Либкнехтомъ заявленіе, въ которомъ возстановлено было то, что было въ дѣйствительности.

Вскорѣ послѣ продленія закона о соціалистахъ былъ вотированъ и законъ о динамитѣ, внесенный буржуазной оппозиціей и украшенный Путткамеромъ со свойственной ему фривольностью. Партіи большинства, которыя недавно такъ сильно враждовали, безмолвно образовали теперь тѣсный союзъ для защиты ихъ общаго дѣла противъ соціалъ-демократической критики. Фракція не воспользовалась словомъ, воздержавшись также и отъ голосованія, такъ какъ она не имѣла возможности обосновать свою точку зрѣнія. Газенклеверъ отъ ея имени далъ краткое объясненіе, въ которомъ онъ объявилъ непріемлемость этого чудовищнаго закона, предоставивъ правительству справиться съ имъ же самимъ взрощеннымъ анархизмомъ. Извѣстно, что законъ о динамитѣ не тронулъ ни одного волоса на головѣ дѣйствительнаго анархиста, причинивъ въ то же время много зла совершенно безвреднымъ работникамъ.

Если партія кронпринца надѣялась своимъ политическимъ самоуничиженіемъ разстроить по крайней мѣрѣ избирательные планы Бисмарка, то она и въ этомъ ошиблась. Послѣ того, какъ было вотировано продленіе закона о соціалистахъ, Бисмаркъ пріобрѣлъ новый козырь — въ видѣ колоніальной политики. До сихъ поръ онъ заявлялъ себя непримиримымъ противникомъ этой политики. Когда въ мартѣ 1871 года шла молва о томъ, что онъ хочетъ вознаградить себя французскими колоніями за военные расходы, онъ тогда уже говорилъ: „Я не хочу колоній. Онѣ годны только для синекуръ. Для насъ, нѣмцевъ, эта колоніальная затѣя напоминала бы ту же соболью шубу на шелковой подкладкѣ въ польской шляхетской семьѣ, гдѣ чувствовался даже недостатокъ нижняго бѣлья". И послѣ промышленнаго краха семидесятыхъ годовъ, когда въ капиталистическихъ кругахъ проснулись мечты о колоніяхъ, Бисмаркъ все еще не хотѣлъ и слушать о нихъ. Тогда мечтали лишь о земледѣльческихъ колоніяхъ, въ которыя можно было бы переселить избытокъ народонаселенія, яко бы, являющійся источникомъ соціальныхъ золъ; кромѣ того, колоніи обезпечили бы въ то же время нѣмецкой промышленности новый контингентъ зажиточныхъ покупателей. Но и эти соображенія не могли убѣдить Бисмарка. „Я не сторонникъ переселеній,—сказалъ онъ однажды въ рейхстагѣ,—нѣмецъ, бросающій свое отечество, какъ поношенный сюртукъ, болѣе не можетъ уже считаться нѣмцемъ". Какъ можно было этому юнкеру восточной Пруссіи, который изъ всѣхъ жестокосердныхъ помѣщиковъ былъ всегда самымъ жестокосерднымъ, предложить переселеніе бѣдныхъ батраковъ, когда это переселеніе должно было бы повысить рабочую плату сельскаго пролетаріата? Иное дѣло теперь, когда капиталистами поднята была агитація въ пользу торговыхъ колоній, въ пользу новыхъ областей самой беззастѣнчивой эксплоатаціи...

Въ апрѣлѣ 1884 года Бисмаркъ, къ удивленію всего міра, телеграфировалъ нѣмецкому консулу въ Капштадтѣ, чтобы тотъ принялъ подъ свою защиту Ангру Пеквену, поселеніе одного бременскаго купца на югозападномъ берегу Африки. Въ то же время онъ отправилъ на нѣмецкомъ военномъ кораблѣ въ Камерунъ и генеральнаго консула Нахтигаля для водруженія нѣмецкаго флага. Тогда же оффиціозная и вся остальная услужливая пресса, не жалѣя силъ, стала вызывать то „боевое настроеніе", надъ которымъ Бамбергеръ острилъ не безъ плохо скрываемаго страха. Бисмарку-таки удалось привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ столповъ партіи кронпринца: крупныхъ пароходовладѣльцевъ и представителей крупной торговли, съ одной стороны, и завсегдатаевъ пивныхъ — съ другой. Онъ замѣтилъ разъ въ рейхстагѣ: „Пусть себѣ прусскіе купцы управляютъ колоніями, которыя будутъ очень мало стоить государству". Послѣднее соображеніе успокаивало филистеровъ, страшившихся за свой кошелекъ; ихъ же стремленія къ подвигамъ, рождавшіяся за столомъ завсегдатаевъ, Бисмаркъ возбуждалъ насмѣшкой, шутливо упрекая нѣмцевъ въ томъ, что они до сихъ поръ были домосѣдами, предпочитавшими смирно сидѣть на Тюрингенскихъ горахъ, повернувшись спиной къ морю. Народъ не устоялъ, поддавшись охватившему его опьяненію, которому не мало содѣйствовала и либеральная оппозиція.

Положеніе партіи кронпринца было тѣмъ хуже, что она не рѣшилась оказать никакого принципіальнаго сопротивленія колоніальной политикѣ. Вѣдь по существу она была капиталистической партіей чистѣйшей воды, а каждый капиталистическій котъ весело ворчитъ, когда онъ чуетъ какую-нибудь прибыль; это вполнѣ въ его натурѣ, которую ничѣмъ не вытравить. Бамбергеры и Рихтеры ограничились лишь указаніемъ на то, что колоніальная политика Бисмарка является невыгодной затѣей, которая будетъ дорого стоить, ни-

чего не обѣщая славѣ народа, который въ своей внѣшней политикѣ рискуетъ получить нѣсколько „щелчковъ“. Въ этомъ они были правы; но пущенная ими холодная струя не была еще въ состояніи лѣтомъ 1884 года отрезвить опьяненныхъ птенцовъ колоніальной политики. Биржевые друзья Бисмарка, Блейхредеры и компанія, пожертвовали пару жалкихъ милліоновъ, на которые должны были бы быть основаны разныя общества для эксплоатаціи новыхъ колоній, и заскрипѣли перья многочисленныхъ наемныхъ писакъ, въ яркихъ краскахъ описывавшихъ тѣ неисчерпаемыя богатства, которыя, будто бы, таились въ сыпучихъ пустыняхъ Африки. Среди крупной, а также и мелкой буржуазіи удалось вызвать такую суматоху, какъ будто наступилъ новый золотой періодъ грюндерства и ажіотажа.

Въ избирательной борьбѣ Бисмаркъ на этотъ разъ остерегался табачной монополіи и другихъ рискованныхъ лозунговъ. Онъ мечталъ о соціальной реформѣ и колоніальной политикѣ, ведя въ то же время борьбу съ предательскимъ свободомысліемъ, стремившимся лишить народъ такихъ прелестей. Въ унисонъ съ Бисмаркомъ пѣли какъ консерваторы, такъ и націоналъ-либералы, которые послѣ основанія Свободомыслящей Партіи безъ оглядки передались правительству на своемъ Гейдельбергскомъ партейтагѣ. Избирательная тактика націоналъ-либераловъ, рабски старавшихся угодить Бисмарку, оказалась, разумѣется, еще болѣе жалкой, чѣмъ тактика свободомыслящихъ, сама по себѣ достаточно жалкая. Партія кронпринца не платила ударомъ за ударъ, она не писала на своемъ знамени: „Долой Бисмарка!“ Вмѣсто этого она жалобно вздыхала: „Мы вѣдь добрые патріоты, и какъ можно насъ ругать измѣнниками отечеству?“ Смертельный ударъ ей нанесло то, что нѣкоторые изъ ея корифеевъ, какъ Форкенбекъ, сохранили за собой право и въ будущемъ голосовать за продленіе закона о со-

ціалистахъ. Она потеряла около сорока мѣстъ, изъ которыхъ болѣе тридцати пріобрѣли старо-консерваторы. Націоналъ-либералы получили заслуженное возмездіе, достойное предателей,—отъ всей добычи на ихъ долю выпала малость, какую бросаютъ ревностному лакею „на водку". Либерализмъ во всѣхъ своихъ различныхъ оттѣнкахъ проложилъ лишь дорогу въ рейхстагъ консервативно-ультрамонтанскому большинству.

Однако, это еще не все, чего желалъ Бисмаркъ, такъ какъ рядомъ съ консервативно-ультрамонтанскимъ нельзя было образовать консервативно-націоналъ-либеральнаго большинства, пока имѣлось большинство, стоявшее за покровительственныя пошлины, что уже являлось хорошимъ началомъ; далѣе, еще при жизни стараго императора, можно было бы сдѣлать, еще съ большимъ успѣхомъ, вторичную попытку. Твердое и смѣлое поведеніе пролетаріата такъ сильно сокрушило могущество юнкера, что буржуазіи оставалось только повалить его, но вмѣсто этого она сама свалилась, не будучи въ состояніи одолѣть на половину сломленнаго юнкера. Старая исторія, которая съ мартовскихъ дней такъ часто повторялась и еще такъ часто повторится на нѣмецкой землѣ!

3. Побѣда соціалъ-демократовъ на выборахъ.

Для соціалъ-демократіи 28-е октября было днемъ тріумфа. Вскорѣ послѣ копенгагенскаго конгресса, на вторичныхъ выборахъ, Бебель пріобрѣлъ Гамбургъ (I-й округъ), такъ что въ концѣ законодательнаго періода фракція насчитывала 13 голосовъ. За время новыхъ выборовъ она пріобрѣла 24 мѣста и, что для нея важнѣе всего, 549,990 голосовъ, т. е. на 238,029 голосовъ больше, чѣмъ въ 1881 году. Съ 6,1 это число возросло до 9,7 процентовъ всѣхъ поданныхъ голосовъ.

Подготовленія къ выборамъ происходили согласно постановленіямъ, принятымъ въ Копенгагенѣ. Фракція

учредила центральный избирательный комитетъ, въ который вошли Ауеръ, Бебель, Гриллeнбергъ, Газенклеверъ и Либкнехтъ. Избирательный манифестъ, распространенный въ полутора милліонахъ экземпляровъ, вышелъ очень удачнымъ. Въ сжатой формѣ въ немъ доказывалось, что попытки защитниковъ покровительственныхъ пошлинъ, старыхъ цеховъ и колоніальныхъ авантюръ, какими являются доктора Эйзенбарты и tutti quanti, не въ состояніи уврачевать соціальные недуги, съ которыми возможно вести борьбу только путемъ, указываемымъ научнымъ коммунизмомъ.

Манифестъ былъ написанъ безъ всякаго хвастовства и двусмысленности, языкомъ яснымъ, спокойнымъ и убѣдительнымъ. Не меньшія услуги оказала и инструкціонная брошюра, раскрывшая всѣ противозаконныя избирательныя уловки; кромѣ того, рабочіе уже сами привыкли къ закону о соціалистахъ и не давали себя больше такъ легко сбить съ толку.

Такъ грубо, какъ въ 1878-мъ и 1881-мъ годахъ, на этихъ выборахъ ихъ уже не притѣсняли. Во время повѣрки выборовъ рейхстагъ немного устыдился, однако-жъ, тѣхъ возмутительныхъ, переходящихъ всякія границы произвола и беззаконія безобразій, которыя полиція позволила себѣ на выборахъ; рейхстагъ принялъ поэтому нѣкоторыя мѣры въ огражденіе въ будущемъ свободы выборовъ отъ полицейскаго произвола. Такъ, онъ постановилъ, что извѣщеніе о предвыборномъ собраніи, исходящее отъ соціалъ-демократа, даже въ связи съ указаніемъ на то, что въ собраніи будетъ выступать соціалъ-демократъ въ качествѣ оратора, еще не подлежитъ дѣйствію закона о соціалистахъ. Далѣе, рейхстагъ принялъ постановленіе въ порядкѣ дня, согласно которому избирательные бюллетени не представляютъ собою печатныхъ произведеній, къ которымъ примѣняется законъ о соціалистахъ. Благодаря этому былъ кассированъ приговоръ имперскаго суда, объявившаго избирательные бюллетени

подлежащими дѣйствію исключительнаго закона печатными произведеніями. Приговоръ суда явился отвѣтомъ на трогательное заявленіе Путткамера, жаловавшагося на недостатокъ средствъ въ борьбѣ съ избирательной агитаціей, производящейся путемъ распространенія избирательныхъ бюллетеней. Разумѣется, многіе изъ полицейскихъ чиновниковъ были очень далеки отъ того, чтобы соблюдать постановленія рейхстага; въ странѣ съ укоренившимися гражданскими и правовыми привычками полицейскія и другія притѣсненія рабочихъ, которыя имѣли мѣсто на выборахъ 1884 года, показались бы все-таки вопіющимъ произволомъ; однако, по прусско-нѣмецкимъ понятіямъ, соціалъ-демократическая агитація пользовалась на этотъ разъ нѣкотораго рода свободой.

Первое мѣсто въ побѣдахъ соціалъ-демократовъ на выборахъ занимали, какъ всегда, тѣ три округа, на которые распространялось осадное положеніе. Изъ девяти побѣдъ, одержанныхъ на главныхъ выборахъ, пять изъ нихъ были самыми выдающимися; Берлинъ 4-й округъ (Зингеръ) съ 25,386, Гамбургъ 1-й окр. (Бебель) съ 12,280, Гамбургъ 2-й окр. (Дитцъ) съ 14,276, Альтона (Фроме) съ 10,266, Лейпцигскій—окрестности (Фирекъ) съ 15,238 голосами. Въ общемъ, шесть берлинскихъ избирательныхъ округовъ подали 68,275 голосовъ, три гамбургскихъ избирательныхъ округа и Альтона — 46,550, оба избирательныхъ округа Лейпцига и его окрестностей — 24,914 голосовъ. При этомъ демагогія Штэккера и Вагнера продѣлала всѣ свои фокусы: въ Гамбургѣ были разстроены всѣ соціалъ-демократическія собранія, а въ Лейпцигѣ не было ни одной газеты, которая по отношенію къ рабочимъ была бы хоть сколько-нибудь безпартійной. „Трудно сказать, кому долженъ быть присужденъ призъ за побѣду,—съ гордостью писалъ „Соціалъ-демократъ“,—сомкнутому ли карре, дѣйствовавшему въ сѣверозападной Германіи, сильнымъ ли фортамъ сѣверной и юго-западной части

имперской столицы, или же соціалистическимъ рабочимъ батальонамъ Лейпцига и его окрестностей".

Четыре остальныхъ пріобрѣтенныхъ на выборахъ мандата распредѣлялись между Саксоніей и Тюрингіей; это были старыя мѣста, принадлежавшія партіи: Глаухау-Мееранъ (Ауэръ), Цвиккау-Кримитшау (Штолле), Хемницъ (Гейзеръ) и Рейсъ старшей линіи (Блосъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ партія приняла участіе въ 24-хъ перебаллотировкахъ: въ Берлинѣ (6-й округъ) и Гамбургъ (3-й округъ), въ районѣ крупнаго торговаго класса, въ старыхъ рейнскихъ и саксонскихъ округахъ: Эльберфельдъ-Барменѣ, Золингенѣ, Дрезденѣ — старый городъ, Ауэрбахъ-Рейхенбахѣ, въ семи прусскихъ провинціальныхъ центрахъ: Бреславлѣ (1-й и 2-й округи), Кенигсбергѣ, Магдебургѣ, Касселѣ, Ганноверѣ, Килѣ и въ трехъ сѣверныхъ и среднихъ нѣмецкихъ мелкихъ государствахъ: Брауншвейгѣ (1-й окр.), Готѣ, Рейсѣ мл. лин., въ пяти майнскихъ округахъ: Франкфуртѣ, Дармштадтѣ, Оффенбахѣ, Майнцѣ, Ганау и, наконецъ, въ трехъ южно-нѣмецкихъ округахъ: Нюрнбергѣ, Мюнхенѣ (2-й округъ) и Франкенталь-Шпейерѣ.

Во многихъ округахъ партія получила рѣшающій голосъ въ перебаллотировкахъ между буржуазными кандидитами. Уже прежніе выборы ясно доказали, какъ трудно укротить усердіе партійныхъ товарищей, когда въ такой перебаллотировкѣ принимаетъ участіе хоть сколько-нибудь подходящій кандидатъ изъ буржуазной лѣвой, — и это, несмотря на всѣ постановленія партійныхъ конгрессовъ, рекомендующихъ въ подобныхъ случаяхъ воздержаться отъ выборовъ. И теперь центральный избирательный комитетъ долженъ былъ уступить общему теченію, выпустивъ 30 октября воззваніе, въ которомъ указывалось, что тамъ, гдѣ партійные товарищи рѣшили принять участіе въ перебаллотировкахъ между кандидатами противныхъ партій, можетъ быть оказана поддержка только тѣмъ изъ этихъ кан-

дидатовъ, которые обязуются выступать опредѣленно и недвусмысленно противъ продленія закона о соціалистахъ, противъ усиленія уголовныхъ законовъ, противъ уничтоженія или ограниченія всеобщаго избирательнаго права, противъ продленія законодательнаго періода, противъ введенія рабочихъ книжекъ и противъ новыхъ пошлинъ и налоговъ на предметы первой необходимости.

Въ срединѣ ноября перебаллотировки были окончены. Въ нихъ соціалъ-демократическая партія пріобрѣла еще 15 мѣстъ: Берлинъ 6-й окр. (Газенклеверъ), Бреславль I (Крэккеръ), Бреславль II (Газенклеверъ), Магдебургъ (Гейне), Ганноверъ (Мейстеръ), Золингенъ (Шумахеръ), Эльберфельдъ-Барменъ (Гармъ), Ауэрбахъ-Рейхенбахъ (Кайзеръ), Брауншвейгъ (Блосъ), Гота (Бокъ), Рейсъ младшей линіи (Рэдигеръ), Франкфуртъ-на-Майнѣ (Заборъ), Оффенбахъ (Либкнехтъ), Нюрнбергъ (Грилленбергъ) и Мюнхенъ II (Фольмаръ). Газенклеверъ выбралъ Бреславль II, а Блосъ—Брауншвейгъ; при дополнительныхъ выборахъ Берлинъ VI достался Пфаннкуху, а Рейсъ младшей линіи—Вимеру. Партія потеряла избирательные округи Фрейбергъ, Митвайду и Ганау; изъ старыхъ ея округовъ она пріобрѣла четвертый и шестой округи Берлина, Альтону, Глаухау-Мееранъ, Ауэрбахъ-Рейхенбахъ, Лейпцигскій—окрестности и Эльберфельдъ-Барменъ; впервые она побѣдила въ Браушвейгѣ (1-й окр.), Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Готѣ, Ганноверѣ, Магдебургѣ, Рейсѣ младшей линіи и Мюнхенѣ (2-й округъ).

Хотя соціалъ-демократы при перебаллотировкахъ приходили, по возможности, на помощь свободомыслящимъ; однако-жъ потерпѣвшая пораженіе партія кронпринца своеобразно старалась умалить и избирательные успѣхи рабочей партіи, утверждая, что при перебаллотировкахъ ее поддерживали голоса консерваторовъ и націоналъ-либераловъ, разумѣется, съ той цѣлью, главнымъ образомъ, чтобы разрушить этотъ могучій,

оплотъ свободы, т. е. партію кронпринца. Ничѣмъ инымъ, какъ „измѣной“, Евгеній Рихтеръ не могъ объяснить тѣ безчисленные удары, которые сыпались на него въ продолженіе его политической дѣятельности, если повѣрить ему. Столь же правильно утвержденіе, будто бы при перебаллотировкахъ 1884 года въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ, какъ въ Ганноверѣ, Магдебургѣ, Мюнхенѣ II, націоналъ либералы или даже консерваторы подавали свои голоса за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ. „Кельнская Газета“ высказалась даже, что соціалъ-демократическій кандидатъ, при извѣстныхъ условіяхъ, считается, будто бы, меньшимъ зломъ, чѣмъ прогрессистъ; въ томъ же смыслѣ высказался, якобы, и президентъ магдебургской полиціи. Кромѣ прямыхъ нападокъ на націоналъ-либераловъ или же консерваторовъ, во всѣхъ этихъ киваніяхъ сквозитъ желаніе умалить значеніе одержанныхъ соціалъ-демократами избирательныхъ побѣдъ. Если бы даже соціалъ-демократія и обязана была тѣмъ или инымъ мѣстомъ непрошенной и нежеланной помощи реакціи, то этимъ все-таки нисколько не можетъ быть оправдываемо то рѣзкое несоотвѣтствіе между количествомъ соціалъ-демократическихъ мандатовъ и количествомъ поданныхъ за соціалъ-демократовъ голосовъ, которое всегда имѣло, имѣетъ и будетъ имѣть мѣсто на всѣхъ выборахъ, и которому безконечное число разъ содѣйствовали герои свободомыслящей партіи въ союзѣ съ „мрачнѣйшей реакціей“. Во время перебаллотировокъ 1884 года соціалъ-демократія могла-бы только тогда въ чемъ-либо упрекнуть себя, если бы она какимъ-либо образомъ вздумала гдѣ-нибудь пококетничать съ реакціонными партіями. Но этого, въ дѣйствительности, не было.

Въ ужасающемъ видѣ выступила на этихъ перебаллотировкахъ вся беззастѣнчивость „единой реакціонной массы“. Въ Оффенбахѣ, гдѣ Либкнехтъ участвовалъ въ перебаллотировкѣ съ націоналъ-либера-

ломъ, въ одномъ національ-либеральномъ летучемъ листкѣ говорилось: „Вполнѣ ясно, что имена убійцъ Гэделя, Нобилинга, Камерера, Штелльмахера носятъ на себѣ отпечатокъ непріятеля, т. е. соціалъ-демократіи, которая не стѣсняется открыто заявлять, что дорога къ ея идеаламъ ведетъ чрезъ кровь и трупы". Въ Ганноверѣ же, гдѣ Мейстеръ боролся съ вельфомъ Брюелемъ, націоналъ-либералы покорно слѣдовали за соціалъ-демократами. Они тутъ заявили, что Мейстеръ является „собственно" приверженцемъ бисмарковской „соціальной реформы" несмотря на то, что въ соціалъ-демократическомъ избирательномъ воззваніи было определенно сказано: „Націоналъ-либеральная партія, эта партія безхарактерности и политическаго лицемѣрія превратилась въ разлагающійся трупъ... Она представляетъ собой лишь кучку шутовъ. Благодаря ихъ жалкой трусости и безхарактерности такъ усилилась въ Германіи реакція... Фабриковавшіеся до сихъ поръ рейхстагомъ соціально-политическіе законы (страхованіе отъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ) были такъ жалки, что наши представители вынуждены были голосовать противъ нихъ... Весь государственный соціализмъ, практикуемый нынѣ правительствомъ и консерваторами, является чистымъ шарлатанствомъ". И если, несмотря на это, націоналъ-либералы голосовали всетаки за Мейстера, какъ „собственно" за приверженца Бисмарка, то остается только удивляться какъ ихъ тупости, такъ не менѣе — своеобразной любви къ истинѣ, которую проявляютъ эти джентельмены. Не меньше сожалѣнія заслуживаютъ и свободомыслящіе, которые, въ виду подобныхъ фактовъ, болтали въ своихъ народныхъ партійныхъ газеткахъ о союзѣ между „реакціей и соціалъ-демократіей".

Такъ „Франкфуртская Газета" напечатала къ самой перебаллотировкѣ въ пользу горячаго любимаго ею, но безнадежно провалившагося Зоннемана избирательное воззваніе, которое она съ гордостью рекомендо

вала какъ обращеніе, исходящее отъ выдающихся представителей франкфуртскихъ купеческаго, промышленнаго и ремесленнаго классовъ, адвокатуры и проч., которые, большей частью, примыкали къ націоналъ-либеральной, а отчасти къ консервативной и ультрамонтанской партіямъ. Въ политическомъ отдѣлѣ того же номера газеты безъ всякаго стѣсненія заявлялось, что консерваторъ и соціалъ-демократъ являются въ сущности близкими по духу братьями, стремящимися къ одной и той же цѣли, дѣлящими другъ съ другомъ радость и горе. „Соціалъ-демократъ“ язвительно замѣтилъ по этому поводу, что органъ промышленниковъ думаетъ, очевидно, что его политическій отдѣлъ читается только дураками.

Къ отличительнымъ признакамъ выборовъ 1884 года принадлежитъ, несомнѣнно, то зародившееся тогда въ народныхъ массахъ отвращеніе, которое внушала имъ избирательная тактика буржуазныхъ партій. Стоитъ только познакомиться съ статистикой, чтобы убѣдиться, что цифры соціалъ-демократическихъ голосовъ значительно возросли тамъ, гдѣ рабочее движеніе пустило корни еще до изданія закона о соціалистахъ. Въ королевствѣ Саксоніи подано было на 128,124 голоса больше, чѣмъ въ 1878 году. Въ промышленномъ горномъ районѣ, въ Майнскомъ бассейнѣ, въ Брауншвейгѣ и Ганноверѣ, въ саксонской провинціи, въ Шлезвигѣ и Тюрингіи выборы дали такіе же или еще болѣе благопріятные результаты. Но даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были въ рукахъ представителей мелкаго крестьянства и мелкой буржуазіи, снова весело взвилось красное знамя.

Отсюда ведетъ свое начало новый періодъ соціалъ-демократическаго движенія, напоминающій первые годы Германской имперіи. Движеніе это подавлялось жестокими репрессіями, тормозилось заманчивыми обѣщаніями буржуазной соціальной демагогіи, которой съ самаго начала могъ оказать твердое сопротивленіе лишь

созрѣвшій уже нынѣ пролетаріатъ, занятый въ современной крупной промышленности. Если соціалъ-демократы переходили на почву, по которой еще не прошлась капиталистическая метла, то пропаганда ихъ нынѣ происходила уже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ десять лѣтъ назадъ. Разочарованіе народныхъ массъ оказалось теперь болѣе серьезнымъ и глубокимъ, чѣмъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Онѣ испробовали на себѣ всѣ буржуазныя цѣлебныя средства противъ соціальныхъ недуговъ: свободную торговлю и покровительственныя пошлины, либеральное манчестерство и реакціонное цеховое устройство, но дѣла ихъ шли все хуже; въ слояхъ болѣе сознательныхъ и способныхъ рабочихъ пускало все болѣе и болѣе глубокіе корни убѣжденіе, что только радикальное лѣченіе, предлагаемое соціалъ-демократами, можетъ имъ принести пользу, что всѣ угнетенные и оскорбленные могутъ лишь въ этой партіи съ ясными и вѣрными принципами найти, по крайней мѣрѣ, крѣпкую опору. Не только консервативные и либеральные, но даже ультрамонтанскіе призраки начинали терять свой блескъ въ глазахъ рабочихъ массъ. Чѣмъ ниже опускался культуркампфъ ради привлеченія массъ, тѣмъ осязательнѣе выступилъ наружу внутренній реакціонный характеръ партіи центра. Можетъ быть, никакой результатъ, который дали послѣдніе выборы, не вызвалъ такого переполоха, какъ крушеніе главныхъ ультрамонтанскихъ центровъ — Кельна и Мюнхена, которые были аттакованы сознательнымъ пролетаріатомъ.

Еще большее значеніе пріобрѣтаетъ расширеніе границъ соціалъ-демократической пропаганды благодаря тому, что она должна была вмѣстѣ съ тѣмъ преодолѣть различныя препятствія. Въ Бранденбургѣ, Мекленбургѣ, Шлезвигъ - Голштиніи она отразила феодальное дворянство, а въ Баденѣ и Вюртембергѣ демократическую мелкую буржуазію; въ Эльзасъ-Ло-

тарингіи она могла собрать 3,111 голосовъ, несмотря на національныя преграды. Отъ Маннгейма до Кенигсберга черезъ всю имперію тянулась почти безпрерывная цѣпь соціалъ - демократическихъ постовъ. Въ Маннгеймѣ Дреезбахъ получилъ больше 5,000 голосовъ, на перебаллатировкѣ во время вторичныхъ выборовъ за него было подано около 7,000 голосовъ; Дреезбахъ состоялъ также членомъ магистрата вмѣстѣ съ однимъ партійнымъ товарищемъ, а среди выборныхъ отъ горожанъ третье сословіе было представлено 16 соціалъ-демократами. На Кенигсбергъ было, вообще, очень мало надежды; согласно промысловой статистикѣ 1882 года городъ этотъ среди другихъ большихъ нѣмецкихъ городовъ считался относительно болѣе слабымъ въ промышленномъ отношеніи: въ немъ сильно преобладали мелкія самостоятельныя производства. До 1878 года кенигсбергская соціалъ-демократія состояла изъ горсти радикальныхъ идеологовъ, находившихся подъ вліяніемъ Іоанна Якоби; большую часть изъ нихъ разогналъ законъ о соціалистахъ. На выборахъ 1881 года здѣсь насчитывалось только 284 голоса, поданныхъ за соціалъ-демократовъ, да и эту небольшую цифру собралъ съ большимъ трудомъ слесарь Годау. Годау былъ изгнанъ изъ мастерскихъ восточной желѣзной дороги за свои соціалъ-демократическія убѣжденія; куда бы онъ ни обращался въ поискахъ работы, отовсюду его гнали за его убѣжденія; наконецъ, онъ былъ вынужденъ сдѣлаться самостоятельнымъ мастеромъ, испытавъ на собственной шкурѣ всѣ ужасы мелкаго ремесла. Благодаря своему увлекательному краснорѣчію, онъ сумѣлъ внести лучъ свѣта въ тотъ классъ, въ который онъ попалъ не по своей волѣ, а по нуждѣ. Ученые защитники буржуазіи были побѣждены этимъ истымъ пролетаріемъ, котораго одушевляло непобѣдимое влеченіе къ образованію и жажда знаній, несмотря на неустанно подтачивавшую его болѣзнь. И ему партія, главнымъ об-

разомъ, обязана тѣмъ, что она нынѣ уже насчитывала въ Кенигсбергѣ 4,349 голосовъ.

Нигдѣ, какъ въ Баваріи, второмъ по величинѣ нѣмецкомъ государствѣ, такъ ясно и недвусмысленно ни билъ въ глаза тотъ фактъ, что безостановочное разложеніе буржуазныхъ партій все болѣе и болѣе взваливаетъ на широкія плечи сознательнаго пролетаріата всю тяжесть рѣшенія тѣхъ историческихъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ являлось историческимъ призваніемъ буржуазіи. Съ тѣхъ поръ, какъ существовала соціалъ-демократическая партія, она имѣла своихъ приверженцевъ и въ Баваріи, но особую фракцію, способную выступать сомкнутыми рядами и шеренгами въ своемъ правильномъ поступательномъ движеніи, партія пріобрѣла здѣсь только на выборахъ 1886 года.

4. Завоеваніе Баваріи.

Законъ о соціалистахъ примѣнялся въ Баваріи съ самаго начала съ большой строгостью, хотя и не совсѣмъ въ берлинскомъ духѣ; здѣсь было больше первобытной грубости, чѣмъ скрытной разсчетливости, и послѣдняя, поскольку она обнаруживалась, мѣтила совсѣмъ не въ ту цѣль, къ которой дипломатически стремилась политика „мягкаго обращенія“ („Milde Praxis“). Съ позволенія сказать, либеральное министерство въ Мюнхенѣ было сильно заинтересовано въ существованіи закона о соціалистахъ, чтобы выставить себя предъ душевно-больнымъ королемъ весьма нужными слугами, съ успѣхомъ выступающими противъ краснаго призрака. При этомъ извѣстную роль игралъ антагонизмъ между Берлиномъ и Мюнхеномъ, который Фирекъ сумѣлъ использовать для своей публицистической дѣятельности въ баварской столицѣ. Къ статьямъ, которыя онъ посвящалъ остальной Германіи, баварское правительство относилось согласно одной поговоркѣ: „Святой Флоріанъ, вмѣсто моего дома зажги лучше другіе“. Однако, когда правительство запретило „Süd-

deutsche Post", которая сидѣла у него на самой шеѣ, имперская комиссія, вопреки своей всегдашней практикѣ, сняла это запрещеніе.

Въ Пфальцѣ лѣваго побережья Рейна законъ о соціалистахъ совершенно подавилъ рабочее движеніе на короткое время. Всякое его проявленіе безпощадно преслѣдовалось, и здѣсь не оставалось иного средства пропаганды, кромѣ ночного распространенія летучихъ листковъ, которые высылались изъ Маннгейма; однако, энергичная подпольная работа возымѣла свое дѣйствіе. Въ 1882 году Эргартъ изъ Маннгейма пререселился въ Людвигсгафенъ, и Пфальцъ превратился въ самостоятельный агитаціонный центръ. Когда пфальцскій пролетаріатъ, во время избирательной агитаціи 1884 года, насильственными демонстраціями попробовалъ завоевать себѣ право собраній, въ Людвигсгафенъ было прислано 800 человѣкъ солдатъ, но вызвать кровавую расправу не удалось, благодаря разумному и рѣшительному поведенію рабочихъ, явившихся съ 4,822 голосами къ перебаллотировкѣ, происходившей во Франкенталь-шпеерскомъ избирательномъ округѣ, въ которомъ расположенъ и Людвигсгафенъ,—и „баварскіе каратели" должны были уйти съ большими носами. Съ тѣхъ поръ соціалъ-демократическое движеніе въ Пфальцѣ вошло въ обычную колею.

Въ рейнской Баваріи Нюрнбергъ-Фюртъ оставался центромъ пропаганды для трехъ франконскихъ административныхъ округовъ; конечно, центръ этотъ имѣлъ значеніе скорѣе скалы, окруженной бушующей вокругъ нея стихіей, а не узла широко раскинувшейся сѣти. Пріятный трилистникъ: правительственная бюрократія, свободомыслящая коммунальная полиція и разные анархическіе элементы достаточно отравляли жизнь нюрнбергскихъ рабочихъ. Такъ какъ эти рабочіе крѣпкаго Гриллепбергскаго покроя, то они держались твердо, но все-таки имъ было трудно дѣлать какія-нибудь завоеванія даже въ самой Франконіи. Въ фев-

ралѣ 1884 года Грилленбергеръ хотѣлъ организовать верхне-франконскихъ кустарей, корзинщиковъ, которые, благодаря ужасамъ truck-system, были доведены до нищеты. Онъ намѣревался въ ближайшемъ будущемъ образовать профессіональный союзъ корзинщиковъ въ Шнеѣ; но сѣверно-франконская администрація, съ невѣроятнымъ крючкотворствомъ, поспѣшила объявить этотъ союзъ политическимъ, который, какъ таковой, не можетъ имѣть членами ни несовершеннолѣтнихъ, ни женщинъ, не имѣя въ то же время права соединяться съ другими союзами. Такимъ образомъ, по произволу начальства, въ зародышѣ задушено было право законнаго сопротивленія, которое корзинщики могли бы оказать незаконнымъ дѣйствіямъ своихъ эксплоататоровъ. Такое возмутительное отношеніе къ беззащитнымъ рабочимъ послужило косвенно самымъ дѣйствительнымъ средствомъ пропаганды соціалъ-демократическихъ идей, которыя уже вскорѣ насчитывали среди верхне-франконскихъ корзинщиковъ тысячи приверженцевъ. Труднѣе было затронуть другіе франконскіе избирательные округа, даже въ средней Франконіи, вблизи Нюрнберга, ибо жизненныя условія страны, какъ плохо развитая промышленность, отсутствіе большихъ городовъ, рѣзкіе религіозные контрасты и проч., представляли незначительные опорные пункты для такого высоко-развитого пролетаріата новѣйшей крупной промышленности, какими являются нюрнбергскіе рабочіе.

Для швабскаго административнаго округа Аугсбургъ, къ сожалѣнію, не игралъ той роли, какую Нюрнбергъ игралъ для франконскихъ административныхъ округовъ. Аугсбургъ служилъ типичнымъ примѣромъ того, какъ тяжело расплачивается рабочій классъ, когда онъ сходитъ на самый низъ съ высоты соціалистическаго міросозерцанія. Изъ соціалъ-демократическаго форпоста, который недавно лишь укротилъ баварскую вторую палату, Аугсбургъ превратился

въ фабричный городъ самаго жалкаго вида. Каждое производство получило свои кассы, потребительныя и сберегательныя учрежденія; трудъ сталъ плохо оплачиваться; рабочіе попали въ ежевыя рукавицы своихъ эксплоататоровъ; рабочій, откуда-нибудь изгнанный, уже нигдѣ болѣе не находилъ работы. Не чуждые классоваго самосознанія, рабочіе страдали недостатками пролетаріата, систематически угнетаемаго и эксплоатируемаго капиталомъ; въ низкихъ удовольствіяхъ, въ брани и спорахъ истощали они свои силы, которыя они не смѣли показывать своему начальству. Но и въ Аугсбургѣ самое худое время уже прошло; 1,550 соціалъ-демократическихъ голосовъ очень ясно доказали, что дисциплина и энергія снова проснулись въ аугсбургскомъ пролетаріатѣ, обѣщая еще окрѣпнуть.

Однако-жъ, не франконскія и не швабскія, а только старо-баварскія провинціи, административные округа верхней Баваріи, нижней Баваріи и верхняго Пфальца дали тотъ рычагъ, который бросилъ въ потокъ соціалъ-демократическаго массового движенія самое большое южно-нѣмецкое государство. Онѣ питали собой одно относительно наиболѣе сохранившееся изъ старыхъ нѣмецкихъ племенъ, глубоко запечатлѣвъ на себѣ всѣ особенности Баваріи, какъ крестьянской страны. Крупная промышленность встрѣчалась здѣсь, собственно, только въ Мюнхенѣ и его окрестностяхъ, и то рядомъ съ довольно значительнымъ ремесленнымъ производствомъ, а также и нѣкоторой разработкой копей. Издавна въ городкахъ и на пустыряхъ появились сперва зачатки промышленности, здѣсь и тамъ медленно выросли лѣсопильни, цементные заводы, кузницы, бумагопрядильни. Все остальное было—пашни и лѣсное хозяйство; рядомъ съ небольшими и лишенными политическаго значенія крупными помѣстьями раскинулись, главнымъ образомъ, среднія и мелкія крестьянскія владѣнія. Египетскія язвы какихъ-нибудь прусскихъ юнке-

ровъ здѣсь не были извѣстны не только со времени французской революціи, но еще со среднихъ вѣковъ, когда духовенство являлось главнымъ феодаломъ, подтвердивъ, въ свою очередь, старую истину, что подъ посохомъ лучше живется, чѣмъ подъ юнкерскимъ кнутомъ. Верхне-баварское дворянство происходитъ, преимущественно, изъ управляющихъ монастырями. Успѣхамъ его мѣшали какъ баварскіе герцоги, которые вскорѣ забрали его въ свои руки, такъ и крестьяне, питавшіе весьма основательное недовѣріе къ этимъ баронамъ. Какъ и дворянство, высшій кругъ горожанъ не пользовался преобладающимъ вліяніемъ; либерализмъ представлялъ собой исключительно партію „образованныхъ", которая стояла далеко отъ сельскаго населенія. Также нечѣмъ было тутъ поживиться и антисемитамъ, ибо еврейскій капиталъ еще не такъ чувствительно задѣлъ мѣстное крестьянство; нѣкоторый откликъ нашла антисемитская агитація лишь среди ограниченныхъ мелкихъ бюргеровъ мѣстечка и базаровъ. Опредѣленнымъ вліяніемъ пользовалось только католическое духовенство.

Старобаварскій народъ жилъ относительно зажиточно. Онъ еще не зналъ этого самоспасающаго евангелія накопленія капиталистическихъ сикофантовъ, ставя всякое увеличеніе своихъ доходовъ въ зависимость отъ своего образа жизни. Разница въ доходахъ была здѣсь вообще гораздо меньше, чѣмъ въ капиталистически развитой Германіи; не было роскоши, но не было и нищеты; классовый антагонизмъ былъ слабо развитъ—никакого взаимнаго отгораживанья и высокомѣрія. Въ связи съ этимъ характеръ старобаварскаго народа являлъ и другія черты: непоколебимая народная сила, упрямство, нѣкоторая умственная неподвижность, слабая предпріимчивость, отсутствіе стремленія къ наживѣ, умѣренная любовь къ труду, жажда наслажденій, отсутствіе какой бы то ни было приниженности. Словомъ, настоящій крестьянскій народъ, свободный отъ всякой мечтательности и мистическихъ

умствованій, почти лишенный какой бы то ни было склонности къ теоріямъ, обнаруживающій въ то же время стремленіе къ чисто формальному образованію. Религія привлекала эти массы своей обрядностью и благолѣпіемъ; въ политикѣ онѣ безсознательно являлись истыми демократами. „Твердое“ правительство, по берлинскому образцу, не могло бы здѣсь, въ такихъ условіяхъ, привиться; баварскіе чиновники не были такъ стѣснены и не находились въ такомъ подчиненіи, какъ прусскіе. Этому вовсе не противорѣчила дикая травля, которой подвергали здѣсь соціалистовъ; она лишь доказала, что баварскіе рабочіе еще не считались въ числѣ дѣйствующихъ силъ, на которыя мюнхенскіе руководители, неспособные выдержать перваго сильнаго натиска, могли бы безъ колебаній опереться.

Какъ въ Аугсбургѣ, такъ и въ Мюнхенѣ, молодое рабочее движеніе было затоплено ультрамонтанскимъ потокомъ; въ столицѣ королевства полиція, понятно, работала съ большимъ усердіемъ, чтобы совершенно запугать душевно-больного короля Людвига соціалистическими пугалами. Судебные процессы и полицейскія преслѣдованія сознательнаго пролетаріата не прекращались; полицейскій комиссаръ Михель Геретъ организовалъ даже цѣлую систему недостойныхъ доносовъ, не стѣсняясь подтверждать лжеприсягой самыя неправдоподобныя выдумки своихъ агентовъ-провокаторовъ, такъ что даже и въ буржуазныхъ кругахъ его окрестили лестной кличкой „клятвопреступнаго Михеля“. Такъ какъ о какихъ-либо успѣхахъ въ королевствѣ нечего было и думать, то Мюнхенъ считался надолго потеряннымъ для партіи; и тѣмъ болѣе поразили всѣхъ высокія цифры, которыя оба избирательныхъ округа дали въ 1884 году.

Въ большой степени Фольмаръ могъ приписать себѣ заслугу этой счастливой метаморфозы. Самъ онъ былъ истымъ сыномъ старой Баваріи. Выросшій въ служилой, офицерской семьѣ, онъ въ пятнадцать лѣтъ

уже обладалъ богатырскимъ тѣлосложеніемъ, въ шестнадцать онъ уже имѣлъ чинъ лейтенанта; въ двадцать одинъ годъ онъ былъ тяжело раненъ во франко-прусской войнѣ, вынужденный надолго слечь въ постель. Переживъ уже довольно бурный періодъ, онъ отдался серьезнымъ научнымъ занятіямъ, которыя привели его къ демократіи, потомъ уже послѣдовательно и къ соціализму. Какъ только онъ выздоровѣлъ, Фольмаръ посвятилъ себя соціалъ-демократической агитаціи. Послѣ изданія закона о соціалистахъ онъ попалъ въ Цвиккаускую тюрьму, въ которой написалъ сочиненіе объ изолированномъ соціалистическомъ государствѣ. Въ нѣкоторыхъ теоретическихъ отношеніяхъ спорная, эта небольшая работа указывала на особую склонность Фольмара во всемъ выдвигать практическую сторону вопроса. Поэтому редактированіе заграничнаго партійнаго органа, въ первые годы существованія „Соціалъ-демократа“, было ему не совсѣмъ по вкусу; но зато, испытывая полное удовлетвореніе, Фольмаръ оказался совершенно на мѣстѣ въ боевыхъ схваткахъ въ стѣнахъ рейхстага.

Его извѣстная рѣчь о табачной монополіи явилась первымъ парламентскимъ выступленіемъ партіи, которая заняла совершенно прочное и недвусмысленное положеніе въ водоворотѣ завязавшейся тогда борьбы буржуазныхъ интересовъ, скрывавшейся подъ маской соціальной реформы.

Однако-жъ въ свою колею Фольмаръ попалъ только въ 1883 году, когда онъ возвратился въ Мюнхенъ для того, чтобы принять на себя здѣсь руководство агитаціей. Онъ понялъ, что шаблонная тактика, примѣняемая къ пролетаріату крупной промышленности, будетъ имѣть въ Мюнхенѣ очень незначительный успѣхъ, а въ остальной Баваріи — почти никакого. Не оспаривая принципіальной точки зрѣнія партіи, онъ старался приспособить ее къ особымъ баварскимъ условіямъ. Онъ остался совершенно вѣренъ соціалъ-демократиче-

ской программѣ, когда отдѣлилъ религію, какъ таковую, отъ партійной борьбы, тѣмъ ярче подчеркнувъ этимъ какъ обнаруживающееся тяготѣніе религіи къ ультрамонтанской политикѣ, такъ и проявляемый отдѣльными представителями духовенства и даже всей церковью соціальный и политическій гнетъ. Дѣйствуя настойчиво на демократическія чувства баварцевъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался разъяснить имъ ихъ собственное положеніе.

Также мало подвергало опасности принципы и программу партіи то усиленное вниманіе, которое удѣлялось нуждамъ крестьянскаго населенія, и благодаря которому была проложена дорога для соціалъ-демократической агитаціи въ баварскую народную массу. Конечно, здѣсь должна была быть проведена строгая граница между крестьянами, которые не прочь добывать себѣ пропитаніе пòтомъ двухъ-трехъ своихъ батраковъ и поденщиковъ, подобно цеховымъ мастерамъ, живущимъ трудами своихъ подмастерьевъ и учениковъ, съ одной стороны, и крестьянами, самостоятельно ведущими свое хозяйство и отличающимися отъ современнаго пролетаріата только тѣмъ, что владѣютъ собственными, весьма скромными орудіями производства, съ другой стороны. Съ первыми сознательный пролетаріатъ имѣлъ такъ же мало общаго, какъ и съ цеховыми мастерами; вторые же были его ближайшими союзниками, и изъ такихъ самостоятельныхъ крестьянъ состояло девять десятыхъ баварскаго крестьянскаго населенія. Много, конечно, зависѣло отъ умѣнья и такта разумно удержать эту демаркаціонную линію, и трудность этой задачи не являлась достаточнымъ основаніемъ для ея упрощенія. Имѣть это въ виду было тѣмъ болѣе необходимо, чѣмъ быстрѣе глупость и вѣроломство партіи центра раскрывали глаза самостоятельнымъ крестьянамъ, подобно партіи свободомыслящихъ, продѣлывавшихъ то же самое по отношенію къ мелкимъ ремесленникамъ.

Такимъ образомъ, соціалъ-демократическая агитація проникла до самыхъ глухихъ угловъ старой земледѣльческой страны. Если, вообще, старыя баварскія провинціи ярче всего отражали на себѣ особенности баварской культуры, то Верхняя Баварія, а въ послѣдней, особенно, имперскій избирательный округъ Розенгеймъ-Мирбахъ-Тельцъ былъ самымъ типичнымъ въ этомъ отношеніи.

Этотъ обширный, но рѣдко населенный округъ простирался вдоль тирольской границы, отъ Вальхенскаго озера до Химскаго. Промышленность почти отсутствовала въ немъ. Всѣ его населенные пункты составляли единственный городъ, два-три торговыхъ мѣстечка и нѣсколько малонаселенныхъ деревень. Повсюду преобладала система уединенныхъ хозяйствъ, разбросанныхъ построекъ, при чемъ каждый хуторъ и каждый дворъ имѣли подъ самымъ носомъ свою недвижимость. Многіе изъ этихъ хуторовъ еще съ шестнадцатаго, а нѣкоторые даже съ одиннадцатаго вѣка находились безпрерывно во владѣніи одной и той же семьи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ особенности въ верхнемъ Изарталѣ, въ уединенномъ Яхенау и у озеръ; иные изъ нихъ составляли нѣкогда дворянскія помѣстья. Консервативныя привычки и наклонности пустили глубокіе корни въ этомъ округѣ мирная, земледѣльческая жизнь котораго разнообразилась лишь охотой на дичь. Теоретически нельзя было представить себѣ болѣе неблагопріятныхъ условій для соціалъ-демократической агитаціи, какія имѣлись въ этомъ округѣ. Тѣмъ не менѣе онъ иногда оказывался самымъ лучшимъ для партіи.

Все поступательное движеніе соціалъ-демократіи, самымъ выдающимся этапомъ котораго является завоеваніе ею Баваріи, было продуктомъ нѣмецкой исторіи. Если кто-нибудь пожелалъ бы объяснить, почему всѣ здоровыя силы страдающихъ народныхъ массъ стали собираться вокругъ соціалъ-демократическаго знамени

тотъ долженъ былъ бы раньше всего объяснить, почему такъ быстро развилась въ Германіи крупная промышленность, капиталистическое производство, новѣйшее буржуазное общество, и почему политическій прогрессъ не шелъ рядомъ съ соціальнымъ, почему правительственная власть сосредоточилась въ рукахъ отсталыхъ и отживших классовъ, почему различные слои буржуазіи были такими трусливыми и вялыми, а мелкобуржуазные классы такими робкими и несогласными. При этихъ условіяхъ должно было случиться именно то, что случилось. Это предвидѣлъ еще Лассаль, когда захотѣлъ всѣхъ обездоленныхъ собрать въ соціалъ-демократическую партію, авангардъ которой составилъ промышленный пролетаріатъ; онъ только переоцѣнилъ скорость, съ которой совершается процессъ историческаго развитія.

Благодаря всему этому, нѣмецкой соціалъ-демократіи были заданы новыя задачи. Всюду, куда она ни проникала съ завоеваніями, въ мелкокрестьянскій ли или мелкобуржуазный слой населенія, ей угрожала опасность, что вновь завоеванные элементы, охваченные еще наслѣдственными предразсудками, сами захотятъ овладѣть партіей, такъ же, какъ буржуазная интеллигенція, которая, какъ только она поняла азбуку классовой борьбы пролетаріата, сейчасъ же захотѣла бы командовать имъ. И именно въ Германіи, этой классической странѣ бюргерства, къ тому времени, когда послѣднее, благодаря промышленному развитію, стало быстро и сильно терять почву подъ ногами, было неизбѣжно появленіе мелкобуржуазнаго соціализма, того соціализма, который хотя и признавалъ основныя воззрѣнія научнаго коммунизма и требованіе о превращеніи средствъ производства въ общественную собственность, но возможность ихъ осуществленія переносилъ лишь въ безконечно далекое будущее, превращая ихъ, такимъ образомъ, въ простой мыльный пузырь. Смотря по обстоятельствамъ, соціализмъ этотъ перехо-

дилъ въ простую симпатію къ тѣмъ реакціоннѣйшимъ стремленіямъ, которыя сводились къ, такъ называемому, „подъему благосостоянія рабочаго класса". Такой соціализмъ всегда разбивался о здравый смыслъ нѣмецкаго рабочаго; поскольку соціалъ-демократическая партія зиждется на равноправіи ея членовъ, постольку она, по своей исторической сущности—партія пролетарская, а не мелкобуржуазная. Ея историческое ядро, это—современный промышленный, согласно его классовому положенію, революціонный пролетаріатъ; этотъ пролетаріатъ есть славный ратоборецъ партіи, безъ сильной желѣзной руки котораго партійная программа никогда не была бы осуществлена. Поэтому же ему не приличествуетъ пользоваться внутри самой партіи какимъ-либо недемократическимъ преимуществомъ, вмѣсто того, чтобы занимать лишь въ ней положеніе, соотвѣтствующее его силѣ и способностямъ. Если путемъ историческаго развитія нѣмецкая соціалъ-демократія превратилась какъ бы въ симфоническій оркестръ, то маленькая флейта имѣетъ такое же право быть услышанной, какъ и контрабасъ, но только на контрабасѣ долженъ играть промышленный пролетаріатъ, ибо лишь онъ одинъ способенъ на немъ играть.

Съ чувствомъ злорадства смотрѣли буржуазныя партіи на то, что завоеваніе Баваріи съ извѣстной точки зрѣнія имѣетъ и свою обратную сторону. Они цѣлыми недѣлями мечтали о „Дамаскѣ" соціалъ-демократіи и утѣшались, въ виду роста соціалъ-демократическихъ голосовъ, тѣмъ, что новыя сильныя разногласія проникнутъ въ партію, бывшую до сихъ поръ замкнутой. Дѣйствительно, въ 1884 году такія разногласія, казалось, наступили. Однако, радость буржуазіи оказалась преждевременной, кончившись для нея полнѣйшимъ разочарованіемъ. Вопросъ, который былъ поставленъ партіи исходомъ выборовъ 1884 года, не могъ, въ сущности, быть для нея вопросомъ. Умышлен-

ное закрытіе источниковъ, изъ которыхъ ежедневно притекали свѣжія силы, явилось бы первымъ шагомъ къ сектантскому самоубійству. Объ этомъ медленномъ самоубійствѣ партія, разумѣется, не могла и подумать; она чувствовала въ себѣ достаточно силъ и энергіи, чтобы не уклониться отъ борьбы, связанной съ необходимостью претворить въ себѣ новые элементы для достиженія ея великихъ старыхъ цѣлей. Въ областяхъ съ преобладающимъ мелкокрестьянскимъ и мелкобуржуазнымъ населеніемъ, партія дѣйствовала, конечно, иначе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ промышленнымъ пролетаріатомъ. Достаточно только сравнить оба крупнѣйшихъ среднихъ государства, чтобы сейчасъ же увидѣть эту разницу: въ то время, какъ въ Саксоніи пропасть между „двумя націями“ дѣлалась все глубже и шире, въ Баваріи Грилленбергеръ и Фольмаръ сдѣлались самыми популярными людьми, помощью и совѣтомъ которыхъ охотно пользовалось все мѣстное населеніе.

И въ строгой сплоченности партіи были одинаково сильно заинтересованы всѣ ея части; каждая вѣтвь, которая бы отдѣлилась отъ ствола, стала бы сухимъ деревомъ, годнымъ лишь на то, чтобы протопить печь политической и соціальной реакціи.

Въ нѣдрахъ самой партіи всякія практическія и тактическія разногласія отнюдь не вносили въ нее расколъ и разрушеніе, а напротивъ, лишь еще болѣе оживляли и освѣжали ея дѣятельность. Какъ и послѣ выборовъ 1884 года, разногласія эти неоднократно вновь возникали и еще не одинъ разъ снова всплывутъ на верхъ, чтобы только доказать, что нѣмецкая соціалъ-демократія есть живой организмъ, рожденный исторической жизнью большого народа, выросшій вмѣстѣ съ его развивающимися потребностями, вѣрный завѣту поэта: быть зрѣлымъ — это все.

Глава шестая.

Начало конца.

I. Слова и дѣйствія.

Надежда на „Дамаскъ“ соціалъ-демократіи удлинила второй періодъ закона о соціалистахъ еще на одинъ періодъ, который тоже продолжался 1½ года, съ осени 1884 до весны 1886 года.

Послѣ своего частичнаго успѣха на выборахъ Бисмаркъ стремился теперь выжать, что могъ, изъ новаго рейхстага, обезпечить колоніальную политику и подготовить новый протекціонистскій уловъ. Въ это-же самое время онъ рѣшилъ открыть новую избирательную кампанію, на подобіе наполеоновскаго плебисцита, въ томъ случаѣ, если бы рейхстагъ отказался санкціонировать всѣ эти покушенія на народный карманъ. Первую небольшую тревогу онъ забилъ уже предъ Рождествомъ 1884 года по самому ничтожному поводу; Бисмаркъ достигъ тогда цѣли, доказавъ, что нѣмецкій филистеръ нынѣ, какъ и прежде, легко даетъ себя завлечь въ сѣти. Болѣе непонятнымъ было то, что Бисмаркъ все еще считалъ возможнымъ привлечь на свою сторону пролетаріатъ вмѣсто буржуазіи. Но съ нимъ случилось то, что вообще бываетъ съ властъ имущими, которые, въ собственныхъ интересахъ, стараются развратить прессу: они въ концѣ концовъ сами начинаютъ вѣрить въ ложь подкупленныхъ ими писакъ. Надежда оффиціальныхъ газетъ на „прирученное домашнее животное“, въ которое должна была превратиться, по крайней мѣрѣ, часть соціалъ-демократіи, готовая удовольствоваться „снятымъ молокомъ“ рабочаго страхованія, нашла свой отголосокъ въ рѣчи Бисмарка отъ 26-го ноября 1884 г., въ которой онъ пожелалъ соціалъ-демократіи пріобрѣсти еще дюжину мандатовъ, назвавъ ее „довольно

полезнымъ элементомъ", не говоря уже о весьма скромныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ до сихъ поръ въ области соціальной реформы. Даже Путткамеръ скроилъ любезную физіономію по адресу партіи, „повернувшей на менѣе революціонный путь", заявивъ внезапно, что законъ о соціалистахъ направленъ исключительно противъ анархистской группы, которая не останавливается ни предъ какими преступленіями въ своихъ стремленіяхъ насильственно ниспровергнуть существующій общественный и государственный строй. Конечно, когда эта новая попытка вызвала лишь смѣхъ соціалъ-демократической фракціи, то Путткамеръ, попятившись назадъ, началъ клясться всѣми святыми въ томъ, что именно соціалъ-демократія отточила тотъ кинжалъ, которымъ въ январѣ 1885 года во Франкфуртѣ на Майнѣ былъ заколотъ одинъ изъ его любимцевъ, отецъ шпіоновъ Румпфъ.

Въ декабрѣ 1884 года имперскій судъ разбиралъ дѣло о таинственномъ покушеніи въ Нидервальдѣ, не разсѣявъ, однако, мрака, покрывавшаго это дѣло. Изъ восьми обвиняемыхъ трое было оправдано, двое приговорено къ продолжительному заключенію въ смирительный домъ, а остальные: Рейнсдорфъ, Кюхлеръ и Руппъ къ смертной казни. Кюхлеръ и Руппъ подали прошенія о помилованіи, и Руппу смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, между тѣмъ Кюхлеръ, какъ порочный человѣкъ, кончилъ жизнь на эшафотѣ. Что же касается Рейнсдорфа, то онъ не захотѣлъ просить милости; не какъ политическій мученикъ, но спокойно и равнодушно съ пѣсней на устахъ взошелъ онъ на эшафотъ, крикнувъ предъ самой смерью: „Долой варварство".

Еще до этого Румпфъ палъ жертвой своей охоты на людей. Къ этому покушенію провокаторы не имѣли никакого касательства, потому полиція и не могла открыть виновниковъ его. Она нашла лишь нѣсколько

слабыхъ уликъ противъ сапожнаго подмастерья Лиске, которыя указывали на то, что послѣдній могъ какимъ-нибудь образомъ знать о покушеніи, но въ самомъ покушеніи не былъ изобличенъ. Однако, франкфуртскіе присяжные вынесли ему обвинительный приговоръ, и Лиске былъ казненъ. Смерть онъ встрѣтилъ мужественно, проклявъ своего обвинителя, прокурора Фрезе, не выдержавшаго этого проклятія и попавшаго затѣмъ въ домъ умалишенныхъ. Путткамеръ принудилъ прусскій ландтагъ издать особый законъ о сохраненіи за наслѣдниками Румпфа его полнаго содержанія. И развѣ можно было бы въ эпоху Бисмарка-Путткамера дать содержаніе на счетъ государства болѣе достойному герою, чѣмъ отцу провокаторовъ, погибшему при исполненіи своихъ злосчастныхъ обязанностей!

Маленькая Швейцарія показала тогда могущественному прусско-нѣмецкому государству, какъ можно бороться съ анархистскимъ призракомъ. Слухъ о подготовлявшемся, яко бы, покушеніи взорвать зданіе Союзнаго Совѣта въ Бернѣ вызвалъ разслѣдованіе союзнаго генеральнаго прокурора объ „анархистскихъ проискахъ“ въ Швейцаріи. Разслѣдованіе это показало, что анархистское движеніе, вообще постольку, поскольку можно говорить о таковомъ, находится въ „быстромъ упадкѣ“, что именно Мостъ своими сумасбродными подстрекательствами все болѣе и болѣе отталкивалъ рабочихъ отъ „пропаганды дѣйствіемъ“, и что анархистскіе происки, вообще тогда еще проявлявшіеся, были вызваны лишь тѣми жестокими преслѣдованіями, которымъ подвергались рабочіе въ Германіи и Австріи. „Исключительные законы гонятъ къ намъ анархистскихъ агитаторовъ, которые занимаются у насъ пропагандой противъ своего отечества“. Такъ какъ буржуазное общество не можетъ жить безъ полиціи, то и послѣдняя дѣлается буржуазной; вслѣдствіе этого Швейцарія удалила изъ своихъ предѣловъ около дю-

жины анархистских агитаторовъ; на ряду съ нѣмецкими провокаторами, вродѣ Кауфмана и Вейса; той же участи подверглись такіе честные анархисты, какъ Неве. Союзный прокуроръ настойчиво указывалъ на то, что такого рода борьба съ анархизмомъ стѣсняетъ лишь политическую свободу, и такъ какъ швейцарская полиція была полнымъ отраженіемъ нѣмецкой, то и въ искусствѣ раскрывать нити анархистской пропаганды она не ушла дальше послѣдней. Неспособность же нѣмецкой полиціи бороться съ дѣйствительными покушеніями вытекаетъ прямо изъ ея старой привычки создавать искусственныя покушенія.

Подобное отношеніе существовало между соціально-политическими разговорами и соціально-политическими дѣйствіями Бисмарка. Платоническое объясненіе въ любви, которое онъ сдѣлалъ партіи въ ноябрѣ 1884 года, было лишь первымъ нѣжнымъ аккордомъ свирѣли, которая вскорѣ стала издавать совсѣмъ иные звуки. Какъ и въ 1881 году, успѣхи соціалъ-демократовъ на выборахъ 1884 года разбудили буржуазную совѣсть, которая всегда просыпалась только подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ; ультрамонтаны вмѣсто запроса внесли даже предложеніе о дальнѣйшемъ развитіи рабочаго законодательства въ сферѣ защиты труда. Далѣе они требовали запрещенія воскресной работы, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда, а для взрослыхъ мужчинъ закономъ установленнаго максимальнаго рабочаго дня. Другія буржуазныя партіи выступали съ такими же предложеніями; только партія кронпринца не хотѣла даже для виду, не говоря уже серьезно, задѣть принципъ ничѣмъ не ограниченной капиталистической эксплоатаціи. Въ этомъ она была вполнѣ солидарна съ Бисмаркомъ.

Подобно Донъ Кихоту, этотъ человѣкъ пришпоривалъ своего складного манчестерскаго коня! Его феноменальное невѣжество въ соціально-политической области можно было бы еще извинить при нуждѣ,

когда онъ повторялъ уже тысячу разъ теоретически и практически опровергнутое положеніе, что сокращеніе рабочаго времени повлечетъ за собой уменьшеніе заработной платы; но когда онъ утверждалъ, что установленіе максимальнаго рабочаго дня вредно отразится на интересахъ самихъ рабочихъ, то тутъ ужъ во всей ужасающей наготѣ выступала его злая воля. Если бы, напримѣръ, доказывалъ онъ, былъ введенъ 14-ти часовой рабочій день, то предприниматели, которые до сихъ поръ довольствовались десяти- или одиннадцати - часовымъ рабочимъ днемъ, заставили бы рабочихъ работать цѣлыхъ четырнадцать часовъ. Эта жалкая логика вызвала даже и въ буржуазныхъ партіяхъ нѣкоторое отвращеніе, и опять-таки только партія кронпринца съ сладострастіемъ упивалась этими глубокими идеями геніальнаго государственнаго человѣка. Недавній прогрессистъ Евгеній Рихтеръ заявилъ что „господинъ государственный канцлеръ“ могъ бы, если бы онъ всегда такъ разумно говорилъ, разсчитывать на всѣхъ благомыслящихъ, а недавній сецессіонистъ Баумбахъ замѣтилъ, стоитъ ли такъ много говорить о дѣтскомъ трудѣ, когда дѣти Гогенцоллерновъ тоже должны изучать ремесло. Все же справедливость требуетъ признать, что меньшинство свободомыслящихъ съ Людвигомъ Леве и старымъ Вирховымъ во главѣ стали возмущаться этой безстыдной погоней за наживой.

Вмѣсто законодательной защиты рабочихъ, Бисмаркъ выставилъ 13-го марта 1885 года, во время дебатовъ въ рейхстагѣ о колоніальной политикѣ, свое новое знамя, которое гласило о размноженіи милліонеровъ. Блейхредеры и Ганземаны тоже, съ позволенія сказать, люди, даже нѣмцы, которые вправѣ требовать защиты своихъ богатствъ; „Я хотѣлъ бы, мы могли бы создать въ странѣ еще нѣсколько лишнихъ сотенъ милліонеровъ“, сказалъ онъ. Подобно тому, какъ годъ тому назадъ Бисмаркъ открылъ въ прусскомъ государственномъ

правѣ „право на трудъ“, такъ и теперь онъ вспоминалъ о меркантильной политикѣ старыхъ Гогенцоллерновъ; „Геркулесъ девятнадцатаго столѣтія“ былъ все-таки достаточно образованъ, если уровень его образованія отставалъ на два вѣка отъ его современнаго состоянія. Въ дѣйствительности Бисмаркъ своими планами о милліонерахъ совершилъ лишь плагіатъ у Гизо, скопировавъ его „Enrichissez-vous“, но ему при этомъ недоставало личнаго безкорыстія послѣдняго. Въ первую же сессію новаго рейхстага онъ пустилъ въ оборотъ второе изданіе вакханаліи покровительственныхъ пошлинъ 1879 года; такъ какъ волки шесть лѣтъ голодали, то они съ большой жадностью набросились на потребляющія массы. Пошлина на хлѣбъ была утроена, на дрова — удвоена, пошлина на скотъ и водку была также повышена, вмѣстѣ съ другими пошлинами на разные товары. Сессія, которая началась подъ знаменемъ „соціальныхъ реформъ“, кончилась безцеремоннымъ обираніемъ бѣдныхъ въ пользу богатыхъ или, какъ выразился Ауэръ, ораторъ соціалъ-демократической фракціи, „разбойническимъ набѣгомъ на трудящіяся массы“.

2. Фракція и партія.

Соціалъ-демократическая фракція сразу оказалась настолько сильной, что могла самостоятельно выступать въ рейхстагѣ. Вѣрная традиціямъ своей партіи, постановленіямъ, принятымъ въ Виденѣ и Копенгагенѣ, она центръ тяжести своей парламентской дѣятельности переносила на агитацію и пропаганду, не брезгая, однако же, ничѣмъ, что могло бы принести пользу интересамъ пролетаріата, и не питая въ то же время прежнихъ иллюзій о творческой способности буржуазнаго парламентаризма. Она принимала участіе во многихъ, хотя и не во всѣхъ комиссіяхъ; не участвовала она, конечно, и въ бюджетной комиссіи, такъ какъ она разъ навсегда отвергла бюджетъ ми-

литаристическаго государства; но въ комиссіяхъ по пріему петицій и провѣркѣ выборовъ фракція принимала участіе, защищая тамъ важные интересы рабочаго класса.

Отношеніе фракціи къ тремъ основнымъ вопросамъ, подлежавшимъ обсужденію въ сессіи рейхстага, опредѣлилось само собой. По отношенію къ новой протекціонистской вакханаліи фракція стала въ непримиримую оппозицію. Въ это же время она обширнымъ проектомъ защиты труда, вполнѣ отвѣчающимъ современнымъ требованіямъ, затмила робкія и жалкія попытки буржуазныхъ партій создать фабричное законодательство. Главнымъ пунктомъ ея проекта являлись: десятичасовой рабочій день для взрослыхъ, и восьмичасовой — для несовершеннолѣтнихъ, запрещеніе воскресной и праздничной работы съ необходимыми исключеніями, запрещеніе дѣтскаго труда, женскаго труда на высокихъ постройкахъ и въ подземельяхъ, запрещеніе ночной работы, за исключеніемъ строго установленныхъ случаевъ, еженедѣльная выдача жалованья по пятницамъ и минимальная заработная плата, цѣлая, широко развѣтвленная система надзора за фабриками и заводами со стороны центральнаго имперскаго рабочаго учрежденія, мѣстныхъ органовъ его, рабочихъ камеръ и третейскихъ судовъ. Конечно, не во всѣхъ своихъ пунктахъ проектъ этотъ былъ неуязвимъ, какъ, напримѣръ, въ требованіи минимальнаго вознагражденія, которое даже въ самой фракціи вызвало разногласіе; но, въ общемъ, онъ отлично показалъ буржуазнымъ партіямъ, какова должна быть строго и послѣдовательно проведенная соціальная реформа въ условіяхъ буржуазнаго общества. Проектъ, понятно, встрѣтилъ самый плохой пріемъ; послѣ нескончаемаго спора о томъ, что соціалъ-демократія своимъ проектомъ отказалась-де отъ „революціонныхъ утопій“, каждое изъ ея практическихъ требованій отклонялось, „какъ революціонная утопія“.

Соціалъ-демократическая фракція боролась противъ колоніальной политики такъ же энергично, какъ и противъ таможенной, и это относилось не только къ убыточной, но и ко всякой другой колоніальной политикѣ, расходы на которую должны были нести рабочіе, между тѣмъ, какъ выгоды изъ нея извлекутъ одни лишь капиталисты. Кромѣ мелкихъ ассигновокъ, Бисмаркъ исчислилъ первые расходы по колоніальной политикѣ въ 4.400,000 марокъ, которыя должны были пойти на устройство и содержаніе правильныхъ почтовыхъ и пароходныхъ сообщеній съ восточной Азіей, Австраліей и Америкой для сношеній предпринимателей. Поскольку удовлетвореніе этого требованія должно было содѣйствовать успѣху колоніальной политики, соціалъ-демократическая фракція его единодушно отклонила. Однако, при этомъ выступило разногласіе, съ одной стороны, между большинствомъ, представленнымъ Ауэромъ, Дитцомъ, Фроме, Грилленбергеромъ, а съ другой — между меньшинствомъ, которое было представлено во фракціи Либкнехтомъ, Бебелемъ и Фольмаромъ. Первые изъ нихъ считали, что устройство нѣкоторыхъ проектируемыхъ пароходныхъ линій, не имѣя ничего общаго съ колоніальной политикой, будетъ лишь содѣйствовать развитію международныхъ сношеній, оказывая, такимъ образомъ, услугу дѣлу мира, что вполнѣ отвѣчаетъ интересамъ пролетаріата. Не оспаривая этой принципіальной точки зрѣнія, меньшинство возразило, что нѣмецкій торговый флотъ выросъ безъ субсидій, а потому нужно оставить въ покоѣ плательщиковъ налоговъ; субсидіи эти, стоя въ связи съ общей „хозяйственной политикой“ Бисмарка, только создадутъ ненормальныя тарифныя ставки, вызвавъ этимъ нечистоплотную конкурренцію; оказывать содѣйствіе торговымъ сношеніямъ путемъ правительственныхъ субсидій — значитъ создавать новые кризисы. Принявъ во вниманіе эти соображенія, большинство фракціи неустанно разоблачало всѣ скры-

тыя намѣренія, которыя Бисмаркъ таилъ, требуя субсидіи для торговаго флота.

Почти вся торговля Германіи съ восточной Азіей и Австраліей сосредоточилась въ Гамбургѣ, между тѣмъ какъ Берлинъ представлялъ лишь крупный портовый узелъ, въ который со всѣхъ сторонъ направлялось пассажирское движеніе, и ни для кого не было тайной, что Бисмаркъ имѣлъ въ виду выдать испрашиваемую субсидію бременскому Ллойду, чѣмъ былъ бы нанесенъ большой вредъ, какъ гамбургской торговлѣ, такъ и самому гамбургскому пролетаріату. Какъ самое крупное пароходное предпріятіе Германіи, бременскій Ллойдъ могъ немедленно выставить цѣлый флотъ старыхъ кораблей, въ то время, какъ гамбургскіе пароходовладѣльцы, если бы въ Гамбургъ были переведены проектируемыя линіи, должны были бы строить новые корабли, что доставило бы работу многимъ тысячамъ голодающихъ корабельщиковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, большинство рѣшило голосовать за восточно-азіатскую и австралійскую линіи, исключая изъ послѣдней самоанскую вѣтвь; оставаясь послѣдовательными въ отношеніи колоніальной политики и отклоняя африканскую и самоанскую линіи, это большинство ставило свое соглашеніе на остальныя линіи въ зависимость отъ удовлетворенія требованія, чтобы новые пароходы были судами перваго ранга и были бы построены на нѣмецкихъ верфяхъ. Если же эти требованія, съ одной стороны, будутъ отвергнуты, а съ другой — рейхстагъ дастъ свое согласіе на непринятыя фракціей линіи, то рѣшено было, въ заключеніе, отклонить цѣликомъ все предложеніе. Случилось и то, и другое: рейхстагъ принялъ предложеніе такимъ, какимъ его принялъ Бисмаркъ, и тогда соціалъ-демократическая фракція единогласно голосовала противъ всякой субсидіи.

Принципіальнаго разногласія не произошло, и различное рѣшеніе фракціей существеннаго вопроса не

повело на дѣлѣ, къ разъединенію во время голосованія. Все-таки этотъ случай вызвалъ въ партіи горячіе дебаты, самые горячіе, какіе вообще происходили въ ея средѣ со времени появленія закона о соціалистахъ. Сперва выступила противъ большинства фракціи цюрихская группа, а заодно съ ней также и „Соціалъ-демократъ"; затѣмъ отозвались товарищи изъ Берна, Лондона, Брюсселя, Копенгагена, а въ самой Германіи лейпцигскіе, ростокскіе и кенигсбергскіе члены партіи. 20-го марта фракція выпустила заявленіе, въ которомъ она запретила эти нападки, какъ „совершенно неумѣстныя"; партійный органъ никоимъ образомъ не долженъ выступать противъ фракціи, которая отвѣтственна за его содержаніе; „отнюдь не газета должна опредѣлять тактику фракціи, а наоборотъ, фракціи надлежитъ контролировать направленіе газеты". Это заявленіе подлило масла въ огонь и вызвало новую бурю; особенно горячо протестовали франкфуртскіе товарищи противъ „диктаторскихъ указаній", противъ „болота парламентаризма", въ которомъ не должно завязнуть рабочее революціонное движеніе. Къ счастью, фракція и партійный органъ быстро пришли къ соглашенію; 23-го апрѣля „Соціалъ-демократъ" опубликовалъ мирный договоръ: фракція признала, что „Соціалъ-демократъ" не является ея личнымъ органомъ, а органомъ всей партіи и такимъ долженъ оставаться; редакція же согласилась съ тѣмъ, что единство и работоспособность партіи должны быть поддержаны во что бы то ни стало, и что фракція, покуда она исполняетъ свою руководящую роль подъ тяжелымъ ярмомъ исключительныхъ законовъ, имѣетъ право разсчитывать на безусловную поддержку товарищей, разъ она приняла какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе. Этимъ, конечно, еще не было внесено окончательное успокоеніе въ возбужденные умы; внутреннія разногласія проникли даже въ буржуазную прессу; и только спустя долгое время волненіе это, наконецъ, утихло.

Съ обѣихъ сторонъ накопилось нѣкоторое чувство раздраженія и обидчивости, которое никакого отношенія къ настоящему предмету спора не имѣло. Меньшинство фракціи отвергло требованіе субсидій, какъ актъ бисмарковской системы, но и большинство не заслуживало упрека только за то, что оно подвергло это предложеніе огню своей критики раньше, чѣмъ отклонило его. Такая прекрасно цивилизующая партія, какъ соціалъ-демократія, пользуется всякимъ поводомъ, чтобы выхолить тѣ зародыши цивилизаціи, которые могутъ развиться и въ буржуазномъ обществѣ; но такъ какъ всѣ подобные зародыши въ этомъ обществѣ заражены духомъ капитализма, то часто бываетъ трудно установить настоящую границу между интересами капитала и цивилизаціи; въ вопросѣ о выдачѣ субсидій пароходнымъ компаніямъ границу эту не такъ легко было установить, какъ въ вопросѣ о проведеніи Сѣвернаго канала, проектъ котораго фракція утвердила сейчасъ же безъ всякаго протеста со стороны партіи, хотя онъ прежде всего служилъ капиталистическимъ и милитаристскимъ интересамъ.

Нельзя отрицать того, что большинство съ своей точки зрѣнія было исторически право, и отрицательное рѣшеніе фракціи явилось до извѣстной степени затруднительнымъ компромиссомъ. Субсидіи восточноазіатской и австралійской линіи (безъ Самоа) явились бы для предпринимателей компенсаціей за обязательные и правильные рейсы между опредѣленными пунктами. Пароходы должны были нести почтовую службу, совершая свои рейсы съ опредѣленной минимальной скоростью. Кромѣ указанныхъ въ расписаніи промежуточныхъ гаваней, пароходы не могли заходить въ другія гавани; между тѣмъ какъ прежде пароходы, совершавшіе лишь товарные рейсы, заходили въ любую гавань, въ которой можно было бы принять или разгрузить товаръ, нисколько не считаясь со скоростью.

Опытъ между тѣмъ показалъ, что старыя грузовыя линіи окрѣпли, въ то время какъ субсидируемыя нѣмецкія почтовыя линіи, благодаря тяжелымъ условіямъ, въ которыя онѣ были поставлены, не всегда оказывались доходными, хотя косвенно благопріятно отражались на интересахъ торговли и передвиженій, особенно на интересахъ пассажирскаго сообщенія, прославившагося во всемъ мірѣ, который имъ пользовался. Хорошее устройство пароходовъ, ихъ отличный служебный составъ и великолѣпное продовольствіе привлекали всю интернаціональную публику.

Дитцъ, во второмъ чтеніи, высказался, что испрашиваемая субсидія, какъ гарантія процентовъ, окажется недостаточной, подобно тому, какъ это было и въ началѣ постройки желѣзныхъ дорогъ. О „нечистоплотной конкурренціи“, которая должна быть усилена налоговыми грошами, не можетъ быть и рѣчи. Субсидія является вознагражденіемъ за особыя услуги, которыхъ никакая линія добровольно не брала и не беретъ на себя, между тѣмъ, какъ почтовыя линіи сдѣлались необходимыми въ виду международной конкурренціи. Указаніе на заатлантическое сообщеніе и на нашихъ обѣихъ большихъ линіяхъ, развившихся безъ субсидій, теряетъ свое значеніе, если вспомнить о монопольной перевозкѣ эмигрантовъ, которая сама уже представляла вѣрную гарантію вложенному въ дѣло капиталу. Колоніальныя линіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, связанныя, конечно, съ пароходной субсидіей, вскорѣ захирѣли, а распущенныя судовыя команды, которыя частью, съ большими расходами, должны были быть перевезены на чужихъ, частью на грузовыхъ пароходахъ, — размѣщены были на почтовыхъ пароходахъ. Подобныя же субсидіи англичане выдавали и выдаютъ Peninsular and Oriental Company, французы — Messageries maritimes, а австрійцы — австрійскому Ллойду, однако же, нѣмецкія почтовыя линіи вытѣснили всѣхъ конкуррентовъ.

Къ этому еще присоединяется вопросъ о самомъ кораблестроеніи. Почти всѣ заатлантическіе корабли строились до тѣхъ поръ въ Англіи. „Вулканъ" въ Штеттинѣ сдѣлалъ было на своей верфи попытку сломить англійскую монополію и то съ сомнительнымъ успѣхомъ и съ тѣмъ несомнѣннымъ результатомъ, что англичане поставили еще меньшія цѣны; такъ что частный предприниматель оказался бы глупцомъ, если бы онъ покупалъ въ Германіи за большія деньги сомнительный товаръ, вмѣсто того, чтобы въ Англіи за меньшія деньги пріобрѣтать хорошій. Англичане до того понизили цѣны, что континентальнымъ верфямъ оказалось не по силамъ конкуррировать съ ними. Къ тому же нѣмецкое кораблестроеніе подверглось кризису. Строеніе деревянныхъ пароходовъ постепенно прекращалось; строеніе же стальныхъ пароходовъ не могло развиться въ виду недостатка заказовъ. Верфи опустѣли, и около 20,000 корабельщиковъ въ портахъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей остались безъ работы. Хотя въ Штеттинѣ, Любекѣ, Гамбургѣ, Бремергафенѣ основались верфи для постройки стальныхъ пароходовъ, онѣ принуждены были, однако же, ограничиться небольшими заказами въ то время, какъ большіе сдавались въ Англію.

Этому кризису могло бы придти на помощь только правительственное вмѣшательство. Сдѣланное соціалъ-демократами предложеніе о томъ, чтобы на субсидируемыхъ линіяхъ устанавливались новыя суда, построенныя на нѣмецкихъ верфяхъ, было отклонено и должно было быть отклонено съ точки зрѣнія большинства рейхстага, такъ какъ при принятіи этого предложенія пришлось бы еще долго ждать открытія субсидируемыхъ линій. Бисмаркъ понялъ положеніе вещей, объявивъ во второмъ чтеніи, что смыслъ соціалъ-демократическаго предложенія весьма глубокъ, но въ той формѣ, въ какой это предложеніе было сдѣлано, его нельзя принять. Въ Союзномъ Совѣтѣ онъ

готовъ былъ выступить за то, чтобы всѣ новые пароходы, которые должны курсировать по субсидируемымъ линіямъ, строились бы на нѣмецкихъ верфяхъ. Внесенное тотчасъ же со стороны консерваторовъ подобное предложеніе было немедленно принято. Бременскій Ллойдъ могъ оставить старыя первоклассныя суда, но новыя долженъ былъ строить на нѣмецкихъ верфяхъ. Благодаря этому, нѣмецкое кораблестроеніе достигло неожиданно большой высоты, и вмѣсто прежнихъ двадцати тысячъ жившихъ впроголодь корабельщиковъ, нынѣ трудятся сотни тысячъ рабочихъ, которые должны были, конечно, при помощи своихъ организацій, завоевывать и даже уже завоевываютъ принадлежащую и имъ долю въ прибыли.

Такова фактическая сторона вопроса о пароходной субсидіи, который въ остальномъ былъ только поводомъ, но не причиной связаннаго съ нимъ тяжелаго и продолжительнаго спора. Утвержденіе, что соціалъ-демократическая партія была спаяна „желѣзными обручами“ закона о соціалистахъ, принадлежитъ, конечно, къ дешевымъ полуистинамъ либерализма; оно равносильно тому утвержденію, что идейныя движенія не могутъ быть подавлены насильственными мѣрами; весьма относительная справедливость этихъ утвержденій нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ въ исторіи нѣмецкаго либерализма, который привыкъ трубить объ этомъ съ такимъ паѳосомъ. Соціалъ-демократическая партія сплотилась благодаря совершенно другимъ обручамъ, а отнюдь не тѣмъ, которые представлялись закономъ о соціалистахъ. Чтобы ослабить этотъ законъ, она, конечно, сомкнулась тѣснѣе и крѣпче, необходимую же для этого силу она черпала изъ историческихъ условій своего существованія, а отнюдь не изъ грубаго притѣсненія; поскольку оно, вообще, оказывало вліяніе, оно могло дѣйствовать только разрушающимъ и разлагающимъ образомъ. Гнетъ этотъ сказывался на каждомъ классѣ, на который онъ па-

далъ, согласно его характеру. Онъ дѣйствовалъ усыпляющимъ и уродующимъ образомъ на косвенно затронутую имъ буржуазію. На пролетаріатъ же, на который гнетъ этотъ непосредственно падалъ, онъ дѣйствовалъ возбуждающимъ и раздражающимъ образомъ. Симптомомъ крайней раздражительности, которая неминуемо должна была сама собой возникнуть въ продолженіе этой семилѣтней борьбы не на животъ, а на смерть, являлся споръ о пароходной субсидіи, это рѣзкое столкновеніе между фракціей и партіей.

Законъ о соціалистахъ требовалъ, чтобы руководство партіей было предоставлено парламентской фракціи, располагающей въ рейхстагѣ единственной трибуной во всей Германіи, съ которой могло еще раздаваться свободное слово, и, вообще, трибуна эта пріобрѣла такое значеніе, на которое буржуазный парламентаризмъ самъ по себѣ не могъ претендовать. Фракцію нельзя было упрекнуть въ какомъ-нибудь серьезномъ промахѣ; еще до выборовъ 1884 года она безъ всякаго колебанія исключила изъ партіи стараго Ритгингаузена, не подчинившагося ея строгой дисциплинѣ. Послѣ выборовъ 1887 года она приняла самое дѣятельное участіе въ тѣхъ парламентскихъ работахъ, отъ которыхъ она не считала себя вправѣ отказываться; насколько она была при этомъ далека отъ парламентскаго кретинизма, показалъ яснѣе всего вопль, поднятый Евгеніемъ Рихтеромъ по поводу ея мнимой медлительности въ рейхстагѣ. Извѣстное разногласіе во взглядахъ лежало въ самой природѣ вещей. Съ одной стороны, послѣ страшныхъ усилій, сдѣланныхъ во время избирательной борьбы, вызвала сильное разочарованіе эта безплодная трескотня парламентской мельницы, и это разочарованіе точно также появилось и послѣ выборовъ 1881 года, даже послѣ успѣшныхъ выборовъ 70-хъ годовъ. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ гнетъ закона о соціалистахъ давилъ сильнѣе всего рабочихъ, рождалось постоянное опасе-

ніе за то, чтобы фракція въ своемъ стремленіи чего-нибудь достигнуть, слишкомъ не сошлась съ буржуазными партіями и не погрязла въ парламентскихъ занятіяхъ. Суверенную самостоятельность партіи охраняли самые старые и вѣрные члены ея, какъ драгоцѣнное сокровище; хотя въ саксовскомъ ландтагѣ имѣлось уже пять соціалъ-демократовъ, а весною 1885 г. двое послано было и въ гессенскій ландтагъ, однако-жъ Фроме и Газенклеверъ натолкнулись на непреоборимое сопротивленіе, когда они высказались за участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ.

Меньше всего можно было бы возразить что-нибудь противъ проекта защиты труда, внесеннаго фракціей въ рейхстагъ; однако, и онъ довелъ до нѣкоторыхъ столкновеній въ партіи. Экономическое положеніе въ восьмидесятыхъ годахъ представляло собой хроническій застой, прерываемый случайными колебаніями конъюнктуры, которыя проявились въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ десятилѣтія, и именно, такимъ образомъ, что съ каждымъ колебаніемъ наблюдался болѣе сильный подъемъ промышленности. Первыя волны промышленнаго подъема вынесли на поверхность новое стачечное и рабочее движеніе, котораго реакція хотя и не оставила безъ вниманія, но все-таки, въ общемъ, не подавляла. Движеніе это сильно распространилось, когда въ серединѣ десятилѣтія хлынула новая высокая волна промышленнаго движенія; возникли многочисленныя стачки; и въ 1885 году почти всѣ отрасли имѣли свои профессіональныя организаціи, отчасти мѣстные, а отчасти центральные союзы, которые насчитывали всего свыше 80,000 членовъ. Они являлись естественнымъ слѣдствіемъ стачекъ; такъ, союзъ каменщиковъ образовался послѣ неудачной стачки въ Берлинѣ, союзъ столяровъ — послѣ стачки въ Штуттгартѣ, которую Карлу Блосу съ большой осторожностью удалось довести до счастливаго конца. Къ дѣлу учрежденія профессіональныхъ союзовъ приходилось тог-

да относиться съ крайней осторожностью, при чемъ были испробованы различныя формы организацій, чтобы не дать властямъ какого нибудь повода вмѣшаться. Центральные союзы выбирали своимъ мѣстопребываніемъ; преимущественно второстепенныя государства съ болѣе широкими правами ассоціацій; союзъ портныхъ находился въ Гамбургѣ, союзъ табачныхъ рабочихъ— въ Бременѣ, фабричныхъ рабочихъ — въ Герѣ, а рабочихъ по металлу — въ Маннгеймѣ. Законами о страхованіи была оказана большая поддержка профессіональнымъ союзамъ, при чемъ рабочіе, въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ организаціи, сумѣли извлечь пользу изъ ничего, — они обратились къ частнымъ кассамъ вспомоществованія, которыя были дозволены закономъ о больничныхъ кассахъ; въ 1885 тоду эти кассы насчитывали 874,507 членовъ, въ 14 разъ больше, чѣмъ ихъ насчитывалось пятью годами раньше.

Въ этомъ году и движеніе работницъ, послѣ спорадическихъ приливовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, впервые достигло наибольшей высоты. Движеніе это имѣло уже и нѣкоторый практическій успѣхъ; когда правительство вздумало наложить налогъ на швейныя нитки, то берлинскія работницы готоваго платья заявили такой сильный протестъ, что рейхстагъ долженъ былъ постановить изслѣдовать предварительно положеніе бѣлошвеекъ и работницъ готоваго платья. Хотя разслѣдованіе это произведено было правительствомъ крайне поверхностно и неполно, все же оно раскрыло чудовищные факты въ этой обширной области эксплоатаціи женскаго труда. Результаты разслѣдованія развернули весьма пеструю картину всевозможныхъ способовъ производства и хозяйственныхъ формъ, которые въ общемъ ходѣ экономическаго развитія смѣняли другъ друга. Рядомъ уживались ремесленное и кустарное производства, торговый капиталъ, система выжиманія пота (Sweatsystem), по-

средникъ и фабрикантъ, среднее производство, крупное предпріятіе, экспортные дома, которые поставляютъ на всемірный рынокъ, фирмы, которыя удовлетворяютъ мѣстнымъ и областнымъ потребностямъ, миніатюрныя предпріятія, которыя работаютъ на заказъ, ручной трудъ и машинное производство, работа на фабрикахъ и въ мастерскихъ, въ погребѣ и на мансардѣ; но во всѣхъ этихъ видахъ эксплоатаціи женскія рабочія силы истощались до послѣдней крайности, такъ что правительственные докладчики, нисколько не преувеличивая, признали, что умереть съ голоду или заняться проституціей является единственнымъ исходомъ для работницъ, которыя не могутъ получать поддержки отъ своихъ семействъ. Однако, на оффиціальную „соціальную реформу“ эта ужасная картина не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія; вѣдь Бисмаркъ весь былъ поглощенъ мѣрами противъ „бѣдственнаго положенія“ крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ.

Тѣмъ болѣе горячо былъ встрѣченъ соціалъ-демократическій проектъ закона о защитѣ рабочихъ въ профессіональномъ и стачечномъ движеніи. Петиціи, которыя подавались рейхстагу, покрывались полумилліономъ подписей. Какъ во всякой страстной борьбѣ, и на этотъ разъ въ борцахъ пробудились нѣкоторыя надежды, которыя шли дальше преслѣдуемыхъ ими цѣлей. 1885-й годъ, начавшійся споромъ о пароходной субсидіи, окончился рѣзкой полемикой между Либкнехтомъ и Фирекомъ по вопросу о значеніи нормальнаго рабочаго дня; Фирекъ увлекся той иллюзіей, что нормальный рабочій день въ большей или меньшей степени поглотитъ резервную армію, въ то время какъ Либкнехтъ очень основательно доказывалъ, что нормальный рабочій день, какой бы крупный шагъ онъ самъ по себѣ ни представлялъ въ освободительной борьбѣ пролетаріата, все же онъ не въ состояніи дѣйствовать на самый корень всѣхъ бѣд

ствій капиталистическаго способа производства. Также и здѣсь законъ противъ соціалистовъ вызвалъ искусственные контрасты. „Соціалъ-демократъ“, изъ благихъ побужденій, совершенно умалчивалъ о профессіональномъ движеніи, въ то время, какъ „Recht auf Arbeit“, изъ такихъ же побужденій, удѣляло ему свое исключительное вниманіе. Такимъ образомъ, между этими двумя газетами возникъ неизбѣжный антагонизмъ, который подалъ поводъ Гэхбергу и К. А. Шрамму снова обмѣняться взглядами на современное рабочее движеніе.

Гэхбергъ, увлекшись лозунгами колоніальной политики, высказался въ „Recht auf Arbeit“ въ пользу налога на биржевыя цѣнности съ тѣмъ условіемъ, чтобы доходъ съ него былъ употребленъ на учрежденіе производительныхъ обществъ для рабочихъ. „Соціалъ-демократъ“ немедленно отвергъ это предложеніе, не забывъ при этомъ заслугъ Гэхберга передъ партіей; когда Гэхбергъ лѣтомъ 1885 года умеръ, партійный органъ посвятилъ ему теплый некрологъ, полный сердечной признательности. Болѣе рѣзкимъ оказалось столкновеніе со Шраммомъ, который вздумалъ совершить нападеніе на „догматъ марксизма“. Ни съ того, ни съ сего онъ поднялъ совершенно ненужный споръ, когда Каутскій помѣстилъ въ „Neue Zeit“ весьма серьезную и дѣльную статью, посвященную одному посмертному произведенію Родбертуса. Встрѣтивъ отпоръ, Шраммъ напечаталъ тогда, въ изданіи Фирека, брошюру о Родбертусѣ, Марксѣ и Лассалѣ, въ которой послѣдній былъ вдругъ поставленъ на такую высоту и притомъ, разумѣется, въ такихъ выраженіяхъ, противъ которыхъ самъ Лассаль—живи онъ теперь—весьма рѣшительно запротестовалъ-бы. „Соціалъ-демократъ“ раздѣлалъ эту брошюрку въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ статей, и Шраммъ, ничего не выигравъ, не остановился предъ новой безтактностью, попытавшись использовать ту непріязнь, которую еще возбу-

ждалъ въ нѣкоторыхъ сердцахъ партійный органъ. Съ Шенланкомъ, который разошелся въ это время съ Фирекомъ и сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ „Neue Zeit", Шраммъ также разсорился, чтобы быть раздѣланнымъ и въ третій разъ.

Несмотря на нѣкоторыя тактическія разногласія, партія старалась удержаться на достигнутой съ такимъ трудомъ высотѣ теоретическаго міропониманія. Больше того, она твердо подвигалась впередъ на завоеванныхъ высотахъ. „Соціалъ-демократъ" собралъ въ „Соціалъ-демократической Библіотекѣ" самыя выдающіяся сочиненія старѣйшей соціалистической литературы, въ то время, какъ „Интернаціональная Библіотека", которую Дитцъ издавалъ въ Штуттгартѣ, занялась новыми соціалистическими изслѣдованіями. Когда Шэффле сталъ теперь предсказывать „безнадежность соціалъ-демократіи", онъ, можетъ быть, успокоилъ этимъ нѣкоторыя полныя тревоги буржуазныя души, но въ партіи ему не удалось достичь никакой иной цѣли кромѣ той, что она уяснила себѣ слабыя мѣста его „Квинтъ-эссенціи соціализма", того самаго сочиненьица, которымъ десять и даже еще пять лѣтъ ому назадъ она восхищалась.

3. Разочарованіе Бисмарка.

Сколько бы буржуазная пресса, ликовавшая по поводу „разложенія соціалъ-демократіи", ни эксплоатировала въ свою пользу тактическія и теоретическія недоразумѣнія, которыя внесъ въ партію 1885 годъ, они не могли все-таки ввести надолго въ заблужденіе практическій умъ Бисмарка. Фирекъ однажды формулировалъ программу, такъ называемаго, „праваго крыла" въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ: отмѣна закона противъ соціалистовъ, неограниченная свобода союзовъ, фабричное законодательство по англійскому образцу, и эти требованія казались Бисмарку чѣмъ-то болѣе ужаснымъ, чѣмъ даже уничтоженіе частной

собственности, такъ какъ они непосредственно касались его собственныхъ интересовъ. Истинной цѣлью закона противъ соціалистовъ служило желаніе закабалить рабочій классъ, а отнюдь не необходимость отраженія „революціонныхъ вспышекъ“! Въ мозгу Бисмарка постепенно пробуждалась мысль о томъ, какъ неосновательно было его предположеніе, что нѣмецкій рабочіи классъ позволитъ на себѣ ѣздить любому юнкеру, вооруженному кнутомъ и сладенькимъ пряникомъ.

„Мягкая практика“ еще продолжалась, но уже обнаружились предвѣстники новыхъ козней и преслѣдованій. Въ самыхъ враждебныхъ выраженіяхъ оффиціозная пресса нападала на всякую стачку; частнымъ вспомогательнымъ кассамъ ставились одни препятствія за другими; а съ запрещеніемъ союза рабочихъ по металлу законъ противъ соціалистовъ впервые глубоко задѣлъ за живое профессіональное рабочее движеніе. Въ Бреславлѣ полиція закрыла типографію „Силезія“, единственнымъ владѣльцемъ которой былъ Крэккеръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она, якобы, принадлежитъ союзу, и имперская комиссія, даже не моргнувъ глазомъ, утвердила произведенную самымъ противозаконнымъ образомъ конфискацію имущества. Въ Билефельдѣ объявлено было на нѣсколько дней военное положеніе только потому, что бастующіе рабочіе фабрики швейныхъ машинъ, раздраженные своимъ „хлѣбодавцемъ“, демонстративно прошли мимо его дома. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ полицейскій комиссаръ Мейеръ приказалъ своимъ людямъ безъ всякаго повода бить обнаженными шашками провожавшихъ гробъ съ останками одного славнаго соціалъ-демократа. Эта ужасная похоронная бойня, въ которой было ранено отъ 30 до 40 лицъ, возмутила, конечно, даже самыхъ сонливыхъ филистеровъ. Мейеръ и нѣсколько его соучастниковъ были привлечены къ суду и приговорены къ высшей мѣрѣ наказанія, тремъ

мѣсяцамъ тюрьмы; въ это самое время папиросный рабочій Кюкельганъ въ Альтонѣ, который былъ уличенъ въ нѣсколькихъ случаяхъ въ распространеніи „Соціалъ-демократа“ былъ присужденъ къ $3^1/_2$ годамъ тюремнаго заключенія. Въ довершеніе всего этого императоръ тотчасъ же помиловалъ Мейера и его соучастниковъ для того, вѣроятно, чтобы никакого сомнѣнія не могло возникнуть на счетъ „правосудности“ этого знаменитаго „правового государства“.

Кромѣ того, Бисмаркъ сталъ теперь требовать отъ юстиціи того, что ему не могла дать полиція. Къ празднованію семидесятилѣтія дня его рожденія былъ открытъ всеобщій сборъ пожертвованій на какое-либо благородное національное дѣло, при чемъ патріотическіе предприниматели добрались также до бѣдныхъ рабочихъ, тысячи которыхъ должны были отдать имъ свои послѣдніе пфенниги, но когда было собрано, приблизительно, отъ двухъ до трехъ милліоновъ марокъ, Бисмаркъ наложилъ свою руку на большую половину этой суммы, чтобы на собранныя деньги вновь откупить часть своего родового имѣнія, ускользнувшую изъ рукъ его предковъ. Краска стыда, вызванная этимъ захватомъ, еще пылала на щекахъ его почитателей, когда этотъ геній возбудилъ цѣлый рядъ процессовъ противъ свободомыслящихъ и соціалъ-демократическихъ депутатовъ рейхстага, чтобы, опираясь на истлѣвшій уже параграфъ прусскаго государственнаго права, насильно отнять у нихъ какъ доходъ, „противорѣчащій требованіямъ честности“, взятыя изъ ихъ партійныхъ кассъ суточныя діэты. Все же по семи изъ этихъ процессовъ въ первыхъ инстанціяхъ были вынесены оправдательные приговоры; такимъ же образомъ потерпѣло крушеніе и другое судебное дѣло, затѣянное противъ кильскаго и неймюнстерскаго делегатовъ Копенгагенскаго конгресса и тянувшееся много лѣтъ. Требованіе возбудить противъ нихъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ было отклонено им-

церскимъ прокуроромъ. Потерпѣла также неудачу и попытка возбудить противъ нихъ въ мѣстныхъ судахъ обвиненіе въ принадлежности къ тайнымъ союзамъ. Наконецъ, саксонскій министръ юстиціи Абекенъ въ Хемницѣ, гдѣ Фольмаръ жилъ въ 1883 году, встрѣтилъ дружеское вниманіе хотя только у прокурора, если не въ судѣ. Тѣмъ не менѣе и въ Хемницѣ судъ оправдалъ всѣхъ девять обвиняемыхъ, такъ какъ не было ни малѣйшей улики противъ принадлежности ихъ къ тайному союзу, караемой уголовнымъ закономъ.

Въ ноябрѣ 1885 года рейхстагъ собрался во вторую сессію, и Бисмаркъ вскорѣ опять выступилъ со своими предложеніями. На первой очереди стоялъ вопросъ о водочной монополіи, въ связи съ которой имѣлось въ виду наполнить казну, а вмѣстѣ съ тѣмъ и карманы юнкеровъ. Сырье, идущее на винокуреніе, должно было быть выключено изъ рамокъ монополіи, и производителю должна быть гарантирована средняя цѣна въ 35 марокъ (при минимумѣ въ 30, максимумѣ въ 40) за гектолитръ, тогда какъ рыночная цѣна гектолитра равнялась 24 маркамъ. Какіе жирные куски выпали бы при этомъ на долю юнкеровъ, показываетъ уже одно винокуреніе Бисмарка, который въ своихъ померанскихъ имѣніяхъ ежемѣсячно выкуривалъ 900 гектолитровъ. Но такая бойкая монополія пришлась большинству рейхстага не по вкусу, и такъ какъ она была провалена, то юнкера ни разу не осмѣливались заикнуться о ней изъ боязни безцѣльно опозорить себя передъ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ. 27 марта 1886 года водочная монополія была отвергнута въ рейхстагѣ большинствомъ голосовъ противъ трехъ.

Одновременно съ этимъ рейхстагъ долженъ былъ рѣшить вопросъ о продленіи закона противъ соціалистовъ, и нѣкоторыя обстоятельства указывали на то, что Бисмаркъ охотно воспользовался бы этимъ случаемъ для того, чтобы немедленно распустить рейхс-

тагъ. Но если онъ дѣйствительно имѣлъ подобное намѣреніе, то вскорѣ онъ могъ убѣдиться въ томъ, что буржуазныя оппозиціонныя партіи не обнаруживали ни малѣйшаго желанія вызвать по этому вопросу конфликтъ. Какъ будто бы они и сами почувствовали нестерпимость закона о соціалистахъ; даже націоналъ-либералы, какъ Гнейстъ, напримѣръ, открыто высказывались о необходимости его отмѣны. Но „Соціалъ-демократъ" былъ правъ, когда, послѣ всякихъ такихъ разговоровъ, сухо заявлялъ: „Господствующіе классы рѣшатся на отмѣну закона противъ соціалистовъ лишь тогда, когда онъ на нихъ самихъ набросить петлю, но ни на одно мгновенье раньше того". Буржуазная оппозиція страдала старческой усталостью. Кивнувъ въ сторону постоянно бодрой и готовой къ борьбѣ соціалъ-демократіи, Бамбергеръ сказалъ, завистливо вздохнувъ: „У этихъ есть еще вѣра!" Свободомыслящіе были очень рады еще разъ безнаказанно повторить свои старыя тирады, а ультрамонтаны удовольствовались тѣмъ, что, подъ оглушительную канонаду, произведенную по поводу ихъ „смягчающихъ предложеній", отторгнули вспомогательную дружину, необходимую для того, чтобы вотировать продленіе исключительнаго закона. Фиглярство это никого больше не обмануло. По обыкновенію „смягчающія предложенія" полетѣли подъ столъ, а правительство сбавило лишь два годика со срока, на который предложено было продленіе этого закона.

Впрочемъ, правительство, которому не удалось провести никакихъ крупныхъ государственныхъ мѣропріятій, ничѣмъ не брезгало, довольствуясь тѣмъ, что оно могло получить. Путткамеръ извлекъ изъ цѣлаго мѣшка цитатъ только маленькій лоскутокъ, статью „Соціалъ-демократа", въ которой королева Луиза, прусская національная святыня, выставлялась въ свѣтѣ исторической правды. Далѣе Путткамеръ заговорилъ о рабочихъ безпорядкахъ, которые произошли-то даже

не въ Германіи, а въ Бельгіи. Въ то же время Бисмаркъ сдѣлалъ попытку исказить одно совершенно правильное замѣчаніе Бебеля относительно русскихъ дѣлъ такимъ образомъ, какъ будто нѣмецкая соціалъ-демократія проповѣдуетъ убійство. Онъ даже и Маркса заподозрилъ въ томъ, что тотъ „подготовлялъ убійцъ“, готовыхъ выступить противъ него, великаго Бисмарка. Дочери Маркса, пережившія отца, публично заявили тогда, что для послѣдняго Бисмаркъ былъ комической фигурой, а иногда — самое большее — весьма полезнымъ, но невольнымъ пособникомъ въ пролетарской революціи. Фантастическое подозрѣніе, что такой человѣкъ, какъ Марксъ, могъ посвятить себя тому, чтобы „подготовлять убійцъ“, ужъ не въ первый разъ показываетъ, насколько Марксъ былъ правъ, когда видѣлъ въ Бисмаркѣ, при всей его хитрости, въ высшей степени ограниченнаго прусскаго юнкера, совершенно неспособнаго понять какое-нибудь большое историческое движеніе. 31 марта продленіе закона о соціалистахъ было вотировано 169 голосами противъ 137, на два года, до 30 сентября 1888 года.

Но если буржуазная оппозиція очень скоро уступила системѣ Бисмарка-Путткамера, то соціалъ-демократическая фракція оказалась требовательнѣе. Во время дебатовъ, возникшихъ по поводу осаднаго положенія, Зингеръ извлекъ на свѣтъ Божій продѣлки одного провокатора, полицейскаго Иринга, который подъ именемъ механика Малова проникъ въ одинъ берлинскій рабочій союзъ, провоцируя здѣсь грубыя оскорбленія величества и распространяя анархистскія произведенія, подстрекалъ къ динамитнымъ покушеніямъ. Всѣ красивыя отговорки, которыми Путткамеръ отдѣлывался прежде отъ своихъ агентовъ—провокаторовъ, на этотъ разъ оказались не дѣйствительными: Ирингъ-Маловъ былъ штатный чиновникъ, который, по порученію своего высшаго начальства, но вопреки закону о союзахъ, подъ фальшивой маской

шпіонилъ въ рабочемъ союзѣ, терпимомъ закономъ о соціалистахъ. Ужъ одно это подтверждало подозрѣніе въ преступности его намѣреній, подозрѣніе, которое цѣлымъ рядомъ неоспоримыхъ свидѣтельскихъ показаній было превращено въ безусловную достовѣрность.

Понятно, что Путткамеръ старался принять, по обыкновенію, важную позу, чтобы ослабить значеніе этихъ разоблаченій. „Совершенный комедіантъ", крикнулъ ему одинъ свободомыслящій депутатъ. Все же онъ оказался послѣдовательнымъ въ томъ, что представилъ въ распоряженіе несчастнаго носителя системы всѣ средства искупленія, которыми располагало правительство. Прокурору предложено было привлечь къ суду за клевету обвинителей Иринга-Малова писателя Христензена и каменщика Берндта, и въ судебныхъ засѣданіяхъ обоихъ инстанцій должностные начальники провокатора горячо выступали въ его защиту. По ихъ клятвеннымъ увѣреніямъ, это былъ самый безукоризненно честный человѣкъ; они готовы скорѣе себя самихъ обвинить въ недостаточной осторожности, чѣмъ заподозрить въ чемъ-либо дурномъ самого Иринга. Да и какъ могли бы они такому правдивому человѣку дать порученіе, ради котораго онъ отъ начала до конца долженъ былъ лгать, лгать и лгать! Съ наслажденіемъ говорили они о томъ „цѣнномъ матеріалѣ", который доставилъ Ирингъ, въ то время, какъ послѣдній самъ признался, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ своихъ классическихъ отчетахъ ошибочно смѣшивалъ постоянно Маркса и Моста. Даже на буржуазный міръ произвелъ глубокое впечатлѣніе тотъ фактъ, что все существованіе честныхъ людей находится въ зависимости отъ болтовни подобныхъ невѣжественныхъ покровителей. Только судъ присяжныхъ, подъ предсѣдательствомъ короннаго судьи Бардизіуса, обнаружилъ еще достаточно патріотизма, присудивъ обоихъ обвиняемыхъ къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы; въ областномъ судѣ

весь оффиціальный аппаратъ доказательствъ рухнулъ подъ давленіемъ собраннаго и выставленнаго противъ Иринга богатаго обвинительнаго матеріала, и обвиняемые, которые ничего, кромѣ чистой правды, не говорили, были оправданы. Но Путткамеръ и здѣсь остался вѣренъ себѣ, давъ изобличенному судомъ провокатору „блестящее удовлетвореніе“ въ видѣ особаго почетнаго знака, выданнаго также и полицейскому Напорра, который недолго спустя самъ попался въ подобныхъ же продѣлкахъ.

Все-таки молоко „мягкой практики“, которое уже больше не пришлось по вкусу системѣ Басмаркъ-Путткамера, свернулось въ бродящій драконовскій ядъ, когда соціалъ-демократія осмѣлилась задѣть штатныхъ провокаторовъ. Несмотря на всѣ свои героическія потуги, система эта должна была втайнѣ признаться, что весною 1886 года методъ коррупціи оказался настолько же несостоятельнымъ, какъ и методъ голаго насилія осенью 1881 года.

Глава седьмая.

Предсмертныя судороги закона противъ соціалистовъ.

Третій и послѣдній періодъ закона противъ соціалистовъ продолжался, какъ и второй, $4^1/_2$ года и тоже состоялъ изъ трехъ періодовъ, но не одинаковой продолжительности. Съ весны 1886 года до весны 1888 года длились предсмертныя судороги исключительнаго закона, и въ это время чудовище, схваченное за горло крѣпкой рукой пролетаріата, въ послѣдній разъ окинуло окружающихъ дикимъ взглядомъ; съ осени 1888 до осени 1890 года доверіпалось уже его окончательное крушеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и крушеніе всей системы Бисмарка; въ этотъ же промежутокъ времени

на престолъ вступилъ новый императоръ. Наступило 99-дневное царствованіе Фридриха.

Предсмертныя судороги исключительнаго закона протекли такъ, какъ онѣ обыкновенно протекаютъ. „Nationalzeitung“ замѣтила, по-своему, совершенно правильно, когда она въ 1886 году писала, что въ примѣненіи закона противъ соціалистовъ никакими принципами не руководствовались; но отдѣльныя распоряженія правительства указываютъ на то равнодушіе въ выборѣ средствъ, которое, обыкновенно, обнаруживаютъ представители существующаго строя наканунѣ крупныхъ потрясеній. Націоналъ-либеральная газета сослалась именно на стремленіе Бисмарка привлечь правосудіе на сторону тѣхъ обязанностей, которыхъ не могла выполнить полиція. Съ буржуазной точки зрѣнія, это было, безъ сомнѣнія, очень подозрительно, тѣмъ болѣе подозрительно, что тогдашнее оффиціальное правосудіе въ первые годы существованія закона противъ соціалистовъ опять-таки давало очень скупой свѣтъ. Бебель однажды сказалъ: „Что бы тамъ ни говорили, все же юстиція — не полиція“. И теперь сызнова открыть глаза широкимъ народнымъ массамъ на сущность классовой юстиціи безспорно значило,—изъ-за гадательныхъ выгодъ, поколебать по извѣстному выраженію, самую сильную опору классового господства. Но что же оставалось отчаявшимся носителямъ этой системы послѣ того, какъ полицейское насиліе такъ же, какъ и полицейскій подкупъ, потерпѣли безнадежное крушеніе?

Поскольку жестокіе акты насилія, непосредственно слѣдовавшіе тотчасъ послѣ третьяго продленія закона противъ соціалистовъ, имѣли вообще какой-либо внутренній смыслъ, то смыслъ этотъ впослѣдствіи раскрылся въ словахъ Бисмарка, сказавшаго, что вопросъ о соціалистахъ былъ для него лишь „тактическимъ“ вопросомъ. Таково же было мнѣніе и „Соціалъ-демократа“, который весною 1886 года неустанно повторялъ, что

новый потокъ жестокихъ преслѣдованій имѣлъ цѣлью вызвать пролетарскія возстанія для того, чтобы получить возможность, посредствомъ сильнаго кровопусканія, добиться еще хоть одной короткой отсрочки для этой умирающей апоплексической системы.

I. Циркуляръ о стачкахъ и процессы о тайныхъ союзахъ.

11 апрѣля появился циркуляръ Путткамера о стачкахъ, а мѣсяцемъ позже было объявлено, что разрѣшеніе на созывъ публичныхъ собраній въ Берлинѣ должно быть испрашиваемо у полиціи; еще нѣкоторое время спустя запрещена была въ Берлинѣ и Альтонѣ уличная продажа печатныхъ произведеній. Такимъ образомъ, въ столицѣ имперіи использованы были всѣ полномочія, вытекающія изъ 28 параграфа исключительнаго закона. Во всѣхъ мѣстностяхъ, объявленныхъ на осадномъ положеніи, практика высылокъ приняла новые размѣры; къ этому надо прибавить, что на пограничный провинціальный городокъ Шпрембергъ было распространено малое осадное положеніе по той причинѣ, что принятые на службу рекруты отвѣчали на грубости полицейскаго пѣніемъ рабочей марсельезы.

Ничто лучше не характеризовало оффиціальную „соціальную реформу", какъ то, что первый актъ насилія коснулся профессіональнаго движенія. Самъ по себѣ циркуляръ о стачкахъ не заключалъ въ себѣ ничего новаго; онъ только обращалъ вниманіе полицейскихъ властей на то, что, послѣ свободы, временно предоставленной профессіональнымъ организаціямъ, нужно опять выступить съ репрессіями, т. е. снова взяться за ту практику, которая примѣнялась тотчасъ же послѣ изданія закона противъ соціалистовъ. Лицемѣрно предъявленное при этомъ требованіе уважать въ отношеніи рабочихъ свободу союзовъ напоминало какъ разъ сдѣланныя въ этомъ же смыслѣ Бисмаркомъ и Эйленбургомъ лицемѣрныя увѣренія

во время обсужденія въ рейхстагѣ исключительнаго закона. Циркуляръ о стачкахъ немедленно сталъ примѣняться самымъ безпощаднымъ образомъ; чтобы задушить начавшееся весной профессіональное движеніе плотниковъ, были высланы вожди берлинскихъ каменщиковъ, хотя они никогда никакого отношенія не имѣли къ политической рабочей партіи; были распущены спеціальный союзъ каменщиковъ и комиссія прессы плотниковъ, хотя они никогда не имѣли ничего общаго съ политической рабочей партіей. Ту же участь раздѣлили три союза работницъ и многіе окружные рабочіе союзы, въ одномъ изъ которыхъ былъ изобличенъ провокаторъ Ирингъ-Маловъ. Въ маѣ мѣсяцѣ было отказано въ Берлинѣ въ разрѣшеніи 47 собраніямъ, изъ которыхъ 33 профессіональныхъ; каменщики и столяры цѣлыми годами не могли устраивать никакихъ собраній. Какъ въ Берлинѣ, такъ и повсюду въ провинціи, профессіональное движеніе безпощадно подавлялось.

Буржуазные классы смотрѣли на это полицейское бѣснованіе съ плохо скрываемымъ чувствомъ удовлетворенія. Если поднимался какой-нибудь протестъ, то онъ исходилъ отъ прозорливыхъ крупныхъ промышленниковъ; цеховые же мастера, напротивъ, открыто выражали свою радость; одна депутація мастеровъ строительнаго цеха даже весьма опредѣленно ходатайствовала у Путткамера по поводу циркуляра о стачкахъ. Когда соціалъ-демократическая фракція въ рейхстагѣ сдѣлала запросъ по поводу этого циркуляра, то, какъ слѣдуетъ, говорили только ея ораторы; что касается буржуазной оппозиціи, то Бамбергеръ „выразилъ надежду“, что циркуляръ не задушитъ свободы союзовъ; Виндгорстъ въ это же время заявилъ, что, покуда существуетъ законъ противъ соціалистовъ, циркуляръ этотъ не является противозаконнымъ. Ободренный такимъ образомъ, Путткамеръ пустился ругать агитаторовъ, которые „жирѣютъ“ насчетъ пота рабо-

чихъ и „глотаютъ сбереженія, добытыя ихъ тяжкимъ трудомъ“. Кромѣ того, изъ-за каждой стачки, заявилъ онъ, выглядитъ гидра революціи. Это крылатое словечко не было такъ глупо, какъ оно казалось, ибо, во всякомъ случаѣ, стачки были начальными школами пролетарской классовой борьбы; но, разумѣется, Путткамеръ говорилъ въ данномъ случаѣ не въ историческо-психологическомъ, а въ чиновно-полицейскомъ и буржуазно-эксплоататорскомъ смыслѣ. Свобода союзовъ дала, по его мнѣнію, плоды, „достойные крайняго сожалѣнія“, а самую цѣнность этой свободы онъ считалъ въ „высшей степени сомнительной“. Все это буржуазная оппозиція выслушала молчаливо, такъ что даже сама „Франкфурткская Газета“ сочла возможнымъ возложить на рейхстагъ большую часть отвѣтственности за то, что полицейское государство все шире и шире расцвѣтаетъ.

И расцвѣтъ этотъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій. Такъ какъ съ профессіональнымъ движеніемъ, судя по прежнимъ опытамъ, трудно было справиться однимъ закономъ о соціалистахъ, то его, кромѣ того, пришлось душить посредствомъ различныхъ судебныхъ махинацій. Прежде всего былъ до крайнихъ предѣловъ растянутъ гибкій, какъ каучукъ, параграфъ промысловаго устава, направленный противъ устройства стачекъ. Обвинительныхъ приговоровъ, вынесенныхъ на основаніи этого параграфа, было въ 1886 году не меньше 179, тогда какъ въ 1882 году ихъ было только 5. Тамъ же, гдѣ нельзя было примѣнить этого параграфа, его замѣняли соотвѣтствующими статьями уголовнаго уложенія о безчинствѣ, принужденіи и насиліи. Кульминаціоннаго пункта достигъ въ этой практикѣ имперскій судъ, согласно постановленію котораго подстрекательство къ прекращенію работы безъ соблюденія установленнаго срока подводилось подъ § 110 уголовнаго уложенія, каравшій даже и не имѣвшій послѣдствій призывъ къ неповиновенію законамъ или равно-

значущимъ имъ распоряженіямъ, въ высшей мѣрѣ двумя годами тюрьмы, между тѣмъ какъ § 111 угрожалъ за такой же призывъ къ преступнымъ дѣяніямъ въ высшей мѣрѣ однимъ годомъ тюрьмы. Такимъ образомъ, по опредѣленію высшей судебной инстанціи, рабочіе, которые подстрекаютъ къ нарушенію контракта съ предпринимателемъ, могутъ быть наказуемы двумя годами тюрьмы, а преступники, подстрекающіе къ убійству и грабежу, караются лишь, въ высшей мѣрѣ, однимъ годомъ тюрьмы.

Далѣе была сдѣлана попытка подвергнуть полицейскому контролю профессіональныя организаціи, какъ страховыя учрежденія, которыя, согласно уголовному уложенію, должны имѣть разрѣшеніе отъ полицейскаго начальства. Особенно строго должны были примѣняться статьи большинства нѣмецкихъ законовъ о союзахъ, которыя запрещали объединеніе политическихъ союзовъ. Политическій характеръ профессіональныхъ организацій устанавливался очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что суды признавали вопросы законодательной защиты рабочихъ „политическими". Такъ, союзъ столяровъ въ Альтонѣ подалъ петицію въ рейхстагъ о законодательномъ регулированіи рабочаго времени, при чемъ позаимствовалъ нѣкоторые петиціонные листы у одного столярнаго союза въ Гамбургѣ, который подалъ такую же петицію. За это послѣдовало полицейское распоряженіе о закрытіи союза въ Альтонѣ подъ тѣмъ превосходнымъ предлогомъ, что онъ, воспользовавшись чужими петиціонными листами, „вступилъ въ единеніе" съ другимъ „политическимъ" союзомъ. Прокуроръ потребовалъ по 4 недѣли тюрьмы для членовъ правленія, и если судъ присудилъ только по 30 марокъ штрафа, то все же это должно было подтвердить, что полиція дѣйствовала правильно; рѣшеніе это утвердилъ и имперскій судъ въ качествѣ послѣдней инстанціи.

Приведенные примѣры характеризуютъ далеко не

всѣ, но все же нѣкоторыя особенно милыя пытки, которымъ подвергалось профессіональное движеніе. И если, несмотря на это, послѣднее не удалось задушить, то въ этомъ, конечно, заслуга рабочихъ, обнаружившихъ удивительное терпѣніе и настойчивость. Имъ, дѣйствительно, нечего было стыдиться трэдъ-юніоновъ, которымъ никогда не приходилось бороться съ подобными неслыханными въ современныхъ государствахъ препятствіями. Утонченныя преслѣдованія, которымъ подвергалось профессіональное движеніе, не остались, конечно, безъ вліянія на развитіе классоваго самосознанія пролетаріата, получившее значительный толчекъ впередъ. Очевидная односторонность, съ какой власти классоваго государства преслѣдовали въ рабочихъ союзахъ то, что дозволялось союзамъ предпринимателей, — односторонность, съ какой преднамѣренно закрывались глаза на самыя грубыя нарушенія предпринимателями законовъ о коалиціяхъ и союзахъ, въ то время, какъ самая осторожная и осмотрительная организаціонная дѣятельность рабочихъ встрѣчала постоянно новыя препятствія — посѣяла сѣмена, изъ которыхъ выросли потомъ закаленные въ бою люди.

Юстиція помогала также искорененію не только экономическихъ, но и политическихъ организацій рабочаго класса. Оффиціозная пресса встрѣтила самыми откровенными угрозами оправдательные приговоры первой инстанціи въ процессахъ о партійныхъ діэтахъ, но зато ей дали глубокое удовлетвореніе обвинительные приговоры во второй инстанціи по тѣмъ же дѣламъ. Имперскій судъ также кассировалъ оправдательный приговоръ, вынесенный въ хемницкомъ процессѣ по дѣлу о тайномъ союзѣ, передавъ это дѣло на вторичное разсмотрѣніе фрейбергскаго суда, который понятіе „союзъ" истолковалъ такимъ образомъ, что адвокатъ Мункель долженъ былъ замѣтить фрейбергскимъ судьямъ: „Къ счастью, высшее судилище имперіи разъяснило, что только тогда можно говорить

о „союзѣ“, когда онъ является средоточіемъ общественной дѣятельности, ибо въ противномъ случаѣ каждой семьѣ угрожала бы опасность быть разсматриваемой, какъ „союзъ“ въ смыслѣ уголовнаго уложенія.

4 августа 1886 года фрейбергскій окружный судъ приговорилъ Ауэра, Бебеля, Фроме, Ульриха, Фирека и Фольмара, каждаго къ 9 мѣсяцамъ тюрьмы, и Дитца, Гейнцеля и Мюллера — къ 6 мѣсяцамъ, на основаніи § 129 уголовнаго уложенія, согласно которому участіе въ союзѣ, задавшемся цѣлью препятствовать незаконными средствами принимаемымъ начальствомъ мѣрамъ или исполненію основанныхъ на законахъ распоряженій, карается тюрьмой до одного года. Такъ какъ на Копенгагенскомъ конгрессѣ доложенъ былъ отчетъ о состояніи „Соціалъ-демократа“, общее направленіе котораго было единогласно одобрено всѣми делегатами, то обвиняемые своимъ „заключительнымъ поступкомъ“ присоединились къ союзу, существованіе котораго, хотя и не доказанное судомъ, было послѣднимъ заранѣе принято какъ предположеніе.

Фрейбергскій приговоръ открылъ собой настоящій потокъ процессовъ по дѣламъ о тайныхъ союзахъ во всѣхъ значительныхъ центрахъ рабочаго движенія. Сами по себѣ эти процессы такъ же мало, какъ и циркуляръ о стачкахъ, представляли собой интересъ новизны. До фрейбергскаго процесса въ продолженіе почти 8 лѣтъ было возбуждено 24 дѣла о тайныхъ союзахъ; изъ нихъ 6 окончилось оправдательными приговорами, 10 — пріостановленіемъ производства, а въ 8 дѣлахъ (Франкфуртъ 1880, Мюнхенъ и Познань 1882, Штеттинъ 1883, Бреславль 1884, Мюнхенъ, Альтона, Аугсбургъ 1886) послѣдовали обвинительные приговоры. Съ начала августа 1886 года до конца января 1889 года, т. е. въ продолженіе 2½ лѣтъ, опять было возбуждено 55 дѣлъ о тайныхъ союзахъ, изъ которыхъ только 10 окончилось прекращеніемъ и только 8—оправдательными приговорами; по 33 дѣламъ вынесены были

обвинительные приговоры въ общемъ 236 лицамъ, между ними 4 дѣла еще находились въ производствѣ. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимало эльберфельдское дѣло о тайномъ союзѣ, по которому въ концѣ 1889 года, послѣ долгаго слѣдствія, было привлечено на скамью подсудимыхъ 87 лицъ. Дѣло это было возбуждено съ той цѣлью, чтобы, на ряду съ мѣстнымъ тайнымъ союзомъ, открыть еще всеобщій германскій тайный союзъ, руководимый, яко бы, парламентской фракціей, послѣ чего, въ заключеніе всего этого похода предполагалось возбудить дѣло о принадлежности къ тайному союзу всѣхъ членовъ фракціи. Однако, въ эльберфельдскомъ дѣлѣ потерпѣла позорное пораженіе не партія, но самая система процессовъ противъ тайныхъ союзовъ. Если эти процессы не раскрыли ничего кромѣ того, что, благодаря достойной проклятія системѣ шпіонства, честные рабочіе попадали подъ судъ, который, на основаніи искусственныхъ толкованій уголовнаго уложенія, каралъ ихъ за такія дѣянія, которыя вполнѣ безнаказанно сходили съ рукъ другимъ классамъ общества, — зато процессъ въ Эльберфельдѣ раскрылъ такія диковинныя вещи, что даже прирученные либеральные органы съ содроганіемъ воскликнули: довольно позора! Эра процессовъ о тайныхъ союзахъ пришла въ упадокъ, скорѣе благодаря всеобщему негодованію, которое они вызвали, чѣмъ резолюціи эльберфельдскаго суда, гласившей, что существованіе всеобщаго союза Германіи, во главѣ котораго стояла бы вся фракція, ничѣмъ не доказано, вопреки „тяжкимъ подозрѣніямъ“. Во всякомъ случаѣ, 43 обвиняемыхъ были оправданы, а 44 за принадлежность къ мнимому мѣстному тайному союзу были присуждены слишкомъ къ десяти годамъ тюрьмы.

Рядомъ съ процессами о тайныхъ союзахъ усиленно возбуждались также и другіе процессы, обычные со времени изданія закона о соціалистахъ. Когда, въ сентябрѣ 1886 года, высланному изъ Лейпцига то-

варищу Шуману нѣкоторые изъ его друзей устроили проводы, неся при этомъ на палкѣ красный платокъ, то четверо полицейскихъ въ штатскомъ платьѣ набросились на нихъ съ цѣлью завладѣть платкомъ. Двое этихъ сыщиковъ, не предъявившихъ никакихъ удостовѣреній и не сказавшихъ даже, что они полицейскіе, были побиты, впрочемъ, безъ какого-либо вреда для ихъ драгоцѣннаго здоровья. Однако, Шуманъ и его друзья были привлечены къ отвѣтственности по обвиненію въ мятежѣ, и 11 изъ нихъ были присуждены къ $10^1/_2$ годамъ смирительнаго дома и $12^1/_2$ годамъ тюрьмы. Шуманъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ смирительномъ домѣ, другой изъ осужденныхъ сошелъ съ ума. Старая еще во дни прусской реакціи изобрѣтенная Мантейфелемъ система морить въ предварительномъ заключеніи такихъ обвиняемыхъ, противъ которыхъ нѣтъ никакихъ или имѣется очень мало уликъ, снова расцвѣла — и не только въ одной Пруссіи. По тремъ гамбургскимъ процессамъ обвиняемые должны были вынести 15 лѣтъ предварительнаго заключенія, чтобы потомъ быть оправданными или-же присужденными къ наказанію тюремнымъ заключеніемъ, которое въ общей сложности не достигало и 6 лѣтъ.

Въ подобныхъ конвульсіяхъ захирѣлъ этотъ подкидышъ закона противъ соціалистовъ, но нѣмецкіе рабочіе узнали разъ навсегда, что такое классовая юстиція.

2. Выборы на масляной.

Между тѣмъ Бисмарку надо было рѣшить вопросъ, что дѣлать съ выжатымъ лимономъ, который представлялъ теперь рейхстагъ. Помимо всего остального, слѣдовало ждать перемѣны на тронѣ. Императоръ могъ со дня на день умереть, и къ тому времени, когда кронпринцъ возьмется за управленіе, Бисмаркъ долженъ былъ имѣть въ рейхстагѣ услужливое большинство.

Хотя въ вопросахъ о покровительственныхъ пошлинахъ и о законѣ противъ соціалистовъ рейхстагъ показалъ себя послушнымъ, однако, съ водочной монополіей нельзя было вести никакой выборной агитаціи, да и колоніальная политика, благодаря различнымъ „щелчкамъ“, оказалась тоже далеко не неуязвимой, поэтому Бисмарку представлялось одно средство — одурачить массы избирателей, то-же самое средство, которое ему помогло во время его перваго успѣшнаго „плебисцита“, именно, призракъ войны. Годомъ раньше, въ ноябрѣ 1886 года, онъ потребовалъ возобновленія септенната, кончавшагося только весной 1888 года, вмѣстѣ съ увеличеніемъ кадровъ арміи для мирнаго времени на 41,175 человѣкъ, а военнаго бюджета на 23 милліона марокъ. Это средство имѣло для него еще то преимущество, что буржуазная оппозиція съ трудомъ могла отъ него отдѣлаться, потому что въ вопросѣ о септеннатѣ были сильно затронуты какъ свободомыслящіе, такъ и ультрамонтаны.

Со всѣмъ тѣмъ буржуазная оппозиція, испугавшись борьбы, тотчасъ же стала отступать. Когда въ январѣ 1887 года началось второе чтеніе проекта, то она не только согласилась дать и людей, и деньги, но принесла даже въ жертву принципъ ежегоднаго вотированія бюджета, отстаивая трехлѣтную смѣту военныхъ расходовъ вмѣсто семилѣтней. Имѣя основаніе думать, что и это сопротивленіе до третьяго чтенія можетъ исчезнуть, Бисмаркъ тотчасъ же послѣ перваго голосованія во время второго чтенія, оказавшагося за трехлѣтіе и противъ семилѣтія, распустилъ рейхстагъ, назначивъ на масляницу, 21 февраля, новые выборы.

Соціалъ-демократическая фракція, будучи, разумѣется, свободна отъ слабости буржуазной оппозиціи, не дала „ни одного солдата и ни одного гроша“. Она отвергла законъ о септеннатѣ такъ же, какъ и весь военный бюджетъ. Но поскольку борьба велась между

Бисмаркомъ и буржуазной оппозиціей, между правительствомъ и рейхстагомъ, она поддерживала буржуазную оппозицію, которая, благодаря этому, получила большинство; она защищала принципіально ту точку зрѣнія, что рейхстагъ, а не правительство долженъ утверждать военный бюджетъ. Она приняла вызовъ въ той формѣ, въ какой онъ былъ брошенъ, защищая права буржуазной оппозиціи энергичнѣе, чѣмъ сама послѣдняя. Свободомыслящіе, по обыкновенію, играли роль невинно преслѣдуемыхъ овечекъ, для которыхъ жестокосердый Бисмаркъ ни разу не согласился на трехлѣтіе вмѣсто семилѣтія, хотя все остальное они ему давали съ полной готовностью. Ультрамонтаны-же усматривали, съ тактической точки зрѣнія, свой партійный интересъ только въ томъ, чтобы сохранить права буржуазнаго парламентаризма. И, пожалуй, они держались болѣе стойко, чѣмъ свободомыслящіе. Когда Бисмаркъ забылся до такой степени, что позволилъ себѣ то, что во время „культуркампфа“ онъ самъ заклеймилъ, какъ національный позоръ, призвавъ на помощь противъ центра папу, намѣреваясь признать такимъ образомъ третейскимъ судей во внутреннихъ дѣлахъ Германіи иностраннаго государя, то Виндтгорстъ самъ огрызнулся на святого отца, который отдался печальному долгу служенія любви. Ультрамонтанскій вождь былъ свободенъ отъ всякаго пристрастія къ новѣйшему конституціонализму; онъ видѣлъ свой политическій идеалъ чуть ли не въ феодальномъ государственномъ устройствѣ герцогства Аренбергъ — Меппенъ, и, какъ бывшій вельфскій министръ юстиціи, имѣлъ богатый опытъ въ политическихъ аферахъ. Но онъ понималъ, что такая недавно лишь возникшая партія меньшинства, какъ центръ, не должна позволить совершенно раскрошить права рейхстага. Кромѣ того, ультрамонтаны, принявшіе близкое участіе въ корыстолюбивой хозяйственной политикѣ Бисмарка, считали

весьма настоятельнымъ освѣжить въ глазахъ своихъ католическихъ избирателей репутацію борцовъ за „истину, свободу и право“.

Съ другой стороны, обѣ консервативныя фракціи вмѣстѣ съ націоналъ-либералами объединились въ картель, которая шныряла около Бисмарка, какъ вокругъ своего знаменосца. Такое же самое объединеніе произошло десять лѣтъ тому назадъ между крупными землевладѣльцами и крупными промышленниками, положившее начало реакціонной эпохѣ, однако съ той только разницей, что націоналъ-либеральные крупные промышленники со своей крайне неустойчивой политикой очутились цѣликомъ подъ башмакомъ консервативныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. „Kreuz zeitung“ подала сигналъ къ образованію картели, и Бамбергеръ объяснилъ это иностранное слово очень удачно въ слѣдуюшихъ выраженіяхъ: феодальные юнкера востока стягиваются въ имперскую крѣпость, а либеральные горожане запада подыгрываютъ имъ.

Выборная борьба съ самаго начала была разбита изъ-за слабости буржуазной оппозиціи. Съ этой принципіально нерѣшительной и хилой половинчатостью, трехлѣтіе или семилѣтіе? — очень трудно было навербовать большія массы избирателей. Бисмаркъ пустилъ въ ходъ болѣе сильный козырь въ видѣ избирательнаго лозунга: война или миръ? Въ то время, какъ вся полиція поставлена была на ноги для того, чтобы противодѣйствовать предвыборной агитаціи оппозиціонныхъ партій, весь механизмъ оффиціальной и оффиціозной прессы пущенъ былъ въ ходъ для того, чтобы въ самыхъ глухихъ уголкахъ имперіи распространить ту ложь, что будто тотчасъ-же за побѣдой оппозиціонныхъ партій послѣдуетъ объявленіе французами войны нынѣ совершенно беззащитной Германіи. Правительственныя газеты распространяли ложныя извѣстія о закупкѣ французами лошадей и о военныхъ вооруженіяхъ, о заготовленіи мелинитовыхъ

бомбъ и пикриновой кислоты и, чтобы придать этому вздору надлежащій вѣсъ, были изданы указы, запрещающіе вывозъ лошадей изъ Германіи; и въ совершенно необычное время, въ февралѣ, были призваны многочисленные резервисты и ополченцы для упражненій съ новымъ оружіемъ. Картельные братья показали себя достойными своего героя. Они массами распространяли карты, которыя ложными данными и цифрами должны были доказать, что на нѣмецкихъ границахъ собраны французскіе отряды, которымъ нѣтъ возможности противопоставить нынѣ сильнаго нѣмецкаго войска. Рядомъ съ этимъ они распространяли самыя грубыя лубочныя картинки, изображавшія, какъ французскіе солдаты въ красныхъ штанахъ оскорбляли нѣмецкихъ женщинъ, угоняли скотъ, поджигали цѣлыя деревни. „Соціалъ-демократъ" писалъ: „Это были не выборы, а какое-то клокотанье, какая-то напасть, моральное и физическое насильничаніе, плебисцитъ въ самомъ дурномъ наполеоновскомъ смыслѣ, лишь болѣе суровый, лицемѣрный и лживый, чѣмъ послѣдній, что объяснялось болѣе низкой ступенью образованія нашего юнкерства. Такъ неуклюже и грубо не могъ поступать Бонапартъ Маленькій, — французская культура, которая въ общемъ, къ сожалѣнію, превосходитъ нашу, ставила ему строгія рамки". Именно, на эту-то французскую культуру и разсчитывали картельные патріоты. Если-бы шовинисты французской буржуазіи не оказались въ десять разъ приличнѣе и разсудительнѣе патріотовъ, спекулировавшихъ на это превосходство, то изъ выборной торговли неминуемо возгорѣлась бы новая франко-прусская война.

Несмотря на свои вскользь брошенныя фразы о страхѣ, который никогда не найдетъ отклика въ нѣмецкихъ сердцахъ, и о нѣмцахъ, которые, кромѣ Бога, никого больше на свѣтѣ не боятся, Бисмаркъ явно сознавалъ, что его деспотизмъ, въ послѣдней инстанціи, имѣетъ своимъ основаніемъ слѣпоту и трусость

нѣмецкихъ филистеровъ, которыя являлись постоянно его защитницами, и которымъ онъ недаромъ молился. Изъ страха за послѣднюю корову, которой, долженъ былъ бы лишиться, онъ, какъ говорится, пожертвовалъ своими послѣдними волами, — 21 февраля подано было на полтора милліона голосовъ больше, чѣмъ въ какихъ-либо предыдущихъ выборахъ въ рейхстагъ, и день масляницы далъ картельное большинство.

Истинному государственному мужу,—полагая, что истинный государственный мужъ могъ бы унизиться до такихъ махинацій, — конечно, стало бы страшно отъ подобной побѣды. Политически незрѣлыя массы избирателей, которыхъ слѣпой страхъ пригналъ къ урнамъ, представляютъ собой лишь колеблющійся отъ вѣтра тростникъ; но даже и онѣ вовсе не дали правительству абсолютнаго большинства всѣхъ поданныхъ голосовъ. За картель круглымъ счетомъ было подадо $3^1/_2$ милліона голосовъ, противъ картели — 4 милліона. И если бы мандаты были распредѣлены пропорціально числу голосовъ, то въ рейхстагъ, не смотря ни на что, попало бы лишь картельное меньшинство. Ультрамонтанскіе кандидаты получили, вопреки ожиданіямъ императора и папы, почти на четверть милліона голосовъ больше, чѣмъ въ 1884 году; и даже потеря свободомыслящихъ сравнительно съ 1884 годомъ выразилась въ цифрѣ, немногимъ большей 20,000 голосовъ.

Особенный успѣхъ имѣла соціалъ-демократія, единственная оппозиціонная партія, которая вела борьбу со строгой принципіальностью. Она объединила 763,128 голосовъ въ пользу своихъ кандидатовъ — 10,1% всѣхъ поданныхъ на выборахъ голосовъ, на 213,038 голосовъ больше, чѣмъ въ 1884 году. Во всѣхъ прусскихъ провинціяхъ, почти во всѣхъ среднихъ и мелкихъ государствахъ движеніе сильно разрослось такъ же, какъ и въ южной и юго-западной Германіи, гдѣ ложь о войнѣ энергичнѣе всего распр о

странялась; только въ Гессенѣ и Эльзасъ-Лотарингіи, но нигдѣ больше, число голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократовъ, не увеличилось, а даже, напротивъ, немного упало. При этомъ партію сильнѣе всего давило бремя избирательной борьбы. Она должна была бороться при совершенно тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ 1878 и 1881 годахъ. Наканунѣ сраженія безъ малѣйшаго повода было объявлено малое осадное положеніе во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ, съ единственной цѣлью стѣснить Майнскій округъ, который, на прежнихъ выборахъ, несмотря на законъ о соціалистахъ, держалъ себя очень смѣло; и чтобы напередъ внушить необходимый страхъ, изданные тогда же приказы о высылкѣ застигли свои жертвы, среди которыхъ были и отцы семействъ, у самой рождественской елки, что весьма отвѣчало тому духу „практическаго христіанства", которымъ Бисмаркъ такъ хвасталъ. Во время избирательной борьбы малое осадное положеніе было распространено, послѣ долгаго сопротивленія гессенскаго правительства, на Оффенбахъ, вскорѣ послѣ того и на Штеттинъ. Здѣсь было распущено, безъ всякаго основанія, предвыборное собраніе рабочихъ, вслѣдъ за чѣмъ переодѣтые полицейскіе вызвали передъ зданіемъ, въ которомъ происходило собраніе, небольшую тревогу. Вмѣшательство военной силы, „энергично" пустившей въ ходъ штыки, спасло столицу Помераніи; многіе рабочіе были при этомъ легко, а иные тяжело ранены, кромѣ одного убитаго; послѣ этого посыпались указы о высылкахъ. Но новыя мѣстности, объявленныя на осадномъ положеніи, оказались не хуже старыхъ; поразительный приростъ соціалъ-демократическихъ голосовъ былъ отвѣтомъ, брошеннымъ ими въ лицо своимъ мучителямъ. 93,000 голосовъ въ Берлинѣ, 65,000 — въ Гамбургъ-Альтонѣ, 30,000 — въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ, 9,000 — во Франкфуртѣ, 7,000 — въ Оффенбахѣ, 4,000 — въ Штеттинѣ, 4,000 — въ Коттбусъ-

Шпрембергѣ: больше четверти соціалъ-демократическихъ голосовъ пришлось на долю мѣстностей, находившихся на осадномъ положеніи. Въ 23 чисто городскихъ избирательныхъ округахъ имперіи партія получила 36,7% общаго числа поданныхъ на выборахъ голосовъ; самопожертвованіе нѣмецкаго пролетаріата во время этихъ выборовъ нашло свое трогательное выраженіе въ смерти трехъ берлинскихъ рабочихъ, — мѣдника Науэна, слесаря Гензеля и формовщика Бахмана, которые, возвращаясь домой изъ ночного собранія уполномоченныхъ по Шпандаускому каналу, утонули черезъ проломившійся подъ ними ледъ.

Соотвѣтственно числу поданныхъ за нее голосовъ, партія могла разсчитывать на 40 мандатовъ, но, на самомъ дѣлѣ, она, вмѣсто 25, которые она имѣла въ прежнемъ рейхстагѣ, получила только 11 послѣ того, какъ въ избирательномъ округѣ Штольбергъ-Шнеебергъ, на вторичныхъ выборахъ въ 1886 году, былъ избранъ Гейеръ. Во время масляничныхъ выборовъ всѣ саксонскіе избирательные округа снова были потеряны для партіи, включительно до перебаллотировки въ Дрезденъ-Альтштадтѣ. Саксонскіе фанатики порядка почти превзошли свою строгость 1881 года, разумѣется, только съ гораздо меньшимъ успѣхомъ: они привлекли къ урнѣ лишь большую толпу тупыхъ филистеровъ, нисколько не расшатавъ соціалъ-демократическихъ колоннъ, которыя съ 1884 года увеличились во всей Саксоніи на 20000 человѣкъ.

На первыхъ выборахъ партія получила 6 мѣстъ: 4-й и 6-й округи Берлина (Зингеръ и Газенклеверъ), 1-й и 2-й округи Гамбурга (Бебель и Дитцъ), Альтона (Фроме) и Нюрнбергъ (Грилленбергъ). Предстояло еще 18 перебаллотировокъ: кромѣ Дрезденъ-Альтштадта, въ 3-мъ округѣ Берлина, въ 1-мъ и 2-мъ округахъ Бреславля, въ Кенигсбергѣ, Коттбусъ-Шпрембергѣ, Магдебургѣ, Ганноверѣ, Готѣ, Рейссѣ стар-

шей линіи, въ 3-мъ округѣ Гамбурга, Любекѣ, Килѣ, Глюкштадтѣ, Эльберфельдъ - Барменѣ, Золингенѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ и во 2-мъ округѣ Мюнхена.

Перебаллотировки имѣли на этотъ разъ особенное значеніе. Если бы расположеніе избирательныхъ округовъ обезпечило побѣду картели, то вредъ, который бы произошелъ отъ солидарности оппозиціонныхъ партій на перебаллотировкахъ, былъ бы до извѣстной степени парализованъ, при чемъ, если бы картельное большинство не было совершенно разстроено, все же оно было бы низведено до такой незначительной цифры, что перестало-бы внушать какія-нибудь опасенія. Соціалъ-демократическій центральный избирательный комитетъ, состоящій изъ Гриллленберга, Газенклевера, Либкнехта, Мейстера и Зингера, выпустилъ еще 23 февраля воззваніе къ соціалъ-демократическимъ избирателямъ, въ которомъ указывалось, чтобы при перебаллотировкахъ голосовали за всѣхъ кандидатовъ буржуазной оппозиціи, которые опредѣленно выскажутъ свой взглядъ на всеобщее избирательное право и на исключительные законы; центръ также провозгласилъ свой лозунгъ на перебаллотировкахъ: „не смѣшиваться!“ Благодаря ультрамонтанамъ и особенно соціалъ-демократамъ, свободомыслящимъ было спасено столько мандатовъ, что они могли вступить въ картельный рейхстагъ въ числѣ 32-хъ человѣкъ. Но старые прогрессисты, попрежнему, не внушали довѣрія; Евгеній Рихтеръ, внесшій въ Партію Свободомыслящихъ самый мелочный фракціонный деспотизмъ, примкнулъ на перебаллотировкахъ къ тому лозунгу, который продиктованъ былъ честью и разсудкомъ; онъ, очевидно, опасался подвергнуть опасности свою репутацію испытаннаго организатора выборныхъ проваловъ. Въ 3-мъ берлинскомъ округѣ и Килѣ, гдѣ баллотировались свободомыслящіе и соціалъ-демократы, первые самымъ жалкимъ образомъ умоляли о помощи картельныхъ молодцовъ; тамъ же, гдѣ

другъ противъ друга выступали картель и соціалъ-демократія, свободомыслящіе перебѣгали къ картели, открыто измѣняя своимъ собственнымъ интересамъ, какъ это самымъ скандальнымъ образомъ произошло въ 3-мъ гамбургскомъ округѣ, въ Глюкштадтѣ, Любекѣ, Магдебургѣ и Кенигсбергѣ. Такъ свободомыслящіе сыграли въ руку Бисмарку еще почти въ 10 избирательныхъ округахъ, сдѣлавъ картельное большинство совершенно невредимымъ. Соціалъ-демократы пріобрѣли въ перебаллотировкахъ только 2-й округъ въ Бреславлѣ (Крэкеръ), Эльберфельдъ-Барменъ(Гармъ), Золингенъ (Шумахеръ), Ганноверъ (Мейстеръ) и Франкфуртъ-на-Майнѣ (Заборъ).

У Бисмарка опять на три года были развязаны руки, чѣмъ онъ и постарался воспользоваться. Картель по первому требованію утвердила ему не только законопроектъ септенната, но, кромѣ того, также ежегодное повышеніе водочнаго налога слишкомъ на 100 милліоновъ и налога на сахаръ почти на 40 милліоновъ. Не довольствуясь этимъ, онъ еще извлекъ изъ кармановъ налогоплательщиковъ ежегодный подарокъ въ 40 милліоновъ для пивоваровъ и въ 30 милліоновъ для сахарозаводчиковъ. „Моральный подъемъ народнаго духа“, какъ картель окрестила слѣпой страхъ, подъ дѣйствіемъ котораго производились эти выборы, во всякомъ случаѣ, достигъ того, что грабителями народныхъ массъ оказались ужъ вовсе не воображаемыя страшилища въ красныхъ штанахъ.

3. Партейтагъ въ С-тъ-Галленѣ.

Такъ какъ въ честной и послѣдовательной политикѣ, обыкновенно, все идетъ къ лучшему, то соціалъ-демократической партіи не пришлось пожалѣть объ уменьшеніи числа ея парламентскихъ мандатовъ. Въ картельномъ рейхстагѣ она должна была волей-неволей удовольствоваться ролью бодрствующаго стража, который пользовался всякимъ благопріятнымъ

случаемъ, чтобы, открывать народу всѣ враждебныя ему махинаціи. Споръ о степени участія въ парламентскихъ дѣлахъ теперь уже потерялъ свое значеніе, благодаря чему партія могла сильнѣе сплотиться, чтобы соединенными силами дать отпоръ новымъ попыткамъ системы Бисмарка, продолжая въ то же время свое поступательное движеніе.

Поскольку процессы о тайныхъ союзахъ имѣли своей цѣлью парализовать дѣятельность партійнаго органа и партійныхъ конгрессовъ, они являлись лишь, какъ и во всемъ остальномъ, простымъ ударомъ въ пространство. Послѣ утвержденія фрейбергскаго приговора имперскимъ судомъ, фракція лишила „Соціалъ-демократа“ его оффиціальнаго характера, чѣмъ нисколько не уменьшила ни его вліянія и ни круга его читателей. Въ сентябрѣ 1887 года фракція, совмѣстно съ прежними депутатами рейхстага и парламентскими представителями партіи въ ландтагахъ, опубликовала воззваніе о созывѣ партейтага, на который приглашались всѣ товарищи. Само собой разумѣется, что партейтагъ, дабы гарантировать себя противъ Ирингъ-Маловыхъ, предоставилъ себѣ рѣшеніе вопроса о допущеніи отдѣльныхъ участниковъ. Въ воззваніи былъ выработанъ порядокъ дня партейтага, при чемъ было опредѣленно заявлено, что предполагаемыя занятія партейтага не противорѣчатъ уголовному праву Германіи. Только существованіе исключительнаго закона вынудило прибѣгнуть къ особымъ мѣрамъ, поэтому заранѣе не могли быть указаны ни мѣсто, ни время.

Этимъ были обойдены всѣ сѣти фрейбергскаго приговора, а политика Бисмарка-Путткамера опять осталась съ носомъ. Полное недоумѣніе, которое выразили лицемѣрно въ своихъ газетахъ ихъ наемные писаки, по поводу того, что партейтагъ, если занятія его не противорѣчатъ уголовному праву, не назначенъ въ Германіи,— вызвало презрѣніе даже и въ буржуазныхъ кругахъ. Въ отвѣтъ на свое недоумѣніе они получили отъ Бебеля

весьма мѣткую пощещину: „Если мы уже должны стать въ зависимость отъ „чужой милости“ въ отношеніи нашихъ внутреннихъ партійныхъ дѣлъ, то мы предпочитаемъ зависѣть отъ „милости“ чужого правительства, чѣмъ отъ милости нѣмецкой полиціи. Оффиціозныя газеты и ихъ прихвостни могутъ себѣ намотать это на усъ“. Разумѣется, неуклюжей нѣмецкой полиціи на этотъ разъ такъ же, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, не удалось своевременно открыть мѣсто и время, на которое назначенъ былъ партейтагъ.

Засѣданія послѣдняго происходили отъ 2-го до 6-го октября въ пивоварнѣ въ Шененвегенѣ у Брюггена, на разстояніи получаса отъ С-тъ-Галлена. Въ общемъ тамъ было 79 участниковъ, изъ нихъ 74—изъ Германіи. Отчетъ фракціи показалъ, что со времени копенгагенскаго конгресса въ партійную кассу поступило 135,748 марокъ и, кромѣ того, 52,907 марокъ отъ заграничныхъ, именно, американскихъ и швейцарскихъ товарищей, не считая мѣстныхъ взносовъ, о которыхъ, не преувеличивая, можно сказать, что они во много разъ превышали эту сумму. Столь же непреклонной и несокрушенной, какъ всегда, партія выступила и на этотъ разъ противъ своихъ преслѣдователей; уже въ первой резолюціи партейтага рѣзко порицалось бѣгство товарищей изъ страха судебныхъ преслѣдованій и тюремнаго заключенія. Не менѣе рѣзкій вотумъ порицанія былъ вынесенъ противъ Гейзера и Фирека за то, что они, безъ достаточныхъ основаній, отказались подписать воззваніе о созывѣ партейтага. По вопросу о парламентской дѣятельности партіи и о позиціи, какую надлежитъ занять партіи въ отношеніи соціальной и экономической политики правительства, было сдѣлано то же постановленіе, что въ Виденѣ и Копенгагенѣ; только на перебаллотировкахъ между буржуазными кандидатами партейтагъ рекомендовалъ, на основаніи опыта, вынесеннаго изъ

выборовъ, происходившихъ на масляницѣ, впредь безусловно воздерживаться отъ голосованія. „Berliner Volksblatt“ писалъ по этому поводу: „Если до сихъ поръ и было „правое крыло“ въ партіи, то теперь его больше не существуетъ“.

Самое разительное свидѣтельство неисчерпаемой силы партіи заключалось въ томъ, что она, невзирая на всѣ притѣсненія, готовилась принять на себя руководство интернаціональнымъ рабочимъ движеніемъ. Со времени большого краха семидесятыхъ годовъ, бѣдствія, вызванныя капиталистическимъ строемъ во всѣхъ культурныхъ странахъ, усилились до такой степени и настолько сдѣлались тягостными для всѣхъ классовъ народа, что глубокое сознаніе необходимости соціальныхъ реформъ стало проникать далеко за предѣлы рабочихъ слоевъ; становилось все яснѣе, что система покровительственныхъ пошлинъ не только не ослабила этихъ бѣдствій, но даже усилила ихъ, что картели, тресты и другіе союзы предпринимателей, которые образовались въ продолженіе восьмидесятыхъ годовъ съ цѣлью урегулировать производство, въ сущности, свелись къ укрѣпленію власти капитала какъ надъ потребителями, такъ и надъ пролетаріями. Несравненно болѣе серьезную помощь противъ капиталистической эксплоатаціи обѣщала законодательная защита труда. Хотя и этой области не чужды были иллюзіи и нѣкоторое лицемѣріе, но все же сильное теченіе въ этомъ направленіи разлилось по всѣмъ странамъ съ развитой промышленностью, причемъ оно приняло интернаціональный характеръ, какъ по причинамъ, лежащимъ въ самой природѣ вещей, такъ и потому, что защитники капиталистической эксплоатаціи, а изъ нихъ въ особенности Бисмаркъ, постоянно ссылались на международную конкурренцію и на несходство соціальныхъ законодательствъ конкуррирующихъ странъ, конечно, не для того, чтобы способствовать развитію интернаціональнаго фабрич-

наго законодательства,—въ этомъ они черпали лишь возраженія противъ національнаго фабричнаго законодательства.

Первый толчекъ къ интернаціональнымъ начинаніямъ дала въ этой области, въ 1881 году, Швейцарія, однако, безъ всякаго результата. Съ тѣхъ поръ потребность въ этомъ стала повсюду еще сильнѣе ощущаться; можетъ быть, самымъ очевиднымъ доказательствомъ этого служилъ тотъ фактъ, что даже германскій картельный рейхстагъ уже въ первой своей сессіи обнаружилъ стремленіе къ дальнѣйшему развитію германскаго фабричнаго законодательства. Подобно тому непреодолимому сопротивленію, которое рабочее законодательство встрѣтило въ лицѣ Бисмарка, оно и въ другихъ странахъ наталкивалось на сильныхъ противниковъ, совершенно не взиравшихъ на то обстоятельство, что съ растущей популярностью этой идеи даже очень сомнительные кантонисты овладѣваютъ ею, и между ними такой бреттеръ капитализма, какъ Евгеній Рихтеръ вмѣстѣ съ его когортой фанатическихъ манчестерцевъ, которые, будучи увѣрены въ томъ, что Бисмаркъ не уступитъ въ этомъ вопросѣ, обнаружили недурное желаніе заняться „соціально-реформаторской“ демагогіей. Это было тѣмъ легче, что интернаціональный рабочій классъ поднялъ этотъ вопросъ на его должную высоту, разстроивъ игру какъ упрямыхъ противниковъ, такъ и колеблющихся или лицемѣрныхъ друзей.

Ему нужно было при этомъ только возстановить связь съ традиціями стараго Интернаціонала, на конгрессахъ котораго этому вопросу всегда отводилось значительное мѣсто. Если Интернаціоналъ погибъ, выдѣливъ анархизмъ, съ одной стороны, и тредъюніонизмъ — съ другой, то теперь настало время возстановить его, поднявъ на высшую ступень развитія Анархисты повсюду уже закончили свою дѣятельность. Какъ въ Германіи и Швейцаріи, такъ и въ

Австріи, Франціи, Бельгіи и Англіи они всѣ попадались на удочку безчестной провокаціи; въ 1887 году честный и безкорыстный анархистъ Неве, выданный полиціи провокаторами Траутнеромъ, Пейкертомъ и Рейсомъ, самымъ недостойнымъ образомъ былъ приговоренъ имперскимъ судомъ, при закрытыхъ дверяхъ, къ пятнадцати годамъ смирительнаго дома. Только въ Соединенныхъ Штатахъ анархизмъ достигъ извѣстной силы и то, благодаря тому, что онъ сталъ во главѣ возникшаго здѣсь сильнаго движенія въ пользу восьмичасового рабочаго дня, при чемъ участіе анархистовъ привело къ тому, что это подававшее большія надежды движеніе надолго заглохло. Политика насилія, которая проповѣдывалась анархистской прессой, дала американскимъ капиталистамъ возможность сыграть очень скверную, заранѣе обдуманную штуку; на сѣнномъ рынкѣ въ Чикаго была брошена провокаторская бомба, за которой послѣдовалъ мерзкій судебный фарсъ, закончившійся присужденіемъ восьми анархистскихъ вождей: одного—къ многолѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, а остальныхъ семерыхъ — къ смертной казни. Эти люди были столь же повинны въ покушеніи съ бомбой, сколько нѣмецкіе соціалъ-демократы въ выстрѣлѣ Нобилинга. Но благодаря ошибочной тактикѣ анархистовъ, американское рабочее движеніе попало въ искусственно сгущенную атмосферу ненависти и ярости, противъ которыхъ нѣмецкое рабочее движеніе, благодаря своей правильной тактикѣ, побѣдоносно устояло.

Съ другой стороны, тредъ-юніоны были пробуждены отъ своей узкой осторожности, когда монополія, которой Англія пользовалась на всемірномъ рынкѣ, стала все болѣе и болѣе сталкиваться съ нѣмецкой, французской и даже американской конкурренціей. Вслѣдствіе этого, они, потерявъ свою, до извѣстной степени, защищенную позицію, сразу попали въ общую сферу солидарности, связывающей интернаціональный проле-

таріатъ. Это можно было прослѣдить шагъ за шагомъ въ интернаціональныхъ манифестаціяхъ рабочаго класса восьмидесятыхъ годовъ. Всемірный конгрессъ, инициатива котораго исходила отъ бельгійцевъ и на который нѣмецкая партія рѣшила еще въ Виденѣ отправить делегатовъ, собрался въ 1881 году въ Шюрѣ, но, подобно всемірному конгрессу, устроенному четыре года тому назадъ въ Гентѣ, онъ не далъ результатовъ, достойныхъ быть отмѣченными. Почти еще безплоднѣе прошла въ 1883 году интернаціональная рабочая конференція въ Парижѣ; она дала, по крайней мѣрѣ, буржуазной прессѣ своими ничего не говорящими резолюціями благопріятный поводъ затянуть дешевыя побѣдныя пѣсни о „моральномъ пораженіи соціализма". Конференціей вполнѣ овладѣли трэдъ-юніоны, рядомъ съ которыми были еще представлены только поссибилисты; П. Брусъ, вождь этой французской рабочей фракціи, постарался даже помѣшать тому, чтобы нѣмецкіе рабочіе вообще были приглашены. Совершенно иначе уже дѣло обстояло на интернаціональной рабочей конференціи, которая въ 1886 году состоялась также въ Парижѣ; на нее были приглашены рабочія партіи всѣхъ странъ. Нѣмецкая соціалъ-демократія была здѣсь представлена жившимъ въ Парижѣ товарищемъ Гримпэ, въ то время какъ Раковъ явился въ качествѣ делегата коммунистическаго рабочаго просвѣтительнаго союза въ Лондонѣ. Рядомъ съ Германіей, Англіей и Франціей на конференцію послали представителей также Австрія, Венгрія, Бельгія, Швеція, Норвегія и Австралія. Гримпэ сдѣлалъ, можетъ быть, не особенно вѣжливое, но очень удачное нападеніе на политику трэдъ-юніоновъ, при чемъ Раковъ его весьма горячо поддерживалъ; возникли двухдневные оживленные дебаты, въ которыхъ всѣ семь делегатовъ трэдъ-юніоновъ обнаружили сильныя колебанія; въ заключеніе, они по формальнымъ причинамъ, вслѣдствіе недостаточныхъ полномочій, отказались участвовать въ

баллотировкѣ резолюціи, принятой единогласно всѣми участниками конференціи. Резолюція эта требовала отъ правительствъ отдѣльныхъ странъ созданія международнаго фабричнаго законодательства на основѣ восьмичасового рабочаго дня. Въ принципѣ и представители трэдъ-юніоновъ объявили себя солидарными съ этой резолюціей. Годъ спустя конгрессъ трэдъ-юніоновъ въ Свонзи рѣшилъ отъ собственнаго имени созвать интернаціональный рабочій конгрессъ, разумѣется, еще ограничиваясь только одними профессіональными организаціями, при чемъ доступъ на конгрессъ былъ обусловленъ такими оговорками, которыя для странъ съ полицейскимъ исключительнымъ законодательствомъ, какъ Германія и Австрія, дѣлали невозможнымн достаточное представительство.

Въ то же время начался и партейтагъ въ С.-Галленѣ. Онъ принялъ резолюцію противъ анархизма, центръ тяжести которой заключался въ безпощадномъ осужденіи анархистской тактики; въ исторіи народовъ насиліе является факторомъ постольку же реакціоннымъ, если не больше, поскольку и революціоннымъ; насиліе, направленное противъ личности, не ведетъ къ цѣли, оказываясь потому еще болѣе вреднымъ и недопустимымъ, ибо оно лишь притупляетъ правосознаніе массъ. „За индивидуальные акты насилія со стороны до крайности преслѣдуемыхъ и гонимыхъ мы дѣлаемъ отвѣтственными преслѣдователей и гонителей; мы понимаемъ склонность къ этому, какъ явленіе, которое обнаруживалось во всѣ времена при подобныхъ условіяхъ и которое теперь эксплоатируется наемными провокаторами въ интересахъ реакціи, направленной противъ рабочаго класса“. Это заключительное мѣсто избавило партейтагъ отъ подозрѣнія въ томъ, что онъ поетъ въ унисонъ съ буржуазной трусостью; когда, мѣсяцъ спустя, въ Чикаго должна была состояться казнь семи осужденныхъ анархистовъ, Бе-

бель, Грилленбергеръ, Либкнехтъ и Зингеререъ отправили губернатору штата Иллинойсъ отъ имени нѣмецкихъ рабочихъ телеграмму, въ которой они призывали къ чувству гуманности, не считаясь съ тѣмъ, что Путткамеръ и его присные старались выставить этотъ шагъ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Какъ извѣстно, только двоимъ изъ приговоренныхъ смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ въ смирительный домъ; одинъ изъ нихъ самъ покончилъ съ собой передъ казнью, а четверо кончили свою жизнь на висѣлицѣ, какъ рѣшительные и мужественные люди, и вскорѣ послѣ того ихъ невинность была признана даже оффиціально

Отвергнувъ анархистскую тактику, партейтагъ въ С-тъ-Галленѣ вмѣстѣ съ тѣмъ осудилъ и малодушіе, сковывавшее трэдъ-юніоны. Онъ поручилъ руководителямъ партіи созвать осенью 1888 года, совмѣстно съ рабочими союзами другихъ странъ, всеобщій интернаціональный рабочій конгрессъ съ цѣлью объединить попытки, которыя будутъ сдѣланы рабочими всѣхъ странъ въ интересахъ осуществленія интернаціональнаго рабочаго законодательства, проложивъ этимъ новый путь интернаціональной классовой борьбѣ современнаго пролетаріата.

4. Законъ объ изгнаніи.

Когда картельный рейхстагъ въ ноябрѣ 1887 года былъ созванъ на вторую сессію, Бисмаркъ, не удовольствовавшись новыми чрезмѣрными требованіями увеличенія военнаго бюджета, сталъ хлестать своихъ избирателей, поддавшихся грубому обману на масляницѣ, втрое сплетеннымъ кнутомъ, — повышеніемъ хлѣбныхъ пошлинъ съ 3-хъ на 5 марокъ, удлиненіемъ законодательнаго періода съ 3-хъ на 5-ть лѣтъ и, наконецъ, продленіемъ закона противъ соціалистовъ, съ каннибальскими дополненіями, еще на 5 лѣтъ. Въ своей реакціонной ограниченности Бисмаркъ уже

опять зашелъ такъ далеко, что не разъ хотѣлъ покончить съ картельнымъ рейхстагомъ. Только по вопросу объ удлиненіи законодательнаго періода, явившемуся первой аттакой на всеобщее избирательное право, картельное большинство охотно выразило свое согласіе; повышенію же хлѣбныхъ пошлинъ оказала сопротивленіе большая часть націоналъ-либераловъ въ интересахъ промышленности, и это новое ограбленіе массъ удалось только благодаря привлеченію ультрамонтанской клики; напротивъ, ни націоналъ-либераловъ, ни ультрамонтановъ нельзя было расположить въ пользу закона объ изгнаніи, направленнаго противъ соціалъ-демократіи, и Бисмаркъ тутъ запнулся.

Согласно этому закону, высшая мѣра наказанія за распространеніе запрещенныхъ печатныхъ произведеній была удвоена—съ шести мѣсяцевъ она была доведена до цѣлаго года; за „профессіональную“ агитацію въ пользу соціалъ-демократіи онъ каралъ не меньше, чѣмъ двумя годами тюрьмы. Такъ какъ отъ произвола судьи зависѣло признать или не признать агитатора „профессіональнымъ“, то этотъ растяжимый параграфъ давалъ возможность всякаго неудобнаго соціалъ-демократа сначала бросить въ тюрьму на цѣлые годы, а затѣмъ изгнать изъ страны, ибо на осужденныхъ по этому закону, какъ на всѣхъ осужденныхъ за принадлежность къ тайнымъ союзамъ, можно было распространить пунктъ о лишеніи подданства. Пунктъ этотъ могъ быть примѣненъ также и къ тѣмъ, которые принимали бы участіе за границей въ собраніяхъ въ цѣляхъ содѣйствія соціалъ-демократическимъ стремленіямъ. Кромѣ того, это вновь выдуманное преступленіе каралось еще тюрьмой.

Внесеніе этого закона ясно указывало на полное банкротство закона противъ соціалистовъ. Русскимъ кнутомъ пытались достигнуть того, чего не удалось достигнуть нѣмецкой полицейской палкой. По § 22 закона о соціалистахъ, профессіональные агитаторы

могли быть ограничены въ правахъ жительства, и эта позорная мѣра энергично примѣнялась. Кристензена травили по всей Германіи, какъ дикаго звѣря за то, что онъ разоблачилъ провокатора Иринга-Малова, Кэйзера—за то, что въ соціалъ-демократической фракціи онъ стоялъ правѣе всѣхъ, архитектора Кесслера за то, что онъ участвовалъ отнюдь не въ политической агитаціи, но лишь въ профессіональной организаціи плотниковъ. Однако эта травля и эта практика высылокъ изъ мѣстностей, находившихся на осадномъ положеніи, дали лишь тотъ результатъ, что онѣ способствовали распространенію соціалистической пропаганды; въ самыхъ мотивахъ закона объ изгнаніи указывалось на то, что часто высылки заносили пропаганду въ такія мѣстности, которыя до тѣхъ поръ мало или совсѣмъ не были ею затронуты. Этотъ самоубійственный результатъ собственной политической мудрости Бисмарки и Путткамеры хотѣли ослабить тѣмъ, что всякаго, возбудившаго малѣйшія подозрѣнія, они имѣли бы право тотчасъ же прогнать за нѣмецкую границу. При этомъ законъ объ изгнаніи мѣтилъ свое ядовитое жало въ „Соціалъ-демократа“, который съ безпримѣрной пунктуальностью еженедѣльно распространялся по всей Германіи больше, чѣмъ въ десяти тысячахъ экземпляровъ, хотя имперскій судъ, между прочимъ, сдѣлалъ еще то удивительное открытіе, что уже одна только доставка, даже полученіе и храненіе отдѣльныхъ экземпляровъ должны быть наказуемы, какъ содѣйствіе и попытка распространенія ихъ; „самая насильническая изъ всѣхъ хищныхъ птицъ признаетъ себя неспособной вести борьбу съ красногузкой, безстрашная пѣсня которой ей такъ досаждаетъ“, — посмѣивалась угрожаемая газета. До наиболѣе консервативныхъ круговъ общества проникло чувство стыда, позора, которымъ этотъ проектъ покрылъ нѣмецкое имя.

Разумѣется, самъ Путткамеръ былъ исполненъ

сознанія своей неотразимости. Со времени масляничныхъ выборовъ онъ усвоилъ себѣ новую смѣшную позу, позу молчаливаго страдальца-мыслителя, далеко опередившаго свой вѣкъ и съ кроткимъ отчаяніемъ, съ трогательнымъ терпѣніемъ взирающаго на тупой народъ, не признававшій его мудрыхъ плановъ. Когда соціалъ-демократическіе депутаты говорили о примѣненіи закона противъ соціалистовъ, то онъ, слегка отвернувшись, разсматривалъ свои лакированные сапоги или же теребилъ свои вьющіеся бакенбарды, но ни одно слово не слетало съ его устъ, какъ будто бы его богоподобный геній усталъ бороться съ человѣческой глупостью. Точно также онъ считалъ лишнимъ вступать въ обсужденіе закона объ изгнаніи; онъ предоставилъ первый шагъ соціалъ-демократамъ, которые тотчасъ же, пробудивъ его отъ любовнаго созерцанія своихъ лакированныхъ сапогъ, принудили его въ послѣдній разъ сыграть свою роль спасителя отечества, роль быка въ фарфоровой лавкѣ, и эту роль, именно потому, что она была послѣдней, онъ игралъ не съ искусственной аффектаціей, но съ убѣдительной естественностью.

Соціалъ-демократія, по своему хорошему обыкновенію, не осталась въ долгу: на законъ объ изгнаніи она отвѣтила грандіознымъ разоблаченіемъ системы коррупціи и провокаціи, которыми Бисмаркъ-Путткамеръ заразили не только всю Германію, но и половину Европы. „Соціалъ-демократъ“ уже въ маѣ 1887 года раскрылъ ту постыдную игру, благодаря которой славный Неве попалъ въ руки нѣмецкой полиціи; въ концѣ того же года онъ выловилъ изъ болота не меньше двѣнадцати полицейскихъ агентовъ: въ Лондонѣ — писателя Закса и потерявшаго голосъ пѣвца Рейса, въ Парижѣ—писателя Траутнера, преподавателя языковъ Ноннэ и писателя Обервиндера, который когда-то принадлежалъ къ первымъ приверженцамъ Лассаля и потомъ отъ времени до времени принималъ участіе

въ австрійскомъ рабочемъ движеніи, въ Цюрихѣ — столяра Шредера и владѣльца пивной Генриха, въ Женевѣ — литейщика Гаупта, въ Магдебургѣ — писателя Швенгагена, въ Альтонѣ — синильщика Вихмана, въ Гамбургѣ — столяра Неймана, въ Лейпцигѣ — книгопродавца Небеля. Только нѣкоторые изъ нихъ, какъ Обервиндеръ, могли претендовать на роль новѣйшихъ Коцебу, большинство же были шпіонами и провокаторами самаго низкаго пошиба, какъ Рейсъ и Вихманъ, Шредеръ и Гауптъ. Ловкое и быстрое вмѣшательство цюрихскихъ товарищей вынудило у обоихъ послѣднихъ весьма цѣнныя признанія; судебное слѣдствіе, которое было предпринято противъ уличенныхъ провокаторовъ, въ полнѣйшемъ объемѣ установило ихъ вину, что цюрихскіе начальникъ полиціи и судебный слѣдователь Фишеръ оффиціально подтвердили въ отвѣтѣ на запросъ Бебеля и Зингера. Одновременно съ этимъ Союзный Совѣтъ въ Бернѣ выслалъ изъ Швейцаріи бывшаго баденскаго офицера генеральнаго штаба фонъ-Эренберга, который издавна тщетно старался запутать соціалъ-демократическую партію въ дѣло о государственной измѣнѣ. До тѣхъ поръ Эренбергъ считался пустымъ авантюристомъ; высланный изъ Швейцаріи, онъ предсталъ предъ военнымъ судомъ въ Карлсруэ, начавшимъ противъ него слѣдствіе по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Однако-жъ онъ не былъ арестованъ, несмотря на самыя тяжкія улики. Когда же и теперь не удались его страстныя попытки вовлечь въ это дѣло соціалъ-демократію, а слѣдствіе, которое велось противъ него, принимало все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ какъ для него, такъ и для его друзей, — онъ безпрепятственно скрылся изъ имперіи.

Разоблаченія, которыя Бебель и Зингеръ сдѣлали въ рейхстагѣ по поводу провокаторскихъ махинацій совершенно смели законъ объ изгнаніи. Ярость Путткамера поставила только точку надъ і самаго открытаго

позора. Онъ говорилъ, какъ въ изступленіи: Гаупты и Шредеры, конечно, не джентельмены, но безъ подобныхъ опоръ ни на одинъ день не можетъ быть обезпечена политическая безопасность культурнаго государства. Честныхъ людей, сорвавшихъ маску съ провокаторовъ, Путткамеръ ругалъ „бандой бродягъ", а начальника полиціи Фишера назвалъ „недостойнымъ довѣрія субъектомъ"; Швейцаріи онъ угрожалъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, чтобы напомнить ей о ея обязанностяхъ къ сосѣднимъ великимъ державамъ. Во всемъ его безпамятствѣ было только одно свѣтлое мгновеніе, — когда онъ откровенно признавался, что не можетъ составить себѣ никакого представленія о томъ культурномъ состояніи, въ которомъ находится Швейцарія; безусловно, все историческое несчастье его и Бисмарка заключалось въ томъ, что они, чувствуя себя блаженными въ условіяхъ феодальнаго варварства, не имѣли никакого представленія о современной культурѣ. Но, къ сожалѣнію, Путткамеръ уничтожилъ примиряющее дѣйствіе этого смягчающаго обстоятельства, сказавъ, что изъ рядовъ соціалъ-демократіи его осаждаютъ предложеніями шпіонскихъ услугъ; съ какимъ бы большимъ чувствомъ удовлетворенія онъ ни смотрѣлъ на распространеніе своей коррупціонной дѣятельности, все же рабочій классъ ему никогда не удалось подкупить. Когда онъ, наконецъ, собравшись съ духомъ, патетически поклялся, что онъ готовъ былъ бы провалиться сквозь землю со стыда, если бы въ дѣлѣ провокацій онъ имѣлъ хоть одно пятно на своей совѣсти, то вся палата отвѣтила ему холоднымъ молчаніемъ; только пара ландратовъ на крайней правой съ трудомъ выжала: „совершенно вѣрно"! Такъ жалкая политика дожила до своего жалкаго конца.

Лишь консервативныя фракціи обнаружили готовность пригвоздить самихъ себя къ позорному столбу. Націоналъ-либералы заявили, что дальше утвержденія

еще на два года закона о соціалистахъ, въ его старомъ видѣ, они пойти не могутъ; въ это же время ультрамонтаны, положившись вполнѣ на картельное большинство, привлекли себѣ въ помощь небольшую кучку, 8 человѣкъ всего, которыхъ они до сихъ поръ выставляли въ пользу продленія закона противъ соціалистовъ; Рейхенспергеръ, вождь этого вспомогательнаго отряда, произнесъ было даже опять громовую рѣчь противъ исключительныхъ законовъ. 18 февраля 1888 года законъ противъ соціалистовъ былъ продленъ 164 голосами противъ 80 въ четвертый и послѣдній разъ до 30 сентября 1890 года.

Глава восьмая.

Девяносто девять дней.

Вскорѣ послѣ этого, 9 марта, умеръ императоръ Вильгельмъ, 90 слишкомъ лѣтъ отъ роду, и его наслѣдникъ вступилъ на престолъ, находясь почти при смерти.

Отнюдь не геній, едва ли даже талантъ, глубоко проникнутый на феодальный ладъ сознаніемъ своего монаршаго достоинства, императоръ Фридрихъ все же впиталъ въ себя нѣкоторое вѣяніе современнаго духа. Въ своемъ тронномъ манифестѣ онъ объявилъ себя сторонникомъ мира; мало заботясь о блескѣ великихъ подвиговъ, сулящихъ славу, онъ былъ бы доволенъ, если бы потомство съ похвалою отозвалось о его правленіи, какъ о благодѣтельномъ для народа, полезномъ для страны и счастливомъ для имперіи. Въ частностяхъ манифестъ, конечно, допускалъ всевозможныя толкованія. Составленный христіанско-консервативнымъ профессоромъ Гефкеномъ, онъ былъ привѣтствованъ Свободомыслящей Партіей съ превосходящей всякія границы лояльностью. Ея государственные

мужи не полѣнились подѣлить между собой за своими столиками въ ресторанчикахъ всѣ портфели въ то время, какъ смерти императора Фридриха можно было уже ждать съ часу на часъ.

Бисмаркъ не былъ такъ глупъ, но зато, тѣмъ болѣе золъ. Онъ имѣлъ въ рукахъ всѣ козыри. Что могъ съ нимъ сдѣлать умирающій императоръ или партія умирающаго императора, которая не заключала въ себѣ даже и десятой доли всего рейхстага? Если бы Бисмаркъ хотѣлъ, какъ выразился Штэккеръ, въ качествѣ свѣдущаго лица, „создать на сравнительно короткое время правленія больного императора систему устойчивости и солидарности", т. е., другими словами, тормозить напередъ всякое самостоятельное дѣйствіе императора, то въ этомъ было бы очень мало монархическаго, но зато было бы вполнѣ понятно съ точки зрѣнія придворнаго мажордома. Однако, этимъ однимъ Бисмаркъ не удовольствовался.

Новый духъ, который, вопреки всему, все же вѣялъ съ троннаго манифеста императора Фридриха, безсильное, но упорное сопротивленіе, на которое Бисмаркъ наталкивался въ продолженіе десятилѣтій у кронпринца и у кронпринцессы, вызывали къ жестокой мести,—и натравливая въ то же время патріотическую чернь въ шелковыхъ цилиндрахъ на безпомощную императорскую чету въ самыхъ гнусныхъ оргіяхъ, въ которыя когда-либо вырождалась человѣческая низость, онъ невольно давалъ лишь отрицательный отвѣтъ на полный отчаянія вопросъ Гефкена: „Можно ли во всей жизни этого человѣка открыть хоть слѣдъ благородства?"

Естественно, „устойчивость" Бисмарка распространялась и на примѣненіе закона о соціалистахъ, который совсѣмъ не нравился императору Фридриху, и это еще чертовски увеличивало его удовольствіе продолжать мучить рабочій классъ такъ, какъ это было при старомъ Вильгельмѣ. Единственнымъ актомъ ино-

странной политики при императорѣ Фридрихѣ было изгнаніе „Соціалъ-демократа“ изъ Швейцаріи. Благодаря личнымъ обидамъ, которыя наносились швейцарскому посланнику въ Берлинѣ, благодаря тревогѣ, поднятой нѣмецкимъ посланникомъ въ Бернѣ, и, не въ меньшей степени, благодаря уступкамъ, которыя обѣщаны были интересамъ швейцарской промышленности при предстоявшемъ возобновленіи нѣмецко-швейцарскаго договора, — Союзный Совѣтъ въ Бернѣ далъ себя склонить къ произведенному въ апрѣлѣ 1888 года изгнанію Бернштейна, Моттелера, Шлитера и Таушера съ территоріи союзнаго государства. Предлогомъ должно было послужить направленіе „Соціалъ-демократа“, злоупотребившаго, яко бы, гостепріимствомъ Швейцаріи и подвергшаго опасности ея добрыя отношенія съ дружественнымъ государствомъ. Хорошо выразился по этому поводу Отто Лангъ, швейцарскій чиновникъ, за прощальнымъ обѣдомъ, даннымъ въ честь высылаемыхъ; онъ сказалъ: „Рожденіе чего-нибудь великаго всегда сопровождается во всемірной исторіи какимъ-нибудь неопровержимымъ знаменіемъ. Счастье народовъ не плодъ, который произрастаетъ на солнечномъ свѣтѣ; нѣтъ, онъ созрѣваетъ въ бурю и непогоду“. Сами изгнанники заявили въ воззваніи, обращенномъ „ко всѣмъ друзьямъ свободы и права въ Швейцаріи“, что имъ не былъ поставленъ, да и не могъ быть поставленъ въ вину ни одинъ поступокъ, который бы можно было квалифицировать какъ нарушеніе уголовнаго права, ни покушенія, ни призыва, ни замышленія какого-нибудь преступнаго уголовнаго и государственнаго акта. То, что имъ, дѣйствительно, ставится въ вину, относится къ области выраженія своихъ убѣжденій путемъ печати, къ области выраженія мнѣній прессой, на почвѣ которой союзная конституція предоставляетъ полную свободу. Настоящей причиной ихъ изгнанія должны считаться разоблаченныя „Соціалъ-демократомъ“ безстыдныя дѣйствія нѣ-

мецкаго провокаторства, за что Путткамеръ теперь и мститъ. Этими изгнаніями Швейцарія унижаетъ себя до роли сыщика бисмарковской полиціи.

Во всѣхъ честныхъ гражданахъ Швейцаріи насиліе это вызвало глубокое чувство стыда и возмущенія. Безчисленныя выраженія симпатіи сопровождали изгнанниковъ; швейцарскіе граждане, и между ними, главнымъ образомъ, славный Концеттъ, обезпечили дальнѣйшій безпрепятственный выходъ „Соціалъ-демократа", въ прежнемъ духѣ и тонѣ. Тѣмъ не менѣе, чтобы избѣжать и вида посторонняго давленія, онъ съ октября 1888 года сталъ издаваться въ Лондонѣ. Этимъ ничего въ немъ не измѣнилось; онъ остался такимъ же какимъ былъ и до сихъ поръ. Бисмаркъ и Путткамеръ отвели лишь душу на нѣсколькихъ лицахъ, но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, они дали лишь холостой выстрѣлъ. Еще большее удаленіе партійнаго органа отъ нѣмецкаго театра военныхъ дѣйствій никоимъ образомъ не умалило его вліянія. Съ наступленіемъ третьяго періода закона о соціалистахъ его задачи стали иными, какъ это произошло и во второмъ періодѣ. Нѣмецкое рабочее движеніе приняло такіе размѣры и располагало такимъ количествомъ органовъ въ предѣлахъ самой Германіи, что оно, до извѣстной степени, могло обойтись безъ заграничнаго органа. Однако, лишь до извѣстной степени, потому что нѣмецкія рабочія газеты жили подъ дамокловымъ мечомъ, который отъ времени до времени опускался на нихъ. Онѣ должны были соблюдать строгую самоцензуру, и эта цензура — самая худшая, такъ какъ она не даетъ себя въ обманъ; относительнымъ просторомъ, которымъ онѣ все же пользовались. онѣ не въ малой степени обязаны основательному страху нѣмецкихъ насильниковъ предъ чувствительными ударами бича „Соціалъ-демократа". Чтобы, по возможности, срыть корни заграничнаго органа партіи, старались относиться терпимо къ домашнимъ рабочимъ

газетамъ; и пока продолжалъ существовать законъ о соціалистахъ, до тѣхъ поръ не долженъ былъ прекращаться „Соціалъ-демократъ“. Свои тогдашнія задачи онъ могъ выполнять такъ же хорошо изъ Лондона, какъ изъ Цюриха, и именно для провокаторовъ онъ сдѣлался еще страшнѣе, чѣмъ прежде; не успѣетъ какой-нибудь бездѣльникъ разслышать звонъ золота, впервые появлявшагося въ его карманѣ, какъ съ него тотчасъ же срывалась „желѣзная маска“.

Цюрихскія изгнанія — этотъ „успѣхъ“ Путткамера — оказавшись такими же безнадежными, какъ и всѣ его „успѣхи“, явились вмѣстѣ съ тѣмъ его послѣднимъ „успѣхомъ“. Императоръ Фридрихъ противился мнѣнію выработаннаго еще при его предшественникѣ закона о продолженіи законодательнаго періода; онъ не хотѣлъ связывать своего имени съ первымъ нарушеніемъ самыхъ существенныхъ народныхъ правъ. Но, какъ императоръ, онъ не имѣлъ никакого права „вето“ противъ закона, одобреннаго Союзнымъ Совѣтомъ и рейхстагомъ. Скорѣе онъ могъ бы не допустить его въ прусскомъ королевствѣ, цензовый парламентъ котораго немедленно же повторилъ реакціонный взмахъ рейхстага; однако, и здѣсь онъ тщетно боролся съ сопротивленіемъ министерства. Исполняя прусскій законъ, онъ могъ обнаружить свою добрую волю лишь въ повелѣніи прекратить оффиціальное давленіе на выборы, невѣроятное злоупотребленіе которымъ было сперва раскрыто во время провѣрки выборовъ въ прусскій ландтагъ. Путткамеръ отвѣтилъ въ комическо-надменномъ тонѣ оскорбленной невинности, къ которому его пріучила буржуазная оппозиція; однако, на этотъ разъ онъ попалъ не въ тонъ, и 8 іюня получилъ отставку. Фактъ столь быстраго удаленія сдѣлалъ всесильнаго мажордома осторожнымъ; онъ не простеръ „солидарности“ на самаго вѣрнаго своего помощника, ограничившись лишь прощальнымъ обѣдомъ, даннымъ имъ въ утѣшеніе своего

погибшаго товарища. Спустя недѣлю, смерть императора совершенно развязала ему руки.

Соціалъ-демократія, въ продолженіе 99-ти дневнаго царствованія императора Фридриха, обнаруживала вполнѣ серьезную и достойную твердость. Она оставалась одинаково чуждой пустымъ иллюзіямъ свободомыслящихъ, какъ и отвратительной фрондѣ картели. Написанный Ауэромъ въ „Berliner Volksblatt“ некрологъ, далъ благимъ намѣреніямъ покойнаго императора надлежащую оцѣнку, строго обозначивъ границы, которыя были бы поставлены этимъ намѣреніямъ, если бы передъ ними открылась свободная дорога. О беззащитной „англичанкѣ“, отданной въ жертву лающей сворѣ Бисмарка, онъ отозвался весьма просто, всколыхнувъ всю надутую напыщенность свободомыслящихъ: „преданная и вѣрная до гроба жена всегда является трогательнымъ зрѣлищемъ, — во дворцѣ ли короля или въ хижинѣ бѣдняка“. Сознательный пролетаріатъ переросъ господствующіе классы не только въ своей ясной и сильной политикѣ, но также и въ томъ, въ чемъ эти классы издавна видѣли свою неотъемлемую принадлежность: въ духѣ джентльменства, въ истинномъ тактѣ и человѣческой сердечности.

Глава девятая.

Крушеніе.

1. Ничего больше не удается!

Мажордомство Бисмарка вступило въ новую фазу, когда онъ долженъ былъ вести дѣло не съ девяностолѣтнимъ, а съ тридцатилѣтнимъ императоромъ. Онъ самъ былъ достаточно плохимъ психологомъ, чтобы, при восшествіи на престолъ императора Вильгельма II, вѣрить въ возможность второго изданія „вильгельмовскихъ дней“. Онъ предоставилъ своему старшему сыну,

вѣроятно, одному изъ самыхъ неспособныхъ родственниковъ, о какихъ только исторія сохранила память, больше, чѣмъ это было въ его интересахъ; съ едва скрытыми намеками оффиціозныя газеты писали о „династіи Бисмарка", которая должна была занимать возлѣ Гогенцоллерновъ такое же мѣсто, какое когда-то Каролинги занимали подлѣ Меровинговъ.

Пока молодой государь относился къ Бисмарку съ глубокимъ благоговѣніемъ. Въ моментъ основанія имперіи 11-лѣтній мальчикъ, въ годъ обнародованія закона о соціалистахъ — 19-лѣтній юноша, онъ достигъ зрѣлыхъ лѣтъ къ тому времени, когда трубный звукъ соціальнаго царства раздавался со всѣхъ оффиціальныхъ башенъ, оставаясь въ то же время въ такой атмосферѣ, которая, казалось, была ограждена отъ проникновенія туда всякой еретической мысли; однако, не было недостатка въ предостерегающихъ предзнаменованіяхъ, указывавшихъ на то, что можетъ случиться и неожиданное. Тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, воспитатель государя, назвалъ его своеобразной, сильной индивидуальностью, въ которой гвельфское упрямство, легко превращающееся въ энергію, соединено съ гогенцоллернскимъ своеволіемъ, пропитаннымъ идеализмомъ. Въ августѣ 1888 года Штеккеръ, обладавшій тонкимъ слухомъ придворнаго проповѣдника, слышалъ, будто бы собственными ушами, какъ императоръ произнесъ: „Дамъ старику шесть мѣсяцевъ отдыха, а потомъ самъ начну управлять". Но съ того времени трижды прошло шесть мѣсяцевъ, а между тѣмъ въ новый 1890 годъ императоръ молилъ Бога сохранить ему еще на долгіе годы испытанные совѣты Бисмарка. Въ это же время онъ неоднократно вмѣшивался въ картельную политику Бисмарка подъ шумъ рѣзкихъ протестовъ свободомыслящихъ лойяльныхъ фраковъ.

Но „династія Бисмарка" была поражена той слѣпотой, которая является самымъ вѣрнымъ признакомъ неизбѣжнаго паденія. Когда Геффкенъ опубликовалъ

выдержки изъ дневника императора Фридриха, раскрывшія во всей наготѣ героизмъ „великихъ героевъ“ изъ „основателей имперіи“, Бисмаркъ былъ настолько безразсуденъ, что сталъ утверждать, будто авторъ дневника не узналъ ничего важнаго въ Версали, согласно приказанію стараго императора Вильгельма, опасавшагося измѣны своего престолонаслѣдника. Наслѣдникъ Бисмарка, который замѣшалъ въ эту ложь жившаго еще тогда дипломата Моріэ, былъ наказанъ сухимъ англичаниномъ предъ всей Европой, какъ злостный клеветникъ. Этотъ же наслѣдникъ сдѣлалъ въ то же самое время изъ нѣмецкой дипломатіи на Самоанской конференціи посмѣшище для всей Европы, и довелъ ее далѣе, въ одномъ новомъ спорѣ со Швейцаріей, до европейскаго скандала.

Какъ кошка безъ ловли мышей, такъ и нѣмецкая полиція не могла обойтись безъ провокаторства, несмотря на всѣ неудачи, которыя она терпѣла, благодаря своимъ неисправимымъ промахамъ. Мюльгаузенскій полицейскій инспекторъ Вольгемутъ подкрался съ гнусной провокаціей къ портному Лутцу въ Базелѣ, чтобы попасться въ сѣти этому вѣрному товарищу. Письменное приглашеніе Вольгемута: „возбуждайте, только позабавнѣй!“ сдѣлало всякое отпирательство невозможнымъ; бѣднякъ былъ арестованъ и, послѣ документальнаго установленія его вины, изгнанъ изъ Швейцаріи. Хотя швейцарскій Союзный Совѣтъ постарался, съ другой стороны, подслужиться и Бисмарку, одновременно изгнавъ изъ Швейцаріи и Лутца, однако гнѣвъ этого господина не зналъ границъ; его наслѣдникъ цѣлыми недѣлями такъ неистовствовалъ въ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ угрозахъ по адресу швейцарскаго права убѣжища, „дикой Швейцаріи“, какъ этого никогда не осмѣливались дѣлать ни Меттернихи, ни Бонапарты, въ моменты самаго сильнаго увлеченія. Союзный Совѣтъ Берна могъ бы указать этому хвастуну, его мѣсто если-бъ онъ рѣшился во всемъ

остальномъ защищать свое право такъ, какъ это было бы желательно и необходимо. Въ самой Германіи преемникъ Путткамера, прусскій министръ полиціи Геррфуртъ, почти такъ же примѣнялъ законъ о соціалистахъ, какъ и самъ Путткамеръ. Какъ недавній товарищъ статсъ-секретаря Путткамера и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда и предсѣдатель имперской комиссіи, Герфуртъ явился хорошо подготовленнымъ къ своему высокому призванію. Юнкеры, конечно, его ненавидѣли, какъ буржуазнаго выскочку, занявшаго дворянское мѣсто, и потому онъ старался пріобрѣсть извѣстную бюрократическую благопристойность; но то, что онъ выигрывалъ въ этомъ отношеніи, онъ опять терялъ, благодаря своей слабости. Въ мартѣ 1889 года ему удалось то, на что самъ Путткамеръ не осмѣливался: онъ допустилъ, чтобы берлинскій президентъ полиціи фонъ-Рихтгофенъ, замѣстившій Мадаиса, запретилъ буржуазную газету на основаніи закона о соціалистахъ. Со средины десятилѣтія „Volkszeitung", послѣ одной перемѣны ея политическаго направленія, представляла собой буржуазно-демократическую оппозицію съ той послѣдовательностью, которая отвѣчала политическому положенію; она, по мнѣнію „Соціалъ-демократа", писала такимъ безпощаднымъ языкомъ, на какой въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій не осмѣливалась ни одна буржуазная газета въ Германіи. Когда она рѣшилась выступить противъ отталкивающаго идолопоклонства, предметомъ котораго былъ старый императоръ Вильгельмъ, она подпала подъ законъ о соціалистахъ; привлеченная къ суду, по обвиненію въ оскорбленіи величества, на томъ поразительномъ основаніи, что нелицепріятный историческій отзывъ о покойномъ дѣдѣ является уже кровнымъ оскорбленіемъ для его живого внука.

Всѣ эти выпады натягивали лишь лукъ. Все гнилое зданіе деспотизма Бисмарка, желавшаго въ концѣ девятнадцатаго вѣка править тѣми же средствами, какія

были нестерпимы бюргерамъ даже во дни Священнаго Союза, трещало по всѣмъ швамъ. Самыя вѣрныя опоры стали расшатываться. Ограничивающій свободу печати актъ, внесенный Бисмаркомъ весною 1889 года въ Союзный Совѣтъ, безслѣдно провалился въ этой прежде столь услужливой корпораціи. Имперская комиссія оправдала не только „Volkszeitung", но и нѣкоторыя запрещенныя рабочія газеты; имперскій судъ, послѣ 100-дневнаго разслѣдованія, прекратилъ возбужденное противъ Геффкена дѣло по обвиненію въ государственной измѣнѣ; обвиненіе „Volkszeitung"'а въ оскорбленіи величества провалилось во всѣхъ инстанціяхъ, а мюнхенскій окружный судъ совсѣмъ развѣнчалъ „клятвопреступнаго Михеля" послѣ того, какъ онъ въ одномъ процессѣ о тайныхъ союзахъ былъ разбитъ на голову Ауэромъ, выступившимъ въ этомъ весьма искусно поведенномъ имъ дѣлѣ со стороны обвиняемыхъ. Даже членъ имперскаго суда Миттельштедтъ, который усердствовалъ въ дѣлѣ о государственной измѣнѣ, возбужденномъ противъ Даве и Неве, сталъ публично жаловаться на упадокъ правосудія, а „Nationalzeitung" — эта хитрая крыса — насвистывала ту же мелодію. „Ни въ чемъ нѣтъ болѣе удачи", заключила ультрамонтанская „Германія" и, благодаря своему удачному лаконизму, эта фраза сдѣлалась крылатымъ словечкомъ.

На тонущемъ кораблѣ показались картельныя крысы, которыя съ безпокойной поспѣшностью стали метаться взадъ и впередъ. Національ-либералы, серьезно хмуря свои государственныя брови, стали поговаривать, что Бисмаркъ старѣетъ, между тѣмъ какъ болѣе смѣлые люди изъ „Kreuzzeitung" хватали его даже за икру. Поэтому дикая травля, которую Бисмаркъ открылъ противъ графа Вальдерзее, шефа генеральнаго штаба, какъ противъ будущаго вождя юнкерства, еще лишь больше обнаружила разложеніе, царящее въ „правящихъ сферахъ". Подобное же разложеніе обнаружи-

валъ и картельный рейхстагъ въ своей третьей сессіи. Онъ утвердилъ новые законы, взваливавшіе на плечи народа новыя военныя тяготы, но въ „увѣнчаніи соціальнаго зданія“ картельное большинство не хотѣло больше принимать участія. Несмотря на высокое давленіе, Бисмаркъ не могъ ихъ удержать, чтобы съ ихъ помощью провести законъ о старости и инвалидности, который имѣлъ на себѣ еще больше заплатъ, чѣмъ прежніе законы о страхованіи. Никто ужъ не вѣрилъ теперь въ волшебную силу оффиціальной „соціальной реформы“. Если бы кучка феодальныхъ ультрамонтановъ не сжалилась и не помогла бы образовать слабое меньшинство, то законъ благополучно провалился бы. Безъ сомнѣнія, противодѣйствіе буржуазныхъ партій не вытекало изъ хорошихъ побужденій, но картельные патріоты, очевидно, понимали лучше Бисмарка, если перестали думать, что подобными подачками можно убаюкать рабочій классъ.

Съ каждымъ разомъ становилось все яснѣе, что главнѣйшей причиной крушенія системы Бисмарка является неудержимое и побѣдоносное поступательное движеніе сознательнаго пролетаріата. Между тѣмъ, какъ буржуазная оппозиція, по обыкновенію слабая и вялая, не сумѣла понять знаменія времени, Соціалъ-демократическая Партія приготовилась, чтобы сильной рукой привести въ исполненіе уничтожающій приговоръ вѣка надъ его, такъ называемымъ, Геркулесомъ.

2. 20-е февраля.

Послѣ экономическаго упадка 1887 года наступилъ, почти одновременно съ перемѣной царствованій, такой расцвѣтъ промышленности, какого не наблюдалось уже нѣсколько десятилѣтій. Этотъ расцвѣтъ не въ состояніи былъ ввести въ заблужденіе рабочій классъ насчетъ внутренней сущности капиталистическаго производства; онъ закалилъ лишь его мускулы и пылъ въ борьбѣ противъ такого общественнаго строя,

который можетъ существовать только въ тяжелой атмосферѣ постоянныхъ колебаній между расцвѣтомъ и упадкомъ. „Время намъ нынѣ такъ благопріятствуетъ, какъ никогда", говорилось въ воззваніи, выпущенномъ соціалъ-демократической фракціей рейхстага 27 ноября 1888 года. Воззваніе призывало къ распространенію агитаціи на самыя отдаленныя хижины; милліонъ голосовъ и соотвѣтствующее число мандатовъ, это самое меньшее, что партія должна пріобрѣсть на ближайшихъ выборахъ. И 24 февраля 1889 года „Berliner Volksblatt" возвѣстилъ о такомъ выступленіи на борьбу за заработную плату, какого Берлинъ еще никогда не видалъ.

Не только по нѣмецкому, но и по всему европейскому рабочему міру прокатилась свѣжая, сильная волна. Два крупныхъ факта сдѣлали столѣтнюю годовщину великой французской революціи навсегда памятнымъ въ исторіи интернаціональнаго пролетаріата. Однимъ изъ этихъ фактовъ явилось возобновленіе Интернаціонала въ болѣе широкомъ и значительномъ масштабѣ. Со времени партейтага въ С-тъ Галленѣ нѣмецкіе партійные руководители вели продолжительные переговоры съ англійскими трэдъ-юніонами и французскими поссибилистами по вопросу о созывѣ, раньше въ 1888, а потомъ въ 1889 году, всеобщаго интернаціональнаго рабочаго конгресса, который, дѣйствительно, былъ достоинъ своего имени. Представленный соціалистическими партіями всѣхъ странъ, онъ явился совершенно самостоятельнымъ въ дѣлѣ провѣрки полномочій и въ опредѣленіи порядка дня. Несмотря на величайшую готовность идти навстрѣчу, они не достигли своей непосредственной цѣли, но косвенно ихъ безкорыстная ревность принесла хорошіе плоды. Изъ обоихъ интернаціональныхъ рабочихъ конгрессовъ, происходившихъ 14 іюля 1889 года, въ годовщину разрушенія Бастиліи, въ Парижѣ, самый значительный и важный былъ тотъ, инициатива котораго принадлежала нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ, а практическое осу-

ществленіе — французскимъ марксистамъ и бланкистамъ. Онъ насчитывалъ однихъ нѣмцевъ столько, сколько поссибилистскій конгрессъ насчитывалъ иностранныхъ делегатовъ, вообще. Его 395 участниковъ состояли изъ 221 француза, 81 нѣмца, 22 англичанъ, 14 бельгійцевъ, 10 австрійцевъ, 3 венгерцевъ, 4 голландцевъ, 6 русскихъ, 2 шведовъ, 3 норвежцевъ, 3 датчанъ, 6 швейцарцевъ, 5 поляковъ, 2 испанцевъ, 5 румынъ, 5 американцевъ и по одному чеху, болгарину, аргентинцу и финляндцу.

Отъ конгрессовъ стараго Интернаціонала этотъ конгрессъ отличался тѣмъ же, чѣмъ мобилизація большой арміи отличается отъ подготовительныхъ работъ генеральнаго штаба. По дорогамъ, которыя были когда-то проложены въ Женевѣ, Лозаннѣ, Брюсселѣ и Базелѣ, устремились теперь рабочія массы различныхъ странъ къ общей цѣли. На упрекъ буржуазной прессы, что конгрессъ не обсуждалъ достаточно широко вопросовъ рабочаго законодательства, онъ могъ отвѣтить словами Лассаля: „Такихъ вопросовъ не обсуждаютъ, а рѣшаютъ“. Парижскій конгрессъ провозгласилъ, что дѣйствительное, основанное на восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, фабричное законодательство является абсолютной необходимостью повсюду, гдѣ господствуетъ капиталистическій способъ производства, и призвалъ рабочихъ всѣхъ странъ вліять въ этомъ смыслѣ на свои правительства, въ особенности же побуждать ихъ къ отправленію делегатовъ въ интернаціональную конференцію по рабочему законодательству, которая снова была созвана въ маѣ 1889 года Швейцаріей. Дальше конгрессъ заявлялъ, что рабочіе обязаны принять работницъ въ свои ряды; онъ требовалъ для рабочихъ обоихъ половъ и безъ различія національности одинаковаго вознагражденія за одинаковую работу, такъ же, какъ и неограниченное совершенно свободное право союзовъ и собраній. Наконецъ, конгрессъ постановилъ, чтобы ежегодно, 1-го мая, происходили манифестаціи интерна-

ціональнаго пролетаріата въ пользу восьмичасового рабочаго дня.

Вторымъ крупнымъ явленіемъ 1889 года было всеобщее стачечное движеніе, которое пролучило классовое самосознаніе въ широкихъ слояхъ пролетаріата, до сихъ поръ еще не затронутаго рабочимъ движеніемъ. Самаго высокаго развитія достигли стачки доковыхъ рабочихъ въ Англіи и стачка горныхъ рабочихъ въ Германіи. Въ срединѣ мая забастовали 10,000 горныхъ рабочихъ въ рейнской Вестфаліи, 13,000 — въ Заарскомъ округѣ, 10,000 — въ королевствѣ Саксоніи, отъ 17,000 до 19,000 въ Силезіи. Подъ вліяніемъ ультрамонтановъ, вестфальскіе горные рабочіе послали въ Берлинъ своихъ руководителей Шредера, Бунте и Зигеля, чтобы просить помощи у императора. Императоръ обѣщалъ приказать властямъ разсмотрѣть требованія бастующихъ, но заявилъ, что онъ долженъ будетъ отказать имъ въ своемъ благоволеніи, если они обнаружатъ въ движеніи какія-нибудь соціалъ-демократическія тенденціи; въ такомъ случаѣ онъ поступитъ съ ними съ самой безжалостной строгостью, потому что для него всякій соціалъ-демократъ — врагъ императора и отечества. Отправленіе депутаціи горныхъ рабочихъ къ императору явилось само по себѣ ложнымъ шагомъ, который долженъ былъ провалить и который, дѣйствительно, провалилъ стачку, но оно имѣло глубокое моральное значеніе. Сытое самодовольство господствующихъ классовъ было потрясено самымъ ужаснымъ образомъ. И что въ сравненіи съ этимъ могла значить безпомощная, жалкая возня картельнаго рейхстага съ закономъ о страхованіи противъ инвалидности и старости! Даже въ сгущенную атмосферу этого рейхстага проникло дыханіе могучаго движенія, на волнахъ котораго поднялся европейскій пролетаріатъ. Онъ неоднократно возвращался къ требованію создать рабочее законодательство. Но отвѣтъ Бисмарка оставался всегда однимъ и тѣмъ же холоднымъ и упорнымъ „нѣтъ".

Ведя многочисленныя кампаніи въ пользу повышенія заработной платы, нѣмецкій рабочій классъ не забылъ о приготовленіяхъ къ ближайшимъ выборамъ, которые должны были въ первый разъ дать рейхстагъ на цѣлыхъ пять лѣтъ. Еще накапунѣ побѣды партія потеряла нѣсколько своихъ старыхъ парламентскихъ представителей; смерть похитила Газенклевера, Кайзера, Крекера, изъ которыхъ въ особенности Кайзеръ и Крекеръ испытали всю горечь закона о соціалистахъ. Мѣсто Газенклевера въ Берлинѣ (6-й окр.) было побѣдоносно занято Либкнехтомъ, а мѣсто Крекера въ Бреславлѣ (2-й окр.) — Кюномъ. Въ интересахъ свободы дѣйствій, партія должна была прибѣгнуть къ новымъ средствамъ борьбы, которыми она пользовалась въ большихъ размѣрахъ. Путемъ бойкота она обезпечила себѣ возможность пользоваться залами для собраній, а также и помѣщеніями для своихъ газетъ въ мѣстахъ, гдѣ собирались рабочіе. Какъ стачка, такъ и бойкотъ — оружіе обоюдоострое, и не было недостатка въ случаяхъ, въ которыхъ оно вредило самимъ рабочимъ, когда злоупотребляли его примѣненіемъ. Въ общемъ, бойкотъ повсюду примѣнялся лишь по вполнѣ основательнымъ мотивамъ. Онъ пускался въ ходъ тогда, когда нужно было дать рабочему классу такой же свѣтъ и воздухъ, которыми пользовались остальные классы населенія, когда нужно было сломить гнетъ, посредствомъ котораго чиновники и предприниматели хотѣли вытѣснить пролетаріатъ съ поля битвы—и тогда цѣль вполнѣ достигалась.

Соціалъ-демократическая пресса, несмотря на всѣ преграды, пышно распускалась. Чуть ли не каждый мѣсяцъ возникали новыя газеты, иногда, можетъ быть, даже въ слишкомъ большомъ количествѣ; однако, партійная литература развивалась не только въ ширину. „Neue Zeit“ съ каждымъ годомъ все далѣе углублялась въ свои изслѣдованія; въ „Интернаціональной Библіотекѣ“ Каутскій помѣстилъ статью о Томасѣ

Морѣ — историческо-матеріалистическое изслѣдованіе, въ которомъ, во вполнѣ исчерпывающемъ эпоху реформаціоннаго движенія изложеніи, разбиты были какъ католическіе, такъ и протестантскіе историки; Блосъ далъ нѣмецкимъ рабочимъ прелестную исторію великой французской революціи; I. Штернъ далъ основательную оцѣнку нерѣшительности буржуазнаго религіозно-философскаго свободомыслія. Кромѣ „Neue Zeit“ партія располагала еще двумя прекрасными еженедѣльниками. Въ Берлинѣ Шиппель выпустилъ „Volkstribune“ одновременно съ „Берлинской Рабочей Библіотекой“, серіей періодическихъ популярныхъ брошюръ, въ которыхъ обратила на себя вниманіе рядомъ замѣчательныхъ статей по женскому вопросу Клара Цеткинъ, одна изъ самыхъ даровитыхъ поборницъ рабочаго движенія среди нѣмецкихъ работницъ. Въ Нюрнбергѣ Шенланкъ, послѣ того, какъ онъ отбылъ продолжительное тюремное заключеніе по недоказанному обвиненію въ государственномъ преступленіи, руководилъ „Рабочей Хроникой“. Плодомъ его невольнаго досуга явился очеркъ, посвященный фюртской ртутной зеркальной наводкѣ и рабочимъ, занятымъ въ этой отрасли. Очеркъ этотъ обратилъ вниманіе на признаки здраваго пониманія началъ научнаго коммунизма, обнаруживающагося въ той единственной области, въ которой буржуазное хозяйство еще кое-что сдѣлало, принудивъ мюнхенское правительство, благодаря жгучей правдивости изложенія, занять положеніе хромающихъ реформаторовъ.

На литературномъ полѣ также появились новые ростки. Если буржуазное освободительное движеніе дало свои самыя рѣшительныя сраженія, именно въ Германіи, въ области искусствъ, то пролетарское освободительное движеніе происходило съ самаго начала, и не во вредъ себѣ, на почвѣ экономической и политической. Этого требовало историческое развитіе. Въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія почти со-

вершенно не существовала ни экономическая, ни политическая свобода; только нѣкоторая доля послѣдней появилась во второй половинѣ этого вѣка; вступившій въ сраженіе пролетаріатъ наступилъ непосредственно на врага, не нуждаясь нисколько ни въ какихъ искусственныхъ обходахъ. Въ тогдашнемъ буржуазномъ обществѣ искусство покоилось исключительно на капиталистическихъ основаніяхъ, какъ, напримѣръ, всѣ образовательныя искусства, музыка, театръ; только въ лирической и эпической поэзіи вообще пролетаріатъ имѣлъ возможность обнаружить, раскрыть на дѣлѣ свой классовый духъ, въ чемъ недостатка тогда не было.

Но смыслъ этой поэзіи всегда былъ тотъ, что пролетаріатъ шелъ за музой, но не руководилъ ею. „Тенденціозное искусство“ пролетаріата было, въ сущности, болѣе откровеннымъ и прямымъ, чѣмъ „чистое искусство“ буржуазіи, нигдѣ и никогда не существовавшее, являющееся только реакціоннымъ измышленіемъ, направленнымъ противъ великихъ революціонныхъ поэтовъ буржуазіи, которые всѣ были „тенденціозны“ въ духѣ своего класса. Со времени выхода въ свѣтъ многочисленныхъ пѣсенъ, оплакивающихъ раннюю смерть Лассаля, исторію нѣмецкой соціалъ-демократіи обвила гирлянда простыхъ, лишенныхъ украшеній мотивовъ, изъ которыхъ „иные звучали мелодично, иные рѣзко, иные нѣжно, иные сурово“. Аудорфъ, Газенклеверъ, Фроме, Гейбъ и многіе другіе, которые ковали свой славный стихъ въ часы досуга, которые имъ оставляла политическая борьба; другіе, какъ Максъ Кегель, Леопольдъ Якоби, Рудольфъ Лавантъ стояли дальше отъ политики и ближе къ поэзіи, но и они не имѣли никакой претензіи открыть въ искусствѣ новую эру. Они только хотѣли, какъ выразился одинъ изъ нихъ, больше другихъ владѣющій формой, дать выраженіе всякому гнѣву, всякой печали, всякому ликованію, которыми ихъ преисполняетъ пролетарская освободительная борьба въ своихъ мѣняющихся фазахъ, воспѣть, отъ всего сердца

тотъ избытокъ чувствъ, которыя грозно рвутся изъ ихъ груди. Приведетъ ли ихъ имена цеховая исторія литературы въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ отдѣловъ, это ихъ совершенно не занимало.

Литературная юмористическая газета, основанная партіей незадолго до появленія закона противъ соціалистовъ, подверглась потомъ косвенно дѣйствію этого закона. Тогда Дитцъ, при помощи Рудольфа Лаванта и Блоса, создалъ изъ газеты „Der Wahre Jacob“ органъ партійной литературной жизни. По своему первоначальному плану сатирическій листокъ, вначалѣ осторожно, выступавшій на колебавшуюся почву, „Der Wahre Jakob“ съ годами сталъ расширяться; онъ пріобрѣлъ сотни тысячъ читателей и сдѣлался самой распространенной газетой: всегда живой и веселый, онъ вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ большую часть серьезной партійной работы. Кромѣ него, появился въ Мюнхенѣ „Süddeutsche Postillon“. Затѣмъ пошли партійные ежегодники, новеллы которыхъ принадлежатъ всецѣло перу Роберта Швейхеля, имѣвшаго въ этомъ отношеніи большія заслуги. Сорока восьми лѣтъ отъ роду, жилъ онъ въ изгнаніи среди простого и одинокаго крестьянскаго народа Альпъ; муза, которая обыкновенно любитъ покрытую локонами голову юноши, сдѣлалась его интимной подругой, и Швейхель до конца остался вѣренъ идеаламъ своей юности. Въ одинъ многознаменательный моментъ партійной исторіи, въ нюрнбергскомъ соединенномъ партейтагѣ 1868 года, онъ своей проникновенной программной рѣчью рѣшилъ побѣду. Онъ придерживался того стариннаго взгляда, что для поэта нужны не только голова и сердце, но также и позвоночный столбъ. Изложенные въ изящной и простой формѣ, проникнутые настоящимъ поэтическимъ настроеніемъ, его многочисленные разсказы, которые появлялись въ ежегодникѣ партіи, и въ особенности чудные эскизы изъ крестьянской войны дышали твердостью и мужествомъ.

Въ то время, какъ созидающее вѣяніе весны вдохновляло рабочій классъ, самый лютый врагъ послѣдняго терзался въ мукахъ досады, придумывая, какъ снова создать послушный рейхстагъ. Бисмаркъ могъ только дышать въ атмосферѣ бонапартистскихъ плебисцитовъ, но откуда было взять приманку для новаго плебисцита? Пріемы, пущенные въ ходъ на масляничныхъ выборахъ, больше уже не могутъ имѣть успѣха, послѣ того, какъ картельный рейхстагъ въ каждой своей сессіи выкраивалъ изъ шкуры народа такіе длинные ремни, отъ которыхъ замычали даже самые спокойные телята. Колоніальная политика была скомпрометирована позоромъ Самоанской конференціи такъ же, какъ и „національная экономическая политика“ — налогами на водку и сахаръ съ ихъ преміями; не въ малой степени содѣйствовалъ этому также быстрый ростъ капиталистическихъ картелей, союзовъ и трестовъ. Въ 1889 году число ихъ дошло до 95, изъ которыхъ 20 падало на текстильную, а 25 — на металлургическую промышленность, не считая 11 интернаціональныхъ картелей для свинца, мѣди, цинка и т. д. Даже Соединенные Штаты, которые по числу картелей занимали второе мѣсто послѣ Германіи, насчитывали ихъ только 62; въ дѣлѣ искусственнаго повышенія цѣнъ Германія занимала первое мѣсто среди другихъ странъ. Такъ какъ это повышеніе было дѣйствительнымъ средствомъ вызвать всеобщее неудовольствіе, то оно и довело до того, что слава „національной экономической политики“ окончательно померкла. Сторонники свободной торговли не переставали утверждать, что покровительственныя пошлины являются причиной возникновенія картелей, и это утвержденіе заключало въ себѣ долю правды. Сами по себѣ картели выросли изъ капиталистическаго способа производства, изъ скопленія и концентраціи капитала; при всей противообщественности своихъ капиталистическихъ формъ, они, какъ женскій и дѣтскій трудъ, заключаютъ въ себѣ зародыши со-

ціалистической общественной организаціи производства. И фритредерская Англія имѣла свои картели, но хотя она обладала самой развитой крупной промышленностью, она по числу картелей занимала только четвертое мѣсто, вслѣдъ за протекціонистскими государствами — Германіей, Америкой и Австро-Венгріей; въ этомъ смыслѣ было вѣрно утвержденіе, что покровительственныя пошлины создали тепличнымъ образомъ противообщественную форму картелей.

Такимъ образомъ, Висмаркъ, въ своихъ приготовленіяхъ къ плебисциту, долженъ былъ ограничиться однимъ соціалистическимъ пугаломъ, что, въ свою очередь, представляло, различныя затрудненія. „Тактическое рѣшеніе“ вопроса встрѣчало свои затрудненія, а нѣмецкіе рабочіе и во снѣ не думали о томъ, чтобы превратить въ кредитоспособную обанкротившуюся систему. Съ другой стороны, императоръ не остался совершенно чуждъ духу историческаго развитія, совершавшагося со времени его вступленія на престолъ. При всемъ отвращеніи, которое онъ питалъ къ соціалъ-демократіи, политика, которая отразила на себѣ одновременно всѣ тѣневыя стороны буржуазіи со всѣми тѣневыми пятнами юнкерскаго владычества, казалась ему наименѣе способной поддержать современную монархію. Онъ не проникся убѣжденіемъ, которое неотступно сверлило проницательныя головы представителей господствующихъ классовъ, — что именно въ интересахъ этихъ классовъ необходимы отмѣна закона о соціалистахъ и созданіе рабочаго законодательства. Но тотъ фактъ, что онъ самъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ тучей шпіоновъ, какъ онъ узналъ изъ соціалъ-демократической рѣчи въ рейхстагѣ, сдѣлало его самого личнымъ противникомъ закона о соціалистахъ. Не только нельзя было использовать соціалъ-демократію для „тактическаго рѣшенія“ вопроса, но и на императора нельзя было разсчитывать для такого рода выборовъ, какими они были во времена покушеній.

Потерпѣвъ крушеніе, Бисмаркъ, все-таки не думалъ о томъ, чтобы разстаться съ горшками, изъ которыхъ онъ такъ долго вылавливалъ жирные куски. Въ октябрѣ 1889 года онъ внесъ въ четвертую и послѣднюю сессію картельнаго рейхстага законопроектъ, цѣлью котораго было не продлить законъ о соціалистахъ, но лишь надолго увѣковѣчить его путемъ усиленія „судебныхъ гарантій“ и еще нѣкоторыхъ комическихъ „облегченій“ подобнаго же рода. Картельное большинство было готово увѣковѣчить этотъ законъ, націоналъ-либералы хотѣли только вычеркнуть предоставленное полиціи § 28 право изгнанія, чтобы „облегченія“ были хоть на что-нибудь похожи; между тѣмъ консерваторы находили, что увѣковѣченный такимъ образомъ законъ безъ этихъ спеціальныхъ полномочій непріемлемъ. Обѣ стороны проявили здѣсь лицемѣріе. При обоснованіи закона объ изгнаніи правительствомъ было убѣдительно доказано, что предоставленное полиціи § 28 право изгнанія способствовало лишь повсемѣстному распространенію соціалъ-демократической пропаганды, и какъ разъ консерваторы тогда трогательно жаловались на то, какъ эта пропаганда сильно грозитъ идиллическому миру, въ которомъ пребываютъ юнкерскія доходныя помѣстья. Нынѣ же, вопреки своимъ старымъ жалобамъ, они утверждали, будто общество и государство не могутъ существовать безъ этихъ полицейскихъ полномочій. Но со времени крушенія закона объ изгнаніи практика изгнанія въ особенности въ Берлинѣ была фактически пріостановлена, и именно потому, что она ложилась болѣе тяжелымъ бременемъ на ея виновниковъ, чѣмъ на ея жертвы; слѣдовательно, со стороны націоналъ-либераловъ требованіе: полную отмѣну закона замѣнить его „облегченіемъ“, которымъ можно было бы навѣки удержать весь законъ о соціалистахъ, было почти показное. Несмотря на очевидность такого лицемѣрія, проявленнаго съ обѣихъ сторонъ, комедія разыграна была до конца; во второмъ чтеніи

націоналъ-либералы выступали со своимъ „облегченіемъ“ противъ консервативныхъ голосовъ, въ отвѣтъ на что консерваторы голосовали противъ такимъ образомъ „смягченнаго“ закона. Онъ былъ провалевъ 25 января 1890 года 169 голосами противъ 98, и больше ужъ никогда не воскресалъ.

О событіяхъ, разыгравшихся при этомъ за кулисами, достаточно ясно говоритъ полемика, которая десять лѣтъ спустя возникла между старшимъ сыномъ Бисмарка и консервативнымъ политикомъ фонъ-Гельдорфомъ. Гербертъ Бисмаркъ утверждалъ, что его отецъ былъ невиновенъ въ паденіи закона о соціалистахъ; онъ предложилъ консервативной партіи черезъ одного изъ ея представителей, чтобъ она голосовала за „смягчающій“ законъ въ духѣ націоналъ-либераловъ; но вытекавшее изъ этого предложенія условіе не было выполнено, или выполнено не точно. Внутренняя неправдоподобность этого утвержденія была очевидна, однако, припертый къ стѣнѣ консервативный руководитель не захотѣлъ разыгрывать изъ себя мученика бисмарковской легенды, хотя репутацію настоящаго наушника онъ могъ искупить, выставивъ лишь въ дурномъ свѣтѣ свою собственную партію. Гельдорфъ публично заявилъ, что на настоятельную просьбу его и его друзей сказать имъ, должны ли они присоединиться къ націоналъ-либераламъ, отъ Бисмарка они не получили ни категорическаго да, ни нѣтъ. Данный имъ „не безъ оговорокъ и нерѣшительности“ отвѣтъ, совершенно въ духѣ изреченій дельфійскаго оракула, гласилъ, что сверженіе соціалъ-демократіи является самымъ благопріятнымъ средствомъ, съ помощью котораго можно было бы создать такія вполнѣ естественныя партійныя отношенія, которыя бы вполнѣ отвѣчали интересамъ государства и имперіи, и что для него, Бисмарка, больше значитъ сохраненіе картельной политики, чѣмъ всего закона о соціалистахъ.

Эти короткія положенія исчерпываютъ всю поли-

тику, которую Бисмаркъ велъ со времени изданія закона о соціалистахъ до его паденія; картельная политика, эксплоатація народныхъ массъ, была цѣлью; зажиманіе рта соціалъ-демократіи — лишь „благопріятнымъ“ и „естественнымъ“ средствомъ для осуществленія этой цѣли, съ чѣмъ вполнѣ согласуется и другое указаніе, что цѣль — эксплоатація массы — ему болѣе по душѣ, чѣмъ средство — зажиманіе рта соціалъ-демократіи. Но для бѣдныхъ юнкеровъ, которые хотѣли имѣть опредѣленный маршрутъ, этотъ оракулъ былъ слишкомъ сбивчивъ. Когда во второмъ чтеніи былъ принятъ „смягченный“ законъ, состоялось засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ Бисмаркъ добился согласія на отклоненіе этого закона правительствомъ въ томъ случаѣ, если его окончательно приметъ рейхстагъ. Послѣ государственнаго совѣта онъ опять пригласилъ храбраго Гельдорфа, но принялъ его необыкновенно сухо и осторожно, снова не давъ яснаго отвѣта на предложеніе консерваторовъ голосовать за „смягчающій“ законъ, если правительство въ третьемъ чтеніи дастъ понять, что они могутъ такъ поступить. Оставленные безъ всякаго указанія, консерваторы голосовали тогда противъ „смягченнаго закона“, при чемъ остается не установленнымъ, дѣйствовали ли они какъ разсѣянное, оставшееся безъ совѣта стадо, какими ихъ представилъ Гельдорфъ десять лѣтъ спустя, или же они втайнѣ не знали, чего хотѣлъ этотъ человѣкъ.

Планъ Бисмарка былъ, во всякомъ случаѣ, совершенно раскрытъ сообщеніями Гельдорфа. Онъ не хотѣлъ ни „смягченнаго“ закона, который онъ могъ получить однимъ кивкомъ головы, ни „несмягченнаго“ закона, который также былъ для него достижимъ при нѣкоторомъ давленіи на націоналъ-либераловъ. Онъ такъ повернулъ дѣло, какъ будто самъ картельный рейхстагъ, безъ всякой вины правительства, потрясъ основы общества и государства, какъ будто онъ ли-

шилъ корову необходимыхъ орудій защиты противъ разрушающаго подкапыванія соціалъ-демократіи. И если гдѣ нибудь, благодаря усиліямъ его искусныхъ провокаторовъ, произошелъ бы какой-нибудь сверхъ-естественный казусъ, вродѣ нидервальдскаго покушенія, способный создать необходимое настроеніе, то Бисмаркъ, указывая трагическимъ жестомъ на слабость рейхстага, объявилъ бы новые выборы. Принявъ въ соображеніе сказанное имъ однажды вскорѣ послѣ того, какъ онъ искалъ генерала, который былъ бы достаточно хладнокровенъ, чтобы рѣшиться потопить соціалъ-демократію въ ея собственной крови, нельзя безъ содроганія подумать о его замыслѣ выполнить бонапартистскую стратегію съ оригинальной силой удара.

Теперь, какъ и раньше, онъ потерпѣлъ бы крушеніе, если бы натолкнулся на упорное сопротивленіе соціалъ-демократіи, но до этого не дошло. Въ первый разъ Бисмаркъ близко столкнулся съ императоромъ. Не потому, чтобы императоръ хотѣлъ отмѣны закона противъ соціалистовъ, — въ государственномъ совѣтѣ, 24 января, онъ даже высказался въ пользу принятія „смягченнаго“ закона,—но онъ хотѣлъ, чтобы во время вновь назначенныхъ на 20 февраля выборовъ въ рейхстагъ было поднято знамя соціальныхъ реформъ. 5 февраля были опубликованы два высочайшихъ указа, изъ которыхъ одинъ обѣщалъ развитіе рабочаго законодательства, а именно, ограниченіе рабочаго времени, между тѣмъ, какъ другой предписывалъ созывъ интернаціональной рабочей конференціи. Оба указа появились не контрасигнированными министрами; Бисмаркъ позже утверждалъ, что онъ извлекъ содержаніе этихъ указовъ изъ болѣе обширныхъ проектовъ; онъ же внесъ въ указъ и постановленіе о созывѣ конференціи съ намѣреніемъ поставить преграду „гуманному и дружественному по отношенію къ рабочимъ порыву“ императора. Указы возбудили большое вниманіе, усиливъ приливъ, который былъ весьма на руку

соціалъ-демократіи, и который рабочими приписывался моральному вліянію послѣдней.

Соціалъ-демократическій центральный избирательный комитетъ, состоявшій на этотъ разъ изъ Вебеля, Грилленберга, Либкнехта, Мейстера и Зингера, не выпустилъ никакого избирательнаго призыва. Его распоряженія относились только къ практическимъ указаніямъ касательно повѣрки избирательныхъ списковъ и изысканія средствъ на расходы по выборамъ; въ ихъ обращеніяхъ къ избирателямъ рабочіе предостерегались отъ всякихъ попытокъ разстраивать собранія противниковъ, далѣе рекомендовалась строгая объективность въ веденіи избирательной борьбы,—„поступки противниковъ сами за себя много говорятъ". Всякій сознательный рабочій зналъ, въ чемъ дѣло. Съ безмолвной серьезностью выступали рабочіе батальоны. Они приготовились къ рѣшительному дѣлу, разсчитывая на большой успѣхъ, но 20 февраля превзошло ихъ самыя смѣлыя ожиданія. Соціалъ-демократическіе кандидаты получили 1.427,298 голосовъ, почти 20 процентовъ общаго числа всѣхъ поданныхъ голосовъ, на 664,170 голосовъ больше, чѣмъ въ 1887 году. Прусское королевство само доставило почти столько же голосовъ, сколько три года тому назадъ дала вся Германская имперія. Саксонское королевство дало почти четверть милліона, королевство Баварія дало больше ста тысячъ голосовъ. Назвать каждую нѣмецкую провинцію, въ которой пролетаріатъ покрылъ себя въ этотъ незабвенный день славой, значитъ перечислить всѣ нѣмецкія провинціи. Еще поразительнѣе, чѣмъ въ цифровыхъ выкладкахъ, развертывается вся грандіозность соціалъ-демократическихъ побѣдъ на выборахъ при взглядѣ на 78 избирательныхъ округовъ, въ которыхъ кандидаты партіи или побѣдили, или подлежали перебаллотировкѣ.

Можно сказать, что вся нѣмецкая земля была занята пятью сильно укрѣпленными военными лагерями

соціалъ-демократовъ. Первый изъ этихъ лагерей обнималъ Остъ-эльбскую юнкерскую область съ 17-ю избирательными округами. Вокругъ 2, 3, 4, 5 и 6-го округовъ Берлина группировались, подобно внѣшнимъ фортамъ этой гигантской соціалистической крѣпости, 6 пограничныхъ округовъ: Нидербарнимъ, Вестгафеландъ, Цаухъ - Луккенвальде, Тельтовъ - Бесковъ - Шторковъ, Франкфуртъ-на-Одерѣ, Коттбусъ-Шпрембергъ, затѣмъ въ видѣ двухъ выдвинутыхъ постовъ два померанскихъ округа: Штеттинъ и Рандовъ-Грейфенгагенъ, 1 восточно-прусскій — Кенигсбергъ; 3 силезскихъ — оба бреславльскихъ округа и Рейхэнбахъ-Нейроде. Еще нѣсколько сильнѣе, чѣмъ сѣверо-восточный, былъ сѣверо-западный лагерь партіи съ 18-ью округами: къ 5 избирательнымъ округамъ старыхъ ганзейскихъ городовъ — Гамбургу, Бремену и Любеку примыкали 3 мекленбургскихъ: Шверинъ, Ростокъ, Гюстровъ, 4 шлезвигъ-голштинскихъ: Альтона, Киль, Глюкштадтъ, Фленсбургъ, 5 ганноверскихъ: Ганноверъ, Гамельнъ, Гарбургъ, Штаде, Гэстемюнде, кромѣ 1 брауншвейгскаго округа. Третій соціалъ-демократическій военный лагерь съ 21 округомъ занялъ среднюю Германію; онъ состоялъ изъ 9 округовъ въ королевствѣ саксонскомъ: городъ Лейпцигъ съ окрестностями, Митвейда, Хемницъ, Глаухау-Мееранъ, Цвиккау-Кримитшау, Штольбергъ-Шнеебергъ, Ауербахъ-Рейхенбахъ, Плауенъ; изъ 5 округовъ въ саксонской провинціи: Магдебургъ, Галле, Эрфуртъ, Наумбургъ, Кальбе-Ашерслебенъ; изъ 5 округовъ малыхъ государствъ; оба Рейса, Гота, Зоннебергъ, Зондерсгаузенъ, и двухъ новыхъ прусскихъ округовъ: Кассель и Марбургъ. Четвертый военный лагерь представляли 13 округовъ, которые тянулись вдоль западной границы имперіи; сюда входили: 2 вестфальскихъ — Бильфельдъ и Дортмундъ, 5 рейнскихъ — Леннепъ-Меттманъ, Эльберфельдъ-Барменъ, Золингенъ, Дюссельдорфъ, Кельнъ; 6 майнскихъ округовъ — Франкфуртъ-на-Майнѣ, Гэхстъ

Ганау, Оффенбахъ, Майнцъ, Дармштадтъ. Наконецъ, пятый военный лагерь замыкалъ на югѣ цѣпь 9-ью округами: Мюльгаузенъ въ Эльзасѣ, Маннгеймъ въ Баденѣ, Штуттгартъ въ Вюртембергѣ, 1 и 2-ой округа Мюнхена, Нюрнбергъ, Фюртъ, Кронахъ и Вюрцбургъ въ Баваріи.

Пропорціонально числу поданныхъ голосовъ партія могла разсчитывать на 78 избирательныхъ округовъ; въ дѣйствительности же она получила только 35. Во время первыхъ выборовъ она пріобрѣла 20 мѣстъ: 4 и 6-й округи Берлина (Зингеръ и Либкнехтъ), 1, 2 и 3-й округи Гамбурга (Бебель, Дитцъ и Менгеръ), Альтону (Фроме), окрестности Лейпцига (Гейеръ), Миттвейду (А. Шмидтъ), Хемницъ (Шиппель), Глаухау-Мееранъ (Ауеръ), Цвиккау-Кримитшау (Штолле), Штольбергъ-Шнееберґъ (Зейфертъ), Магдебургъ (Бокъ), Рейсъ старшей линіи (Ферстеръ), Рейсъ младшей линіи (Вурмъ), Эльберфельдъ-Барменъ (Гармъ), Золингенъ (Шумахеръ). Мюльгаузенъ (Гикель), 2-й округъ Мюнхена (Фольмаръ), Нюрнбергъ (Грилленбергъ). На перебаллотировкахъ партія, по обыкновенію, должна была опереться исключительно на свои собственныя силы; въ Бреславлѣ, спустя день послѣ первыхъ выборовъ, благородные свободомыслящіе перебѣжали на сторону картели. Въ партіи возникъ вопросъ, какъ она должна держаться на тѣхъ перебаллотировкахъ, на которыхъ ей предстояло сдѣлать выборъ между двумя буржуазными кандидатами? Въ Ст.-Галленѣ, подъ вліяніемъ опыта, вынесеннаго изъ масляничныхъ выборовъ, было постановлено безусловно воздерживаться въ этомъ случаѣ отъ голосованія; соціалъ-демократическіе избиратели получили теперь возможность, поддерживая буржуазную оппозицію, отплатить за вакханалію издѣвательства, проявленную на масляной; они могли совершеннымъ уничтоженіемъ картели положить конецъ предательской игрѣ съ закономъ о соціалистахъ. Прямая политическая необходимость побѣдила всѣ формальныя сомнѣнія; уже 22 февраля центральный избирательный

комитетъ объявилъ лозунгъ для перебаллотировокъ: долой враждебную народу картель! Долой тѣхъ, которые желаютъ увѣковѣчить законъ о соціалистахъ! Комитетъ предложилъ товарищамъ на перебаллотировкахъ между буржуазными кандидатами голосовать за тѣхъ изъ нихъ, которые обязуются стоять противъ всякаго исключительнаго закона, противъ усиленія уголовныхъ законовъ, противъ всякаго ограниченія всеобщаго избирательнаго права. Комитетъ прямо высказался въ интересахъ партіи и общественнаго блага противъ взаимныхъ услугъ другихъ партій. Рабочія массы пошли навстрѣчу этому призыву. Перебаллотировки довершили уничтоженіе картели, которая вступила въ новый рейхстагъ съ безнадежнымъ меньшинствомъ въ 135 человѣкъ, а консервативно-ультрамонтанское большинство оказалось невозможнымъ.

Для самой себя партія пріобрѣла въ перебаллотировкахъ только 15 мѣстъ: Нидербарнимъ (Штатгагенъ), 1-й округъ Бреславля (Туцауеръ), Кенигсбергъ (Шульце), Бременъ (Брунсъ), Любекъ (Шварцъ), Глюкштадтъ (Молькенбургъ), Ганноверъ (Мейстеръ), Брауншвейгъ (Блосъ), Галле (Кунертъ), Кальбе-Ашерслебенъ (Гейне), Франкфуртъ-на-Майнѣ (В. Шмидтъ), Майнцъ (Іэстъ), Оффенбахъ (Ульрихъ), Маннгеймъ (Дреесбахъ) и 1-й округъ Мюнхена (Биркъ). Между парламентскими представителями партіи находились многіе, которые уже испытали свои копья въ борьбѣ противъ закона о соціалистахъ. Меньшая часть ихъ вышла изъ буржуазныхъ слоевъ: писатели Шиппель и Вурмъ, адвокатъ Штатгагенъ, учитель Кунертъ, содержатель гостиницы Биркъ, большинство же — изъ рабочаго класса: папиросники Брунсъ и Ферстеръ, столяры Іэстъ и Гикель, жестяныхъ дѣлъ мастеръ Метцгеръ, наборщикъ А. Шмидтъ, литографъ В. Шмидтъ, сапожникъ Зейфертъ.

20-е февраля размыло почву подъ ногами у мажордома Бисмарка: въ тотъ день, въ который гонимая и опальная соціалъ-демократія собрала подъ своимъ

знаменемъ болѣе сильную армію, чѣмъ какая либо буржуазная партія, его система рухнула. Въ минуту опасности съ его обнаженнаго эгоизма спали всѣ обманчивые покровы; безъ всякаго достоинства разстался онъ съ властью, которой онъ безсовѣстно пользовался. На этотъ разъ великій грѣшникъ не ушелъ въ могилу раньше, чѣмъ Немезида не свершила своего дѣла: шумя и негодуя, онъ себѣ такъ отомстилъ, какъ не могъ бы придумать самый лютый врагъ его.

Глава десятая.

Ликвидація.

Законъ о соціалистахъ пережилъ своего виновника на полгода, да и въ этотъ промежутокъ времени обнаруживалъ уже слабые признаки жизни. Въ дѣйствительности, день 20-го февраля былъ днемъ, съ котораго начался новый періодъ, какъ въ исторіи нѣмецкаго государства, такъ и въ исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи, — періодъ, до сихъ поръ не закончившійся и, до своего окончанія, не подлежащій исторической оцѣнкѣ. Однако, въ рамкахъ настоящей главы будутъ изложены всѣ перипетіи ликвидаціи закона о соціалистахъ. Этой ликвидаціей партія и занялась въ послѣдніе мѣсяцы существованія закона, совершенно закончивъ ее чрезъ годъ послѣ его отмѣны.

1. Итоги закона о соціалистахъ.

Сосчитать съ достаточной полнотой всѣ жертвы, которыхъ рабочимъ стоилъ законъ о соціалистахъ, нѣтъ никакой возможности. Когда „Соціалъ-демократъ“, послѣ десятилѣтняго существованія закона, вознамѣрился составить записку, съ цѣлью дать точную статистику всѣхъ запрещеній, сообщить имена всѣхъ подверг-

шихся высылкѣ, воскресить въ памяти длинный рядъ всѣхъ загубленныхъ этимъ закономъ жизней, строго установить цыфру домашнихъ обысковъ, арестовъ, приговоровъ со всѣми ихъ особенностями, развернуть картину широко практиковавшихся и искусственно поддержанныхъ доносовъ и провокацій, — уже тогда рѣшеніе этой задачи казалось невозможнымъ. Самые ревностные товарищи въ крупныхъ партійныхъ центрахъ спотыкались объ эту задачу, и тотъ матеріалъ, который они однако-жъ собрали, такъ обширенъ, что воспользоваться имъ для удобочитаемой книги — не было никакой возможности.

По приблизительному подсчету, за время существованія закона о соціалистахъ, было запрещено 1,300 періодическихъ и неперіодическихъ печатныхъ произведеній и 332 рабочихъ организаціи того или иного рода. Высылокъ изъ осадныхъ районовъ было произведено около 900, изъ которыхъ болѣе 500 падало на кормильцевъ семей; на Берлинъ пришлось 293 изгнанія, на Гамбургъ 311, на Лейпцигъ 164, на Франкфуртъ 71, на Штеттинъ 53, на Шпрембергъ 1; въ Оффенбахѣ гессенское правительство ограничивалось лишь высылкой иногороднихъ германскихъ подданныхъ. Общая продолжительность вынесеннаго по суду тюремнаго заключенія равняется почти 1,000 годамъ, распредѣляющимися между 1,500 лицами. Если всѣ эти голыя цифры еще очень далеки отъ дѣйствительности, то кромѣ того сами по себѣ онѣ въ состояніи дать полную картину всеобщаго разрушенія, гибели человѣческаго счастья и человѣческой жизни; онѣ ничего не говорятъ о тѣхъ безчисленныхъ мученикахъ, которые, благодаря капиталистическимъ и полицейскимъ напастямъ, оторваны были отъ своего семейнаго очага и подвергнуты всѣмъ бѣдствіямъ изгнанія, въ которомъ они находили преждевременную могилу.

Перефразируя эти слова поэта, воспѣвшаго борцовъ, павшихъ 18 марта, жертвы закона противъ соціали

стовъ могли-бы сказать о себѣ: „Дорого, да мило". Никто изъ тѣхъ храбрыхъ и вѣрныхъ, которые были скошены косой закона о соціалистахъ, не пострадалъ даромъ; даже изъ костей тѣхъ, которые умирали и погибали въ неизвѣстности, возродились мстители. Во время обнародованія закона о соціалистахъ партія располагала 437,158 избирательными голосами и 42 политическими газетами; профессіональныя организаціи насчитывали 50,000 членовъ и 14 органовъ; ко времени упраздненія закона о соціалистахъ партія насчитывала уже 1.427,298 избирательныхъ голосовъ и 60 политическихъ газетъ, число членов профессіональныхъ организацій превосходило 200,000 человѣкъ при 41 органѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, протекшихъ со времени партейтага въ С-тъ Галленѣ, партійная касса собрала 325,000 марокъ; ужъ когда война окончилась, боевая касса партіи была еще обильно наполнена, насчитывая около 172,000 марокъ.

Какъ вредъ, такъ и польза, принесенные закономъ о соціалистахъ, никакъ не могутъ быть выражены въ цифрахъ, хотя бы самыхъ краснорѣчивыхъ. Согласно извѣстному діалектическому тезису, количество, въ извѣстной степени, перешло здѣсь въ качество. Въ продолженіе двѣнадцатилѣтней борьбы партія не только окрѣпла и расширилась, но также глубже развила самую свою сущность. Она не только боролась и сражалась, но также работала и училась; она явила собой примѣръ не только мощи, но и силы духа. Достигнутые ею безцѣнные результаты могутъ быть вообще такъ же мало выражены въ числахъ, какъ и сознаніе непобѣдимости, проникшее въ партію съ тѣхъ поръ, какъ она побѣдоносно вела борьбу въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ противъ усилій одного изъ современныхъ большихъ государствъ. Героемъ пролетарскаго героическаго вѣка были сами массы, и въ этомъ заключалось его отличительное значеніе и величіе.

Напрасно буржуазныя партіи старались отдѣлаться

указаніемъ на то, будто господствующіе классы добровольно отказались отъ закона о соціалистахъ, будто партія безъ этого добровольнаго отказа ея враговъ продолжала бы спокойно и дальше переносить это иго. По отношенію къ одной части господствующихъ классовъ указаніе это было совершенно невѣрно, а что касается другой, то оно было вѣрно лишь постольку, поскольку она „добровольно" признала свое пораженіе. Эта часть отказалась отъ закона о соціалистахъ потому, что сознательный пролетаріатъ направилъ испускаемую имъ стрѣлу въ самое сердце его виновниковъ. Господствующіе классы, конечно, могли еще удержать законъ о соціалистахъ, но только цѣной всеобщаго разрушенія, которое дало бы право Священной Римской имперіи нѣмецкой національности съ презрѣніемъ смотрѣть на вновь созданную нѣмецкую имперію. Вполнѣ понятно, если генералъ уводитъ свои войска послѣ безнадежно потеряннаго сраженія, изъ опасенія, чтобы ихъ совершенно не уничтожили, но какой дуракъ станетъ привѣтствовать подобнаго генерала, какъ побѣдителя, да еще „добровольнаго".

Не менѣе глупымъ оказывалось и буржуазное зубоскальство, когда буржуазная печать насмѣшливо недоумѣвала, почему, дескать, соціалъ-демократія такъ сильно боролась противъ закона о соціалистахъ, если онъ былъ ей такъ полезенъ? Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", но этотъ взглядъ никогда не былъ и не будетъ взглядомъ соціалъ-демократіи. Сознательный пролетаріатъ увѣренъ въ своемъ будущемъ, и охотно уступаетъ первый шагъ своимъ противникамъ, если дѣло касается насилія. Извѣстенъ легендарный разсказъ, касающійся битвы при Фонтенуа, когда одинъ англійскій офицеръ сказалъ французскому: „Прикажите вашимъ людямъ стрѣлять!", и получилъ въ отвѣтъ: „Мы никогда не стрѣляемъ первыми". Точно такимъ образомъ отвѣтила и соціалъ-демократія на призывъ своихъ противниковъ,

но, конечно, не изъ феодальной галантности, а изъ хорошо обдуманной тактики, вытекающей изъ эмансипаціонной борьбы; когда противники доходятъ до насилія, тогда она можетъ использовать съ большой выгодой для себя принципъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, какъ она и сдѣлала во дни закона и соціалистахъ.

На борьбу она пошла, подобно юношѣ, съ быстро справившимися членами, съ нѣкоторыми еще полными мечтательности мыслями въ головѣ, но вышла она изъ борьбы мускулистымъ и закалившимся мужемъ, рѣшительнымъ, ловкимъ, вполнѣ опредѣливщимся и выросшимъ.

2. Старики и молодые.

Во время демобилизаціи въ партіи возникли нѣкоторыя внутреннія столкновенія, которыя сами по себѣ не имѣли никакого значенія, но, благодаря шуму, поднятому буржуазной прессой, выросли въ крупное дѣло. Эти дружественныя кумушки окрестили возникшій споръ именемъ борьбы между стариками и молодыми; какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, имя это получило право гражданства, хотя и очень мало подходило къ данному случаю.

Въ сущности, все дѣло заключалось въ нѣкоторомъ неудовольствіи нѣсколькихъ большихъ городовъ, какъ Дрезденъ, Магдебургъ и въ особенности Берлинъ. По скольку это неудовольствіе имѣло серьезное основаніе, его скорѣе всего можно было сравнить съ настроеніемъ привыкшихъ къ войнѣ ветерановъ, которые, послѣ прекращенія войны, неохотно снимаютъ свое оружіе, которымъ они ловко и удачно владѣли. Особенно естественно было такое настроеніе въ Берлинѣ. Нигдѣ партія не пережила такого тяжелаго положенія, какъ въ столицѣ имперіи; это, безъ сомнѣнія, принесло ту большую пользу, что въ Берлинѣ образовалась крѣпкая и сильно сплоченная группа радикально мыслящихъ товарищей, о которыхъ прежде всего разбивалось остріе

бисмарковской системы насилія и коррупціи. Здѣсь-то, конечно, и случалось, что иногда раздавалось болѣе рѣзкое слово, чѣмъ это было нужно; особенно часто возникали споры въ Берлинѣ на общинныхъ выборахъ, которые не всегда производили пріятное впечатлѣніе на провинціальныхъ товарищей. Но когда берлинскіе товарищи слишкомъ далеко заходили, то и имъ доставалось; здѣсь обнаруживались также и нѣкоторыя опасенія за то, какъ бы партія, съ отмѣной закона о соціалистахъ, нѣсколько не изнѣжилась, тѣмъ болѣе, что партія была теперь относительно сильно представлена въ рейхстагѣ. Чувствовалось такое же смутное недовѣріе къ фракціи, какъ послѣ выборной кампаніи 1884 года, въ которой также было пріобрѣтено большое число мандатовъ, и какъ тогда по вопросу о пароходной субсидіи, такъ и теперь возникъ открытый раздоръ по вопросу о перебаллотировкахъ и о праздновавіи 1-го мая.

Безъ сомнѣнія, центральный избирательный комитетъ нарушилъ принятое въ С.-Галленѣ постановленіе, когда онъ призывалъ къ поддержкѣ на перебаллотировкахъ буржуазной оппозиціи. Но интересы партіи были такъ ясны, и согласіе большей части партійныхъ товарищей было такъ несомнѣнно, что споръ объ этомъ скоро прекратился. Не такъ просто дѣло обстояло съ вопросомъ о праздновапіи 1-го мая. Подъ вліяніемъ приподнятаго настроенія, вызваннаго 20-мъ февраля, въ многочисленныхъ профессіональныхъ и политическихъ рабочихъ собраніяхъ рѣшено было праздновать 1-е мая прекращеніемъ работы. Но не непремѣнно такимъ же образомъ было рѣшено праздновать 1 мая въ Парижѣ; напротивъ, каждой странѣ было предоставлено право сообразоваться съ обстоятельствами въ этомъ праздновапіи. Нашлись, во всякомъ случаѣ, и среди нѣмецкаго пролетаріата широкіе круги рабочихъ, которые, по основательнымъ причинамъ, и слышать не хотѣли о повсемѣстномъ прекращеніи работъ 1-го мая.

Промышленный подъемъ минулъ, застой въ дѣлахъ усиливался съ каждымъ днемъ, и попытка, несмотря на все это, вызвать 1-го мая прекращеніе работъ могла повести къ тяжелымъ экономическимъ и даже политическимъ конфликтамъ, справиться съ которыми при настоящихъ обстоятельствахъ было бы невозможно. Предприниматели и сочувствующія имъ власти выжидали только того, чтобы пораженіемъ 1 мая вырвать у рабочихъ побѣду 20 февраля, и когда эта чудная перспектива не осуществилась, органъ Бенигсена „Ганноверскій Курьеръ“ наивно замѣтилъ, что только теперь закону о соціалистахъ нанесенъ смертельный ударъ.

При подобномъ положеніи вещей молчаніе соціалъ-демократической фракціи рейхстага оказалось слишкомъ продолжительнымъ. Изнуренная усиліями, сдѣланными во время выборной кампаніи, она, казалось, недостаточно оцѣнила важность вопроса; ея намѣреніе внести, тотчасъ же по открытіи новаго рейхстага, на разрѣшеніе фракціи вопросъ о празднованіи 1-го мая было уже потому неумѣстно, что еще совсѣмъ не было установлено, соберется ли рейхстагъ до 1-го мая, какъ это и случилось въ дѣйствительности, —рейхстагъ собрался лишь 6 мая. 23 марта группа берлинскихъ товарищей выпустила воззваніе, въ которомъ призывала рабочихъ промышленныхъ городовъ, гдѣ существуютъ сильныя рабочія организаціи, къ повсемѣстному прекращенію работъ 1 мая. Этотъ самовольный поступокъ непріятно задѣлъ фракцію; она собралась 13 апрѣля въ Галле, гдѣ было постановлено большинствомъ голосовъ противъ одного отказаться отъ забастовки, если не безусловно, то, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ она могла бы вызвать нежелательные конфликты. Постановленіе это, безъ сомнѣнія правильное, вызвало бы всеобщее сочувствіе, если бы многіе рабочіе не были уже вовлечены въ эту забастовку, къ которой буржжузная пресса подстрекала ихъ ѣдкими замѣчаніями о „трусливости“ отступленія. Особенно энергично была

сдѣлана попытка прекратить работы въ Гамбургѣ, но и въ этомъ, въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, самомъ лучшемъ вооруженномъ пунктѣ партіи, она привела къ тяжелымъ и убыточнымъ столкновеніямъ. Возраженіе, которое сдѣлала оппозиція, что дѣло это приняло бы совершенно иной оборотъ и кончилось бы тріумфомъ пролетаріата, если бы фракція не выступила со своимъ отговариваніемъ, было само по себѣ весьма шатко; справедливѣе былъ упрекъ въ томъ, что фракція выступила не достаточно своевременно; во всякомъ случаѣ, этотъ спорный вопросъ вызвалъ различныя недоразумѣнія.

Оппозиціонные элементы въ Дрезденѣ, Магдебургѣ и Берлинѣ состояли изъ практически весьма дѣльныхъ людей, не владѣвшихъ, однако, ни словомъ, ни перомъ, и благодаря этому ораторами и публичными защитниками ихъ идей выступили нѣкоторые изъ молодыхъ писателей. Съ этой стороны Энгельсъ былъ правъ, когда говорилъ о „литературномъ и студенческомъ бунтѣ“, ибо, благодаря вмѣшательству этихъ отчасти еще очень молодыхъ силъ, споръ по нѣкоторымъ конкретнымъ вопросамъ превратился въ принципіальную борьбу между старыми и молодыми. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ Пауль Эрнстъ и Пауль Кампффмейеръ, обладали талантами и знаніями; только ихъ ошибка заключалась въ томъ, что, не будучи знакомы съ практическими условіями политической борьбы, они слишкомъ односторонне-формально понимали „Коммунистическій Манифестъ“. Другіе же, какъ Гансъ Мюллеръ и Бруно Вилле, заслуживали болѣе строгаго осужденія. Мюллеръ вообразилъ, что открылъ страшную классовую борьбу, происходящую въ партіи между мелкой буржуазіей и пролетаріатомъ, подтверждая въ то же время свое открытіе, на путткамерскій ладъ, только въ обратномъ смыслѣ, рядомъ цитатъ, которыя онъ вылавливалъ изъ устныхъ и печатныхъ заявленій, сдѣланныхъ когда-либо выдающимися и невыдающимися партійными то-

варищами въ продолженіе двѣнадцатилѣтняго существованія закона о соціалистахъ. И стоило ему только открыть въ цитатѣ какую нибудь черту мелкобуржуазнаго радикализма, чтобы разразиться красивыми фразами о „гнойныхъ нарывахъ", заражающихъ тѣло партіи. Бруно Вилле, безприходный священникъ, затвердилъ себѣ: „самое худшее, что намъ принесъ законъ о соціалистахъ, это — испорченность".

На борьбу съ „молодыми" выступилъ со стороны „старыхъ" Бебель. Тактически было бы, безъ сомнѣнія, правильнѣе, если бы онъ взглянулъ на Мюллеровъ и Вилле болѣе съ юмористической стороны, если бы онъ заговорилъ не о „мерзкихъ", а только о ребяческихъ нападкахъ; но кто станетъ осуждать человѣка, который въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ стоялъ въ самыхъ первыхъ рядахъ борцовъ, подъ самымъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, за то, что такія выходки вызвали у него желчное раздраженіе? Меньше всего осуждали его за это рабочіе; на большихъ собраніяхъ, происходившихъ 10 августа въ Дрезденѣ, а 13 августа въ Магдебургѣ и особенно на грандіозномъ собраніи, состоявшемся 25 августа въ Берлинѣ они, въ подавляющемъ большинствѣ, высказались въ пользу Бебеля, противъ Мюллюра-Вилле, въ пользу „старыхъ" и противъ „молодыхъ", къ сердечному огорченію буржуазной прессы, которая, вмѣсто того, чтобы радоваться обращенію стариковъ въ мелко-буржуазный поссибилизмъ", обнаружила удивительнымъ образомъ трогательный интересъ къ „революціоннымъ" фразамъ молодыхъ.

3. Партейтаги въ Галле и Эрфуртѣ.

Самыя важныя задачи, которыя предстояло разрѣшить партіи послѣ отмѣны закона о соціалистахъ, заключались въ созданіи новой организаціи и выработкѣ новой программы. Задачи эти были рѣшены на партейтагахъ въ Галле и Эрфуртѣ.

Партейтагъ въ Галле былъ открытъ отъ 12 до 18 октября 1890 года. Прошелъ онъ весьма удачно и блестяще, въ немъ приняли участіе 400 делегатовъ, 17 гостей привѣтствовали его отъ имени австрійскихъ, швейцарскихъ, англійскихъ, французскихъ, бельгійскихъ, голландскихъ, датскихъ, шведскихъ и польскихъ родственныхъ партій. Дебаты по вопросу о новой партійной организаціи закончились, послѣ оживленныхъ преній, полнымъ соглашеніемъ. Тотъ типъ организаціи въ союзы, который возникъ до появленія закона о соціалистахъ, былъ отклоненъ,—для этого партія слишкомъ выросла, несмотря на всѣ полицейскія затрудненія. Необходимая партійная централизація была представлена ежегоднымъ партейтагомъ, ежегодно избираемымъ послѣднимъ партійнымъ центральнымъ комитетомъ и центральнымъ органомъ. Вмѣсто „Соціалъ-демократа", послѣ славно одержанной побѣды добровольно прекратившаго свой выходъ, появился „Berliner Volksblatt", подъ новымъ именемъ „Vorwärts". Связь между партійнымъ центральнымъ комитетомъ и мѣстными кружками поддерживали избираемые послѣдними особые уполномоченные. Партійный центральный комитетъ состоялъ изъ 12 лицъ; изъ нихъ пять вели собственно дѣла, а семь производили надъ ними контроль.

Оппозиція нашла на этомъ партейтагѣ своего оратора въ лицѣ типографа Вернера, который выступилъ очень неловко и запутался въ мелочной болтовнѣ. Его обвиненія обратились въ ничто, когда они были разсмотрѣны въ комиссіи, и Вернеръ обѣщалъ подчиниться постановленіямъ партейтага. Такъ дѣло шло до 1891 г., когда рѣчь Фольмара, произнесенная имъ 1 іюля въ Мюнхенѣ, снова вызвала оппозицію въ Берлинѣ и Магдебургѣ. Успѣшная дѣятельность Фольмара въ мелкокрестьянской Баваріи отразилась нѣсколько и на его воззрѣніяхъ. Хотя онъ отнюдь не высказывался въ пользу отказа отъ конечныхъ цѣлей партіи, но все

же онъ требовалъ, чтобы главная сила партіи была сосредоточена на практической дѣятельности, какъ на дальнѣйшемъ проведеніи законодательной защиты труда, обезпеченіи права союзовъ, отмѣнѣ пошлинъ на предметы первой необходимости. Онъ проповѣдывалъ, что слѣдуетъ пойти навстрѣчу всякому „благому намѣренію". Но, къ сожалѣнію, и послѣ паденія Бисмарка, господствующіе классы выказали безнадежно мало „благихъ намѣреній". Международная конференція по рабочему законодательству кончилась холостымъ выстрѣломъ; новелла къ промысловому уставу, которая была возвѣщена въ февральскихъ указахъ, не удовлетворяла даже самымъ умѣреннымъ претензіямъ на дальнѣйшее развитіе фабричнаго законодательства; сверхъ того, она заключала въ себѣ позорное покушеніе на право союзовъ. Преемникъ Бисмарка держался такъ же цѣпко за пошлины на предметы первой необходимости, какъ и самъ Бисмаркъ. Не удивительно, что рѣчь Фольмара показалась широкимъ партійнымъ кругамъ опасной перемѣной фронта.

Еще опаснѣе былъ поворотъ берлинской оппозиціи въ противоположную сторону. Послѣ того, какъ она имѣла нѣсколько бурныхъ столкновеній въ публичныхъ собраніяхъ, именно съ Бебелемъ и Фишеромъ, она въ летучемъ листкѣ, написанномъ, вѣроятно, обойщикомъ Вильдбергеромъ, изложила свои взгляды, которые имѣли за себя цѣлое поколѣніе испытанныхъ рабочихъ; какъ мужественный протестъ, листокъ этотъ стоялъ выше поверхностныхъ заявленій Мюллеровъ и Вилле. Несмотря на это, этотъ летучій листокъ страдалъ самымъ крупнымъ недостаткомъ, какой только возможенъ въ программномъ воззваніи, лишенномъ какой бы то ни было реальной точки опоры. Свой главный ударъ онъ направилъ противъ парламентской дѣятельности партіи, утверждая, что о такой дѣятельности не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока партія была молодой и состояла изъ пролетаріевъ. Нѣтъ ни-

чего болѣе невѣрнаго, чѣмъ это утвержденіе. Замѣчательно, что изъ всей исторіи партіи могъ быть приведенъ только одинъ аргументъ въ пользу этого утвержденія, а именно,—та рѣчь Либкнехта 1869 г., которая самимъ Либкнехтомъ давно была признана неосновательной и которая въ то самое время, когда она была произнесена, уже находилась въ совершенномъ противорѣчіи съ партійной тактикой, предложенной не только Лассалемъ и Швейцеромъ, но также Бебелемъ и Энгельсомъ. Въ тщетныхъ попыткахъ поддержать свою несостоятельную точку зрѣнія руководители оппозиціи опять перешли къ заподазриванію партійныхъ руководителей. Это была благодарная пища для буржуазной прессы, которая гулкимъ эхомъ разнесла по всей странѣ эти темныя обвиненія; руководители партіи, по необходимости, обратились къ самозащитѣ; на Эрфуртскомъ партейтагѣ они обратились къ своимъ противникамъ со словами: „докажите или откажитесь; если не можете сдѣлать перваго и не хотите второго, то выступайте изъ партіи“.

Партейтагъ въ Эрфуртѣ засѣдалъ съ 14-го по 20-ое октября 1891 года. На немъ присутствовало 250 делегатовъ, изъ которыхъ десятокъ принадлежалъ къ оппозиціи. Дебаты о тактикѣ заняли нѣсколько дней. Съ Фольмаромъ, который самъ своевременно уступилъ, было достигнуто соглашеніе; но не такъ обошлось дѣло съ берлинской и магдебургской оппозиціей. Каждый изъ ея представителей держался своей собственной точки зрѣнія, и ни разу Вильдбергеръ, не говоря уже о Вернерѣ, не сумѣлъ своими рѣчами произвести хоть сколько-нибудь глубокаго впечатлѣнія. Оба они, а также три магдебургскихъ делегата заявили о своемъ выходѣ изъ партіи, когда была образована комиссія для разсмотрѣнія ихъ жалобъ; комиссія все-таки выполнила свою задачу, внесши предложеніе объ исключеніи Вильдбергера и Вернера изъ партіи. Партейтагъ большинствомъ 11-ти голосовъ принялъ предложеніе,

Оппозиція попыталась тогда организовать партію независимыхъ, однако, эта попытка не удалась. Меньшинство откололось въ маленькую анархистскую фракцію; молодые литераторы почти всѣ вернулись въ буржуазный міръ, за единственнымъ исключеніемъ Пауля Кампфмейера, который, съ характерной для недалекаго и книжнаго анархизма послѣдовательностью, примкнулъ къ движенію, руководимому обществомъ друзей мира. Одиннадцать лѣтъ спустя, раны, полученныя въ этой борьбѣ, зажили настолько, что мюнхенскій партейтагъ въ 1902 году отмѣнилъ постановленіе объ исключеніи изъ партіи Вильдбергера и его тогдашнихъ товарищей.

4. Эрфуртская программа.

Утѣшительную сторону Эрфуртскаго партейтага составляетъ выработка партійной программы. Необходимость пересмотра Готской программы выступала тѣмъ явственнѣе, чѣмъ больше партія, подъ вліяніемъ закона о соціалистахъ, выясняла себѣ свою историческую сущность и свои историческія задачи. Еще въ С-тъ Галленѣ Ауеръ, Бебель и Либкнехтъ получили предложеніе выработать новую партійную программу. Въ пылу происходившихъ битвъ было не до этого; тѣмъ съ большей энергіей былъ обсужденъ этотъ вопросъ, когда партія, послѣ паденія закона о соціалистахъ, снова получила широкій просторъ.

Какія-нибудь принципіальныя разногласія здѣсь не возникали, несмотря на участіе самой оппозиціи въ дебатахъ. Магдебургскій проектъ программы, въ выработкѣ котораго большое участіе принималъ Пауль Кампфмейеръ, отличался отъ проекта центральнаго комитета партіи только болѣе удачнымъ изложеніемъ. Дальнѣйшая работа была, главнымъ образомъ, редакціоннаго характера, дѣло заключалось въ томъ, чтобы представить въ наиболѣе сжатой и ясной формѣ все міросозерцаніе, которое выработала себѣ партія; съ од-

ной стороны, необходимо было историческую задачу соціалъ-демократіи, конечную цѣль пролетарскаго классоваго движенія, вывести изъ историческаго развитія современнаго буржуазнаго общества; съ другой стороны—отмѣтить практическіе пути, по которымъ должна идти партія въ условіяхъ этого общества. Подобное подраздѣленіе отвѣчало тактикѣ сознательнаго пролетаріата, который долженъ сражаться при данныхъ реальныхъ соотношеніяхъ, руководствуясь лишь въ этомъ бушующемъ и полномъ подводныхъ камней морѣ современной классовой борьбы своей конечной цѣлью, какъ вѣрнымъ компасомъ. Проектъ, единогласно принятый Эрфуртскимъ партейтагомъ, послѣ подробнаго обсужденія его въ комиссіи, принадлежалъ Каутскому.

Противники говорили о „программномъ сумбурѣ" въ томъ смыслѣ, будто партійные ученые состряпали Эрфуртскую программу для того, чтобы прикрыть дикіе разрушительные аппетиты массъ. Если кто хотѣлъ этимъ сказать, что не каждый изъ полутора милліоновъ избирателей, голосовавшихъ 20 февраля за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, убѣжденный послѣдователь соціалъ-демократическихъ стремленій, то это значило ломиться въ открытую дверь. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ „Соціалъ-демократъ" мѣтко сказалъ по этому поводу, что болѣе слабаго утѣшенія нельзя было себѣ представить. Поскольку соціалъ-демократическіе голоса не явились безусловнымъ вотумомъ недовѣрія противъ буржуазнаго общества, постольку они не представляютъ безусловнаго вотума довѣрія партіи „переворота", планы которой изображались всѣми буржуазными партіями какъ рѣдкое помѣшательство. Что выиграли противники отъ этой аргументаціи? Этимъ было заранѣе покончено съ одной стороной „сумбурной программы".

Ея другая сторона была дѣйствительнымъ сумбуромъ. Каждый пунктъ программы былъ выработанъ,

отвоеванъ и прочувствованъ самой партіей въ продолженіе ея десятилѣтней борьбы; доказать это въ отдѣльности—значитъ разсказать еще разъ всю внутреннюю исторію партіи, начиная „Гласнымъ отвѣтомъ“ Лассаля и кончая Эрфуртской программой.

Глава одиннадцатая.

Съ полутора до трехъ милліоновъ голосовъ.

Тринадцать лѣтъ, протекшихъ съ момента паденія закона о соціалистахъ, исторически представляются въ такомъ же свѣтѣ, какъ вдвое болѣе длинный промежутокъ времени, который описанъ на этихъ страницахъ,—въ свѣтѣ побѣдоноснаго шествія, неудержимо и безпрерывно пройденнаго нѣмецкимъ пролетаріатомъ. Подобно тому, какъ соціалъ-демократическая партія изъ маленькой кучки, которая впервые собралась подъ знаменемъ Лассаля, въ теченіе 27 лѣтъ выросла почти въ полтора милліона избирателей въ рейхстагъ, такъ она съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 13 лѣтъ, выросла въ 3 милліона избирателей; 16-ое іюня 1903 года было такимъ же днемъ тріумфа, какъ и 20-ое февраля 1890 года.

Однако, день этотъ не является исторической датой въ томъ же смыслѣ, какъ день 20 февраля. Въ этотъ день не была свергнута никакая политическая система, и тотъ фактъ, что въ рейхстагѣ засѣдаетъ съ тѣхъ поръ 81 соціалъ-демократическій депутатъ вмѣсто прежнихъ 58, не является фактомъ исторической важности. Кромѣ того, буржуазный міръ пребываетъ въ пріятномъ заблужденіи, что нѣмецкая соціалъ-демократія совершенно умалила на Дрезденскомъ партейтагѣ огромное значеніе побѣды, 16 іюня, до основанія разрушивъ свой престижъ въ глазахъ массы. Наконецъ, этотъ буржуазный міръ болѣе полагается на свои

пушки и прочее огнестрѣльное оружіе, на правительственный аппаратъ, которымъ онъ безгранично располагаетъ. Насколько кажется теперь болѣе могущественнымъ, чѣмъ нѣкогда мажордомъ Бисмаркъ, императоръ Вильгельмъ, который хочетъ быть своимъ собственнымъ фельдмаршаломъ и своимъ собственнымъ государственнымъ канцлеромъ, — который ужъ не разъ прицѣливался въ новые законы о соціалистахъ, который не перестаетъ грозить мечомъ революціонному пролетаріату и поносить эмансипаціонную борьбу рабочаго класса болѣе жестоко, чѣмъ ее когда-либо поносили!

Далѣе историческое развитіе нѣмецкой соціалъ-демократіи въ послѣднія 13 лѣтъ будетъ лишь обрисовано нѣсколькими бѣглыми штрихами.

1. Капиталистическая и соціалистическая всемірная политика.

Эра Вильгельма II-го, во всякомъ случаѣ, представляетъ шагъ впередъ въ сравненіи съ эрой Бисмарка, но это шагъ не преуспѣвающаго, а разлагающагося капитализма.

Крупная промышленность сыграла роль піонера въ пролетарской освободительной борьбѣ. Создавъ болѣе колоссальныя и болѣе могущественныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предыдущія человѣческія поколѣнія вмѣстѣ взятыя, она грубо расшатала рамки буржуазнаго общества, вызвавъ эпидемію перепроизводства, въ которомъ современное общество задыхается. Обладая, по выраженію „Коммунистическаго Манифеста“, слишкомъ высокой цивилизаціей, слишкомъ широкими средствами къ существованію, слишкомъ крупной промышленностью, слишкомъ обширной торговлей, современное общество привело антагонистическій характеръ капиталистическаго способа производства къ его самому простому и самому ясному выраженію—классовой борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, къ борьбѣ,

которая можетъ окончиться только или побѣдой пролетаріата, или возвращеніемъ назадъ отъ цивилизаціи къ варварству. Какъ только европейская буржуазія поняла положеніе дѣлъ—она не задумалась ни одной минуты надъ выборомъ и провозгласила лозунгъ: „Назадъ, назадъ, Донъ-Родриго!“ Она зачеркнула на своемъ знамени свободную торговлю и миръ и написала на немъ монополію и войну. Всемірная политика крупной промышленности сосредоточилась опять на всемірной политикѣ буржуазнаго торговаго капитала, какой она была въ XVII и XVIII вѣкахъ, на той всемірной политикѣ, которая выросла на завоеваніи и протекціонизмѣ, которая старалась захватить какъ можно больше рынковъ для того, чтобы потомъ совершенно закрыть ихъ для внѣшняго міра.

Во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства наблюдается то же самое реакціонное явленіе; но въ своей классической, т. е. исторически самой шаткой и для культурнаго развитія человѣчества самой опасной во всѣхъ отношеніяхъ—формѣ явленіе это выступило въ той странѣ, которая обязана крупной промышленности своимъ освобожденіемъ отъ многовѣковаго униженія,—въ Германіи. Оно возникло здѣсь благодаря законамъ противъ соціалистовъ, чѣмъ и объясняется его специфическій историческій отпечатокъ. Сдѣлавъ послѣдніе выводы изъ капиталистическаго способа производства, оставивъ втунѣ массу производительныхъ силъ, которыя могутъ развернуться только при высшей формѣ общественной организаціи, крупная промышленность представляла весьма благопріятную почву для освободительной борьбы рабочаго класса, и стремленія размыть эту почву являются для рушащагося капитализма самымъ сильнымъ побужденіемъ къ всемірной политикѣ. Стараться упадокъ національнаго труда замѣнить экзотическими сокровищами и стремиться въ то же время поддержать ходъ крупной промышленности безъ помощи сильныхъ

рукъ рабочихъ, это значитъ подвергать трудовое населеніе преслѣдованіямъ болѣе жестокимъ, чѣмъ тѣ, которымъ испанскій Филиппъ подвергалъ мавровъ, а французскій Людовикъ гугенотовъ. Такимъ образомъ послѣднимъ заткнули ротъ для того, чтобы превратить въ безвольное орудіе, а лишить пчелу жала значитъ предоставить возможность трутнямъ откармливаться.

Во время закона противъ соціалистовъ представители крупной промышленности, подъ вліяніемъ перенесеннаго послѣдней большого краха, шли рука объ руку съ реакціонными классами. Въ награду они получили свои промышленныя пошлины, подобно обанкротившемуся юнкерству, жизнь котораго искусственно поддерживалась посредствомъ аграрныхъ пошлинъ и премій или же подобно милитаристическому абсолютизму, освободившемуся отъ парламентскаго хотя бы и малодушнаго, но все же тягостнаго контроля буржуазныхъ партій рейхстага, благодаря своего рода финансовымъ пошлинамъ. Рука руку мыла въ этой реакціонной политикѣ. Но при Бисмаркѣ она не достигла еще своего полнаго расцвѣта.

Какъ остъ-эльбскій юнкеръ, онъ питалъ непреодолимое отвращеніе къ широкимъ морскимъ планамъ; даже пріобрѣтеніе Эльзасъ-Лотарингіи онъ переваривалъ съ такимъ трудомъ, что у него пропала всякая охота къ заморскимъ авантюрамъ. Лишь когда рабочій классъ сталъ вырывать изъ его рукъ законъ противъ соціалистовъ, и когда онъ только съ помощью плебисцитарныхъ пріемовъ на бонапартистскій манеръ могъ еще кое-какъ продлить свою систему отъ однихъ выборовъ въ рейхстагъ до другихъ, лишь тогда онъ далъ себя, почти противъ своего желанія, вовлечь въ колоніальную политику, жалкіе результаты которой стояли въ обратномъ отношеніи къ тому шуму, съ которымъ она была начата.

Устрашающее впечатлѣніе отъ его паденія, вызваннаго тѣмъ же самымъ классомъ, который онъ тщетно ста-

Свое политическое выраженіе эта реакціонная всемірная политика нашла въ имперіализмѣ, который является въ такой же степени отличительной формой господства капиталистическаго хозяйства въ послѣдніе дни его существованія, въ какой абсолютизмъ для его начала. Абсолютизмъ исторически возникаетъ въ переходные періоды, когда старый феодальный строй разрушается и когда изъ средне-вѣкового городского сословія выростаетъ буржуазный классъ, при чемъ ни одна изъ борющихся сторонъ не можетъ еще одолѣть другую. Историческое признаніе абсолютизма—развить буржуазный классъ, а его историческій удѣлъ—сдѣлаться потомъ для этого класса совершенно лишнимъ, для того, чтобы броситься, въ минуту опасности, въ объятія побѣжденнаго феодализма и вмѣстѣ съ нимъ и погибнуть. Характеръ, совершенно отличный отъ этого абсолютизма, имѣетъ имперіализмъ, который является послѣднимъ спасителемъ господствующей буржуазіи отъ сильно тѣснящаго его на исторической аренѣ пролетаріата. Такъ какъ въ удѣлъ буржуазіи выпадаетъ, обыкновенно, только короткій періодъ невозмутимаго господства, то начало имперіализма слѣдуетъ довольно скоро за концомъ абсолютизма; въ Германіи же они даже слились другъ съ другомъ, и благородная страна дубовъ и липъ имѣетъ сомнительное удовольствіе жить одновременно подъ сѣнью абсолютизма и имперіализма. Это своего рода застарѣлая національная болѣзнь, которая напоминаетъ слова Маркса, сказанныя имъ 60 лѣтъ тому назадъ, что, именно, Германія умѣетъ соединять культурные недостатки современныхъ міровыхъ государствъ, преимуществъ которыхъ она лишена, съ варварскими недостатками ancien régime'a, которыми она наслаждается въ полной мѣрѣ.

Вина въ этомъ лежитъ на нѣмецкой буржуазіи, которая, имѣя возможность покончить съ абсолютизмомъ, отнюдь не беретъ простого примѣра съ того,

какъ англійская и французская буржуазія поразили абсолютизмъ въ лицѣ Карла I и Людовика XVI. Она какъ разъ оказалась „монархистской“ до мозга костей и даже взяла патентъ на „настоящую“, „истинную“, „неизмѣнную“ вѣрность королю тогда, когда была достаточно сильной, чтобы расчитаться съ абсолютиз-момъ. Она такъ поступала потому, что въ моментъ своей побѣды уже послышала шаги слѣдующаго за ней по пятамъ массового пролетаріата, ибо смертный часъ абсолютизма есть моментъ рожденія коммунизма. Нѣмецкая буржуазія вела ту же самоубійственную политику, какую, обыкновенно, велъ абсолютизмъ; она отказалась отъ своей, собственно, цивилизаторской роли, бросившись въ объятія побѣжденнаго уже противника, чтобы этой цѣной купить себѣ пощаду. Но такъ поступить значило пуститься по морю въ ладьѣ, которой не суждено побѣдоносно противостоять бурѣ пролетарской классовой борьбы.

Имперіализмъ выступилъ гораздо державнѣе, чѣмъ абсолютизмъ, не имѣя устойчивости послѣдняго. Если абсолютизмъ дѣйствительно имѣлъ историческое призваніе подготовить почву для буржуазіи, то имперіализму предстояла только историческая роль жандарма тормозить пролетарское развитіе для того, чтобы обезпечить имущимъ классамъ безпрепятственное господство. Казалось бы, что имперіализмъ пользуется большей свободой и независимостью, чѣмъ абсолютизмъ, такъ какъ ему приходится балансировать не между двумя, а между тремя классами, но, въ дѣйствительности, это только такъ кажется, ибо имперіализмъ долженъ выступать уже не одинъ противъ одного, а одинъ противъ двухъ играя всегда только въ безнадежную игру, вынужденный къ вѣчному лавированію.

Перспектива выступить вдвоемъ противъ одного была для него почти невозможна. Онъ могъ бы превратиться въ большую силу, если бы сумѣлъ объединить дворянство и буржуазію, поработивъ рабочій классъ.

Но ни поработить рабочій классъ, выдержавшій испытаніе на огнѣ закона противъ соціалистовъ, ни связать надолго интересы юнкерства съ интересами буржуазіи, какъ это доказываетъ постоянное крушеніе такъ называемой „совмѣстной политики“, онъ не въ состояніи. Имперіализмъ могъ еще попытаться выдвинуть противъ юнкерства общіе интересы буржуазіи и пролетаріата, и на самомъ дѣлѣ въ такихъ попыткахъ не было недостатка; но онъ всегда дѣлалъ только нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ по этому пути, на который онъ, разумѣется, могъ вступить лишь для того, чтобы сдѣлать самого себя лишнимъ. Лавируя такимъ образомъ въ разныя стороны, онъ дѣлалъ видъ, будто можетъ однимъ своимъ пальцемъ сразу сдвинуть съ мѣста цѣлыя горы въ то же время, когда въ каждомъ случаѣ столкновенія практическихъ интересовъ онъ оказывался безсильнымъ и безпомощнымъ предъ лицомъ трехъ большихъ классовъ современнаго общества.

Въ неразрывномъ взаимодѣйствіи съ всемірной политикой рушащагося капитализма, но въ непримиримомъ антагонизмѣ стоитъ всемірная политика восходящаго соціализма. Современный пролетаріатъ, интеллигентность и энергія котораго довели крупную промышленность до ея апогея, устранивъ постепенно „духовное руководительство“ буржуазіи, является прирожденнымъ противникомъ политики, которая стремится удержать крупную промышленность на той ступени ея развитія, на которой она сталкивается съ интересами реакціонныхъ классовъ, суля своему собственному освобожденію спасительный рычагъ. Нѣмецкіе рабочіе, защищая свои собственные интересы, одновременно защищаютъ и интересы націи, говоря: чѣмъ развитѣе, чѣмъ интеллигентнѣе, чѣмъ зажиточнѣе рабочій классъ, тѣмъ сильнѣе процвѣтаетъ національная промышленность и тѣмъ прочнѣе ея положеніе на всемірномъ рынкѣ. Самая рѣшительная соціальная

политика есть въ то же время и самая успѣшная всемірная политика.

Эта простая и очевидная истина такъ упорно явствуетъ изъ всѣхъ жизненныхъ условій современнаго пролетаріата, что ни силой, ни хитростью нельзя отнять ее у послѣдняго. Всѣ попытки отвлечь нѣмецкихъ рабочихъ отъ пониманія этой зависимости между явленіями тотчасъ же разрушались, даже если онѣ дѣлались bona fide совершенно несвѣдущими и ни въ коемъ случаѣ не бездарными идеологами буржуазіи. Замѣчательнѣйшая изъ этихъ попытокъ — національно-соціальная агитація, стремившаяся примирить пролетаріатъ съ имперіализмомъ, окончилась послѣ семилѣтняго переливанія изъ пустого въ порожнее тѣмъ, что ея виновники снова вернулись въ лоно буржуазіи, для борьбы съ которой они и выступали. Всѣ ея разглагольствованія о широкихъ морскихъ планахъ не нашли никакого отзвука въ рабочемъ классѣ, который отлично понималъ, что маринистская и колоніальная политика, въ историческомъ смыслѣ, мазаны тѣмъ же миромъ, что и хлѣбныя пошлины и законъ противъ соціалистовъ.

Такимъ образомъ, имперіализмъ и соціалъ-демократія представляютъ непримиримыя противоположности. Между ними никогда не можетъ быть мира, даже перемирія. Но взаимная борьба, которую они ведутъ другъ съ другомъ, не есть борьба между равными противниками, исходъ которой можетъ быть сомнителенъ въ какомъ-либо отношеніи. Наружно имперіализмъ можетъ на нѣкоторое время получить болѣе или менѣе значительный перевѣсъ, но каждый новый часъ дробитъ его силу, укрѣпляя этимъ самымъ силу его смертельнаго врага. Имперіализмъ политически высасываетъ весь спинной мозгъ имущихъ классовъ, которые въ страхѣ за свою шкуру и кошелекъ продались ему, именно изъ буржуазіи онъ сильнѣе сосетъ мозгъ, чѣмъ изъ какого-либо другого класса, потому

что она больше всего измѣняетъ самой себѣ, подчиняясь ему. Но въ той же самой степени онъ питаетъ политическую мощь неимущаго класса и, прежде всего, пролетаріата крупной промышленности, который видитъ, какъ поперекъ дороги въ стремленіи его удовлетворить своимъ самымъ неотъемлемымъ жизненнымъ интересамъ становится этотъ представитель всякой политической и соціальной реакціи.

Имперіализмъ является иногда особеннымъ факторомъ, сильно способствующимъ пробужденію политически инертныхъ народныхъ массъ. Зигзагообразная политика, продиктованная ему историческими условіями, можетъ проявиться только въ такого рода дѣятельности, которая кажется самымъ широкимъ слоямъ націи капризомъ и непостоянствомъ, дѣйствуя по этой самой причинѣ крайне возбуждающе. Если ужъ, благодаря этому, его авторитетъ сильно пошатнулся, то тѣмъ сильнѣе онъ колеблется отъ проникающаго съ каждымъ днемъ все глубже и глубже въ массу сознанія, что за его кажущимся превосходствомъ прячется совершенное безсиліе. Весьма понятно, что имперіализмъ самому себѣ кажется богомъ, который можетъ своими молніями разбить всякое сопротивленіе; но толпа вѣрующихъ все болѣе и болѣе таетъ, когда она видитъ, что его молніи ударяютъ въ песокъ. Воображая себя творцомъ, онъ проявляетъ себя только какъ твореніе, которое ни разу не можетъ обнаружить своей собственной воли, несогласной съ волей хоть какого-нибудь изъ имущихъ классовъ, общему гнету которыхъ онъ обязанъ своимъ историческимъ существованіемъ.

Такъ быстро расточаетъ имперіализмъ капиталъ политическаго авторитета, накопленный когда-то абсолютизмомъ. Присущій нѣкогда монархической формѣ правленія цивилизаторскій характеръ исчезаетъ, и вмѣсто него выступаютъ съ вдвойнѣ оскорбительной суровостью и остротой всѣ его отсталыя и отжившія

стороны. Страна крупной промышленности, Германія все еще страдаетъ отъ тысячи сильныхъ и слабыхъ мукъ, причиняемыхъ ей бюрократически-военно-полицейской системой, выросшей въ остъ-эльбскихъ дремучихъ лѣсахъ. Зато имперіалистская политика въ Германіи проявляется все больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, не такъ, какъ въ Англіи, Франціи, Россіи или же въ Сѣверной Америкѣ. Со своими никогда не прекращающимися требованіями силъ и крови націи,—ибо имперіализмъ есть самая дорогая форма правленія, которая когда-либо существовала, — онъ своимъ бичомъ бьетъ всѣ слои неимущихъ массъ, бросая ихъ изъ одного разочарованія въ другое.

Если капиталистическій способъ производства вообще муштруетъ и дрессируетъ рабочіе батальоны, то имперіалистскій періодъ его обучаетъ эти батальоны нѣкоторымъ образомъ уже въ самомъ огнѣ. Онъ ежедневно даетъ революціонной агитаціи новые стимулы для того, чтобы еще могущественнѣе развиться,—что буржуазное тупоуміе, неспособное понять исторической послѣдовательности и жадно хватающееся за ходячее словечко, называетъ „собачьимъ счастьемъ“ соціалъ-демократіи. Это „собачье счастье“ есть не что иное, какъ фактъ, что одинъ только экономически и политически организованный рабочій классъ могъ противопоставить сильное и непоколебимое сопротивленіе разорительному и опустошительному воздѣйствію имперіализма. На это не способна ни одна буржуазная партія, даже если она выступила бы подъ самой непроницаемой оппозиціонной маской. Словомъ, всѣ буржуазныя партіи погибаютъ отъ имперіализма, потому что онѣ всѣ за него хватаются.

Да, въ этомъ превратномъ мірѣ, гдѣ разумъ есть безуміе, а благодѣяніе—бѣдствіе, удѣлъ буржуазныхъ партій—ставить препятствія имперіализму тамъ, гдѣ онъ могъ-бы дѣйствовать цивилизаторски, и въ то же время быть вынужденными дать ему полную свободу

тамъ, гдѣ онъ увлекаетъ націю къ гибели. Годами интригъ реакціонные юнкера тормозятъ осуществленіе предложенія о проведеніи канала, но со скрежетомъ зубовнымъ они утверждаютъ проектъ о „страшномъ флотѣ“; либеральная буржуазія изъ всѣхъ силъ тормозитъ небольшіе успѣхи въ области законодательства по охранѣ труда, но съ полной готовностью расходуетъ на милитаризмъ, который ее самое давитъ, какъ кошмаръ. Плачевнѣе всего судьба партіи, которая имѣетъ весьма сомнительное счастье играть роль „руководящей“ партіи подъ сѣнью имперіализма. Если ультрамонтанизмъ былъ единственной буржуазной партіей, которая сумѣла съ нѣкоторой долей послѣдовательности и силы противостоять, по крайней мѣрѣ, началамъ бисмарковскаго мажордомства, то при имперіализмѣ она играла несравненно болѣе жалкую роль, чѣмъ даже націоналъ-либерализмъ игралъ во дни Бисмарка. Если послѣдній принесъ свои политическіе идеалы въ жертву экономическому законодательству, которое, въ своемъ родѣ, является, во всякомъ случаѣ, историческимъ шагомъ впередъ, ультрамонтанская партія вынуждена была довольствоваться жалкими подачками, къ тому же имѣющими обыкновеніе, подобно закону Гейнце, ускользать изъ рукъ.

Такимъ образомъ, „не имѣющая отечества“ соціалъ-демократія стала самой національной, даже единственно національной партіей Германіи, вокругъ которой собирается все болѣе тѣсными рядами все то, что есть въ націи политически жизненнаго. Только этимъ, а ничѣмъ другимъ, объясняется непрерывный ея ростъ, который со времени паденія закона о соціалистахъ пошелъ болѣе быстрымъ темпомъ и который посадилъ на мель тѣхъ близорукихъ, которые нѣкогда болтали о неизбѣжности распаденія партіи, если только будетъ порванъ спаивающій ее желѣзный обручъ закона противъ соціалистовъ. Непрерывныя угрозы и преслѣдованія, которымъ подвергался рабочій классъ,

безъ сомнѣнія, способствовали болѣе быстрому поступательному движенію пролетарской классовой борьбы, но ея пламя продолжало бы горѣть и тогда, если бы его перестали раздувать этими мѣхами. Ея дѣйствительнымъ горючимъ матеріаломъ является весь сгнившій міръ, который долженъ погибнуть въ очистительномъ огнѣ, дабы не погибла человѣческая цивилизація.

Революціонное рабочее движеніе сдѣлалось неподвижнымъ полюсомъ въ бѣшенной смѣнѣ явленій, которая знаменуетъ собой всемірно-историческій закатъ капиталистическаго способа производства. Съ топоромъ въ одной рукѣ и лопатой въ другой, оно, разрушая капиталистическое общество, вмѣстѣ съ тѣмъ строитъ и соціалистическое. Въ послѣднія тринадцать лѣтъ оно выполнило массу практической работы, изъ которой здѣсь можетъ быть отмѣчена только ея исторически самая важная часть, — расцвѣтъ профессіональнаго движенія, поставившаго, наконецъ, на одну доску экономическую организацію нѣмецкихъ рабочихъ съ ихъ политической организаціей.

2. Десятилѣтіе профессіональныхъ организацій.

Исторія нѣмецкой соціалъ-демократіи достаточно объясняетъ, почему въ Германіи профессіональное движеніе пролетаріата развивалось медленнѣе политическаго. Какъ бы тамъ ни было, причины лежали гораздо глубже, чѣмъ въ недостаточномъ пониманіи Лассалемъ сущности профессіональной организаціи, на что, обыкновенно, прежде всего сваливаютъ всю вину. Если бы только были налицо благопріятныя историческія условія для прочнаго развитія нѣмецкаго профессіональнаго дѣла, то авторитетъ Лассаля, какъ бы великъ онъ ни былъ у тогдашнихъ рабочихъ, все же не оказался бы достаточно сильнымъ, чтобы задержать ходъ вещей, даже если бы предположить, что ни въ коемъ случаѣ недопустимо, что Лассаль самъ не

понялъ знаменія времени. Во всякомъ случаѣ, его точка зрѣнія въ этомъ вопросѣ не расходилась такъ сильно, какъ обыкновенно считаютъ, съ той точкой зрѣнія, которой держались Марксъ и Энгельсъ.

Марксъ впервые высказался по вопросу о профессіональныхъ союзахъ въ своей полемической статьѣ противъ Прудона. Хотя они были въ 1847 году отвергнуты какъ буржуазными экономистами, такъ и утопическими соціалистами, все же Марксъ усмотрѣлъ въ нихъ необходимый продуктъ капиталистическаго общества. Однако, особеннаго и самостоятельнаго значенія, которое они имѣютъ для пролетарской классовой борьбы, Марксъ тогда еще не признавалъ. Онъ приписалъ имъ громадное вліяніе на развитіе промышленности, даже если бы они не имѣли никакого другого значенія, кромѣ того, чтобы невольно наталкивать на механическія изобрѣтенія; но кромѣ этого онъ видѣлъ въ нихъ первыя попытки пролетаріата сорганизоваться въ классъ, чтобы потомъ, въ качествѣ таковаго, вести съ другими классами политическую борьбу; онъ сравнивалъ ихъ съ коалиціей буржуазіи противъ феодальныхъ сеньоровъ, которая вначалѣ была тоже только частичной, покуда буржуазія, организовавшаяся въ классъ, не опрокинула феодальнаго господства и не построила общества по своему образу и подобію.

Достойно вниманія, что Марксъ въ „Торжественномъ Адресѣ“, прочитанномъ осенью 1864, когда Лассаль былъ уже мертвъ, по случаю открытія Интернаціонала, говоря о двухъ крупныхъ событіяхъ, сказалъ, что пораженіе европейскаго рабочаго движенія въ пятидесятыхъ годахъ имѣло и свои характерныя компенсирующія стороны, именно—законодательный рабочій день, а затѣмъ отнюдь не профессіональное, а кооперативное движеніе, въ виду чего рочдельскіе піонеры имѣли большее историческое значеніе, чѣмъ профессіональный союзъ англійскихъ машинострои-

телей, подъ чѣмъ теперь едва-ли подпишется какой-либо соціалистъ. О профессіональныхъ обществахъ говорится въ „Торжественномъ Адресѣ“ такъ же мало, какъ въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ Лассаля. Напротивъ, въ адресѣ дѣлается тотъ выводъ, что кооперативное движеніе, „ограниченное случайными опытами отдѣльныхъ рабочихъ, не въ состояніи сломить капиталистической монополіи“, но что оно, будучи расширено до предѣловъ національнаго предпріятія и поддерживаемо государственными средствами, можетъ спасти массы. Итакъ, выводъ близко соприкасается съ взглядами, выраженными въ проложившей новый путь агитаціонной брошюрѣ Лассаля.

То же самое, что о Марксѣ и Лассалѣ, можно было сказать и о ихъ приверженцахъ, покуда они маршировали разрозненными рядами. Несмотря на нерасположеніе Лассаля къ профессіональнымъ союзамъ, были все же лассальянцы, которые впервые, не обращая вниманія на сопротивленіе, которое исходило изъ ихъ собственныхъ рядовъ, приступили къ основанію профессіональныхъ союзовъ, какъ только замѣтили, что рабочія массы сами стремятся на этотъ путь. Съ увѣренностью можно сказать, что они при этомъ дѣлали крупныя ошибки, но то же самое едва ли съ меньшимъ правомъ можно сказать и о другой соціалъ-демократической фракціи, которая въ 1871 году на своемъ конгрессѣ въ Штуттгартѣ рекомендовала образованіе и содѣйствіе производительнымъ ассоціаціямъ, какъ главную задачу профессіональныхъ союзовъ. Если даже въ общемъ лассальянское направленіе проявляло меньшій интересъ и пониманіе профессіональнаго движенія, то все же разница ни въ коемъ случаѣ не была такъ велика, чтобы оно имѣло сколько-нибудь рѣшающее значеніе въ вопросѣ, почему профессіональное рабочее движеніе въ Германіи развилось медленнѣе, чѣмъ политическое?

Въ конечномъ счетѣ явленіе это вытекало изъ всей

совокупности фактовъ нѣмецкой исторіи. Нѣмецкій капитализмъ народился позже въ сравненіи съ своими западно-европейскими собратіями; когда германская буржуазія, а вмѣстѣ съ ней и германскій пролетаріатъ сдѣлали уже крупный шагъ на пути къ своему развитію, оба уже застали прошлое, богатое историческимъ опытомъ изъ области классовой борьбы, которая должна была между ними возгорѣться. Слѣдствіемъ этого была, съ одной стороны, большая самоувѣренность и болѣе широкій взглядъ у пролетаріата, а съ другой— большая робость и болѣе узкій кругозоръ у буржуазіи; это все болѣе усиливавшееся взаимодѣйствіе вытекало изъ того, что нѣмецкая буржуазія отказалась отъ борьбы съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, и что рабочій классъ долженъ былъ направить свои силы на борьбу за болѣе широкій просторъ, который ему былъ необходимъ для его профессіональной организаціи въ условіяхъ современнаго буржуазнаго общества. Простой инстинктъ самосохраненія подсказывалъ пролетаріату поставить въ его классовой борьбѣ свою политическую организацію выше, чѣмъ профессіональную; если бы онъ поступилъ иначе, то потребовалось бы безконечно больше времени для того, чтобы сдѣлаться силой въ жизни націи.

Иначе онъ и не поступилъ, да и не могъ бы поступить иначе. Правда, слишкомъ глубоко коренится въ современномъ рабочемъ классѣ склонность къ профессіональной организаціи, чтобы она снова не пыталась пускать новые ростки. И та легкость, съ какой эти попытки искоренялись реакціонными властями съ помощью отсталаго законодательства, непрестанно указывала рабочимъ на необходимость политической борьбы. Затѣмъ наступили дни закона противъ соціалистовъ, который ни въ коемъ случаѣ не былъ изданъ потому, что господствующіе классы боялись, какъ бы соціалъ-демократія неожиданно не вздумала истребить ихъ огнемъ, но лишь потому, что

они хотѣли вырвать у рабочаго класса ту скромную долю правъ, которую онъ постепенно завоевалъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Даже подъ гнетомъ закона о соціалистахъ профессіональное движеніе снова пробилось впередъ, несмотря на полицейскія преслѣдованія; при чемъ, конечно, подъ давленіемъ обстоятельствъ оно должно было взять на себя нѣкоторыя задачи, чуждыя его исторической сущности.

Это неблагопріятно повліяло на его развитіе въ первые годы послѣ паденія закона о соціалистахъ. Возникшій споръ о формѣ организаціи, явившійся, въ свою очередь, слѣдствіемъ исключительнаго закона, поглотилъ больше силы и времени, чѣмъ это было необходимо или даже допустимо, оттолкнувши отчасти рабочіе круги, которые должны были быть завербованы для дѣла профессіональной организаціи. Къ этому присоединились экономическое угнетеніе и сильное сопротивленіе предпринимателей, проявлявшееся сильнѣе всего тамъ, гдѣ государство, вопреки требованіямъ своего „соціальнаго царства“, само являлось предпринимателемъ. Партейтагъ, происходившій въ Галле въ 1890 году, выразилъ свою глубокую симпатію профессіональному движенію; однако, три года спустя, на партейтагѣ въ Кельнѣ явилось сомнѣніе, если не въ его правѣ на существованіе, то, по крайней мѣрѣ, въ его продуктивности. Это сомнѣніе вытекало изъ того опасенія, чтобы рядомъ съ происходившей тогда гигантской концентраціей капитала, профессіональные союзы все же не оказались осужденными на вѣчное безсиліе. Сомнѣніе это, съ другой стороны, было вызвано нѣкоторой тревогой за то, чтобы государственное страхованіе рабочихъ не лишило союзовъ тѣхъ важныхъ функцій, которыя еще могутъ поддержать ихъ жизнеспособность. Однако, вскорѣ произошелъ новый подъемъ въ области профессіональныхъ организацій, который показалъ, что послѣднія соста-

вляютъ необходимый элементъ современнаго рабочаго движенія, и этимъ организаціямъ отведено было подобающее имъ мѣсто рядомъ съ политической партіей. То, что Парвусъ писалъ въ своемъ блестящемъ изслѣдованіи, посвященномъ этому подъему, является историческимъ приговоромъ неизмѣнной цѣнности: „Величайщимъ дѣломъ германскихъ рабочихъ со времени паденія закона о соціалистахъ является организація профессіональныхъ союзовъ. Въ политической исторіи послѣдняго десятилѣтія нѣтъ ничего такого, что могло бы, хоть въ отдаленной степени, сравниться съ нимъ по своему значенію для пролетарской классовой борьбы".

Главной причиной крупныхъ успѣховъ, достигнутыхъ и въ области профессіональной организаціи, былъ расцвѣтъ промышленности, который начался въ срединѣ девяностыхъ годовъ и продолжался до конца ихъ. Если онъ не мало способствовалъ тому, чтобы на время продлить существованіе имперіалистской политики господствующихъ классовъ, то, съ другой стороны, рабочимъ классомъ онъ былъ использованъ со всѣмъ усердіемъ для того, чтобы сильно укрѣпить фундаментъ его профессіональныхъ организацій, который не могъ поколебать даже наступившій съ началомъ новаго столѣтія экономическій кризисъ. Послѣдній только замедлилъ развитіе профессіональныхъ союзовъ, но не уничтожилъ ихъ.

Съ 200,000 слишкомъ рабочихъ, которые были въ 1893 году организованы въ профессіональные союзы, цифра членовъ профессіональныхъ центральныхъ организацій поднялась въ 1902 году до 733,206 членовъ. Въ 27 профессіяхъ больше 20, а въ 15 больше 30 процентовъ рабочихъ было организовано въ союзы. Сюда относятся: типографскіе рабочіе, мраморщики, мѣдники, перчаточники, стекольщики, мостовщики, литографы, портовые рабочіе, обойщики, коробельщики и рабочіе на верфяхъ, горшечники, городскіе рабочіе,

каменщики, штукатуры, пивовары, граверы, чеканщики, рабочіе по фарфору, бондари, золотильщики, шапочники, переплетчики, рабочіе по металлу, плотники, маляры, рабочіе по дереву, кровельщики и скорняки. Соотвѣтственно такому росту числа членовъ возросли также и денежныя средства профессіональныхъ союзовъ. Доходы ихъ въ 1902 году увеличились сравнительно съ доходами 1891 года ровно на 10 милліоновъ марокъ, а расходы за этотъ самый періодъ возросли на $9^1/_2$ милліоновъ марокъ. Въ общемъ, приходъ профессіональныхъ союзовъ достигъ въ 1902 году цифры въ 11.097,744, а расходъ—въ 10.005,528 марокъ; денежная наличность ихъ составляла тогда 10.258,559 марокъ. Съ 1891 года центральныя профессіональныя организаціи имѣли 62.287,743 марки доходу и 55.254,131 марку расхода.

Все-же, только 14,42 процента промышленныхъ рабочихъ оказываются организованными въ профессіональные союзы, и такимъ образомъ въ этой области остается еще совершить громадную работу. Увлеченная историческимъ ходомъ событій, экономическая организація нѣмецкаго пролетаріата теперь пустила такіе же глубокіе корни, какъ и политическая. При этомъ сравнительно позднее развитіе нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ имѣло и ту хорошую сторону, что оно отклонило ихъ отъ того ошибочнаго пути, по которому пошли трэдъ-юніоны. Конечно, буржуазные друзья рабочаго класса тотчасъ же постарались посѣять плевелы между этой пшеницей, и до извѣстной степени вполнѣ понятно, если это не обошлось безъ нѣкотораго соперничества, когда экономическая организація рабочаго класса, при благопріятномъ для нея стеченіи обстоятельствъ, мощно расцвѣла въ то время, какъ его политическая организація должна была бродить по застоявшемуся болоту, которымъ явился политическій курсъ зигзаговъ. Если здѣсь иногда и переоцѣнивали значеніе профессіональнаго движенія,

то въ этомъ повторялось то же явленіе, которое прежде довольно часто наблюдалось лишь въ обратномъ смыслѣ, когда политическое движеніе было сильнѣе профессіональнаго. Тѣ условія, при которыхъ современный пролетаріатъ долженъ бороться, создаются не имъ, а всѣмъ историческимъ развитіемъ; и при этомъ весьма естественно, принципіально и практически вполнѣ ясно, что рука, о которую можно при данныхъ условіяхъ сильнѣе опереться, кажется наиболѣе сильной сама по себѣ.

Изъ-за такихъ незначительныхъ, и столь же небезопасныхъ, сколь и неизбѣжныхъ столкновеній, серьезнаго разлада между профессіональнымъ и политическимъ рабочимъ движеніемъ не происходило, и достаточно сдѣлано для того, чтобы онъ никогда не могъ возникнуть. Какъ первая половина семидесятыхъ годовъ, такъ и вторая половина девяностыхъ еще разъ показала, что даже самый блестящій расцвѣтъ капиталистическаго способа производства можетъ дать рабочимъ весьма проблематическія надежды на улучшеніе ихъ положенія, въ то время какъ капиталъ душитъ ихъ своими несмѣтными богатствами. Съ 1895 по 1900 годъ черезъ германскій денежный рынокъ прошло по курсу 11½ милліардовъ марокъ новыхъ выпусковъ, что далеко еще не исчерпываетъ всей суммы прироста въ Германіи денежныхъ капиталовъ въ годы промышленнаго подъема, такъ какъ весь накопленный капиталъ ни въ коемъ случаѣ не проходитъ чрезъ биржу. По вычисленіямъ, произведеннымъ по даннымъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и относительно отвѣчающимъ дѣйствительности, средній доходъ рабочихъ въ это же самое время не увеличился даже на полныхъ 15 процентовъ, такъ что въ 1899 году онъ равнялся 752 маркамъ, что не составляло еще 15 марокъ въ недѣлю. Это жалкое увеличеніе дохода рабочихъ, точно такъ же, какъ во время промышленнаго подъема семидесятыхъ годовъ,

оказалось въ той или иной степени иллюзорнымъ, благодаря послѣдовавшему за этимъ общему вздорожанію продуктовъ. Къ этому нужно еще, наконецъ, прибавить, что только въ незначительной степени оно достигнуто было повышеніемъ заработной платы; большей-же частью увеличеніе это было вызвано болѣе регулярной, а затѣмъ и сверхурочной работой, въ связи съ которой стоитъ какъ возрастаніе числа несчастныхъ случаевъ, такъ и абсолютное, а также и относительное усиленіе эксплоатаціи дѣтскаго труда; такихъ послѣдствій капиталистическаго способа производства рабочій классъ не можетъ устранить даже посредствомъ профессіональныхъ организацій. Нѣмецкія профессіональныя организаціи израсходовали изъ своихъ кассъ на стачки, съ начала 1895 до конца 1899 года, $5^1/_4$ милліоновъ марокъ, куда, по вычисленіямъ ихъ генеральной комиссіи, слѣдуетъ еще прибавить $2^1/_2$ милліона марокъ, собранныхъ въ видѣ добровольныхъ взносовъ. Если выразить потерю рабочими жалованья цифрой, по меньшей мѣрѣ, вдвое большей той суммы, которая израсходовала на поддержаніе стачечнаго движенія, то стачки за тотъ промежутокъ времени обошлись нѣмецкимъ рабочимъ, приблизительно, въ 25 милліоновъ марокъ. Изъ общаго числа всѣхъ стачекъ оборонительныя стачки составляли въ 1895 году—46,0, въ 1896 году—31,3, въ 1897 году—42,9 въ 1898 году—53,3, въ 1899 году—44,5 процента. Отъ третьей части до половины всѣхъ стачекъ были, такимъ образомъ, устроены рабочими, въ періодъ промышленнаго расцвѣта для того, чтобы выступить противъ стремленія еще больше ухудшить ихъ положеніе. Даже успѣшно проведенная оборонительная стачка еще не означаетъ для рабочихъ улучшенія ихъ положенія, отчасти же выигранная стачка есть уже потеря. Изъ стачекъ 1899 года только 45,5 процента вызвали улучшеніе положенія рабочихъ, а именно такимъ образомъ, что 31,4 процента окончились полной побѣдой рабочихъ

а 14,1 процента лишь частичной. Больше половины всѣхъ стачекъ не повело къ улучшенію положенія рабочихъ, 21 процентъ ихъ окончился даже ухудшеніемъ его. Старая истина, что большую цифру пораженій даютъ оборонительныя, но отнюдь не наступательныя стачки, блестяще была подтверждена практикой второй половины девяностыхъ годовъ; процентное отношеніе потерь при оборонительныхъ стачкахъ вдвое больше, чѣмъ при наступательныхъ. Отсюда видно, что только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, вообще, и въ каждомъ данномъ случаѣ, въ частности, профессіональные союзы бываютъ въ состояніи успѣшно провести стачку; повліять же собственными средствами на измѣненіе самаго капиталистическаго способа производства они безсильны.

Ихъ неоцѣнимое значеніе заключается въ способности укрѣпить силы рабочаго класса такъ, чтобы онъ не былъ предоставленъ на произволъ растущей силы сконцентрированнаго капитала. Это было, конечно, ошибкой со стороны одного изъ вождей профессіональнаго движенія, когда онъ на партейтагѣ въ Кельнѣ призналъ воспитательное значеніе политической классовой борьбы, въ сравненіи съ воспитательнымъ вліяніемъ экономической классовой борьбы, равнымъ нулю; но не подлежитъ сомнѣнію, что профессіональное движеніе современнаго рабочаго класса выдвинуло цѣлый рядъ дарованій и силъ, которыя въ такой степени не могли бы быть выдвинуты его политическимъ движеніемъ, и которыя должны были быть выдвинуты, чтобы обезпечить побѣду пролетаріата. Такимъ образомъ, оба рода движенія имѣютъ назначеніе дополнять другъ друга, и кромѣ того, въ Германіи, какъ и во всякой другой странѣ крупной промышленности, возникаютъ опасенія, что профессіональные союзы могутъ увлечься обманчивымъ соблазномъ, представляемымъ, такъ называемыми, друзьями рабочихъ изъ буржуазіи.

Имперіалистская политика съ каждымъ днемъ все

съ большимъ усердiемъ старается указать профессiональному движенiю на его единственнаго истиннаго друга, котораго оно только имѣетъ на нѣмецкой землѣ. Урокъ, данный проектомъ закона о смирительномъ домѣ, еще не забытъ. Этотъ готовившiйся ударъ былъ направленъ противъ расцвѣтающаго профессiональнаго движенiя такъ же, какъ въ свое время законъ о соцiалистахъ — противъ расцвѣтающаго соцiалъ-демократическаго движенiя. Въ моментъ величайшаго благополучiя, въ тотъ самый моментъ, когда промышленники финансисты, домовладѣльцы, крупные землевладѣльцы накопляли богатства за богатствами,—государство знаменитыхъ соцiальныхъ реформъ, побуждаемое капиталомъ, позволяло себѣ травить профессiональные союзы, размахивая надъ рабочими кнутомъ для того, чтобы помѣшать имъ прiобрѣсти для себя хотя бы самую поистинѣ скромную, нищенскую часть отъ общаго избытка. Безъ соцiалъ-демократiи законопроектъ о смирительномъ домѣ сталъ бы закономъ; какъ уже не разъ это случалось, профессiональное движенiе было бы задушено и на этотъ разъ, если бы оно не имѣло могучей опоры въ видѣ политическаго рабочаго движенiя. Такiя вещи не забываются такъ легко, особенно въ дни хлѣбнаго ростовщичества, которое спаяло-бы другъ съ другомъ обѣ большiя вѣтви нѣмецкаго рабочаго движенiя, даже если бы онѣ были склонны разъединиться, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Какая польза профессiональнымъ союзамъ отъ того, что они съ величайшимъ трудомъ, испытывая самыя тяжелыя лишенiя, борятся за увеличенiе наемной платы, если однимъ взмахомъ, путемъ повышенiя пошлинъ на предметы первой необходимости, будутъ, въ угоду самому отсталому изъ имущихъ классовъ, уничтожены съ трудомъ достигнутые ими успѣхи.

Профессiональные союзы не суть политическiя организацiи; они открыты каждому рабочему, безъ различiя

его партійнаго направленія, они не спрашиваютъ на стачкахъ символа вѣры стачечниковъ; но кто станетъ ихъ убѣждать, что имъ нечего безпокоиться о политическомъ рабочемъ движеніи, тотъ ихъ обманываетъ въ ихъ самыхъ важныхъ жизненныхъ интересахъ, и тѣмъ опаснѣе такой обманщикъ, если онъ для того, чтобы быть въ состояніи ихъ обмануть, раньше научился обманывать самого себя.

Несмотря на это, нѣтъ никакихъ основаній опасаться, чтобы желѣзная цѣпь, связывающая между собой экономическія и политическія организаціи нѣмецкаго пролетаріата, когда-нибудь порвалась, ибо о подвиги имперіалистской политики разбиваются всѣ скоморошескіе мыльные пузыри, пускаемые буржуазнымъ краснорѣчіемъ.

3. Ревизіонизмъ.

Большія надежды на расколъ въ партіи были связаны у ея противниковъ со споромъ о, такъ называемомъ, ревизіонистскомъ движеніи, со споромъ, который овладѣлъ цѣлымъ рядомъ партейтаговъ и создалъ довольно богатую по объему литературу. Разумѣется, онъ еще не могъ ни на одно мгновеніе повліять на практическую партійную политику; а покуда онъ такимъ образомъ не докажетъ своей силы и живучести, онъ лишается всякаго историческаго значенія.

Какъ нѣкогда выраженіе: „старые и молодые", такъ и теперь боевыя слова: „марксисты и ревизіонисты" суть лишь пустыя клички. Марксистовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ Марксъ не хотѣлъ считаться марксистомъ, въ партіи нѣтъ и не можетъ быть; привычка клясться словами учителей есть только печальный удѣлъ всякой школы, которая знаетъ готовую истину послѣдней инстанціи. Какой-либо истины этого рода марксизмъ не знаетъ. Онъ не непогрѣшимый догматъ, а лишь научный методъ. Онъ не представляетъ собой теорію какого-нибудь одного индивиду-

ума, которой другой индивидуумъ могъ бы противопоставить иную высшую теорію; онъ является скорѣе всего пролетарской классовой борьбой, выраженной въ идеяхъ; онъ выросъ изъ самой сущности вещей, изъ историческаго развитія, продолжая вмѣстѣ съ послѣднимъ свое дальнѣйшее существованіе; поэтому онъ настолько же не пустой обманъ, насколько и не вѣчная истина. Съ этимъ совершенно согласуется то, что, именно, „ортодоксальные" марксисты вздумали научные результаты, добытые однажды Марксомъ и Энгельсомъ, провѣрить по научному методу этихъ послѣднихъ.

Покуда пролетарская освободительная борьба доминируетъ въ жизни современнаго буржуазнаго общества,—а съ каждымъ годомъ она начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе доминировать, — до тѣхъ поръ марксизмъ представляетъ собой послѣднее слово всякой общественной науки, разумѣется, настоящей общественной науки, цѣль которой — познаніе, какъ таковое, а не привлекательное расписываніе будущаго. Кто проходитъ мимо марксизма, какъ научнаго метода, и не хочетъ просто вернуться назадъ въ буржуазный міръ, тотъ подпадаетъ либо эклектизму, либо скептицизму, изъ которыхъ первый изъ отовсюду доставляемаго ему матеріала строитъ новую теорію, которая по прочности можетъ сравниться развѣ только съ любымъ карточнымъ домикомъ, а скептицизмъ ставитъ въ это время, за каждымъ предложеніемъ Маркса вопросительный знакъ, противопоставляя также, — можетъ быть, по методу, подмѣченному еще Лессингомъ,—той или иной посылкѣ что-нибудь правдоподобное въ отношеніи, такъ называемаго, здраваго человѣческаго смысла, умалчивая обо всемъ остальномъ съ торжествующимъ презрѣніемъ. Между Сциллой эклектизма и Харибдой скептицизма несется безъ руля ревизіонизмъ.

Его истинное содержаніе есть безсодержательность. Не понимая самого себя, онъ не безъ основанія счи-

таетъ себя непонятымъ всѣмъ свѣтомъ. Являясь однимъ неяснымъ туманомъ, онъ до извѣстной степени правъ, утверждая, что онъ безъ плоти и костей. Онъ разсматриваетъ соціалистическую теорію отнюдь не съ точки зрѣнія этой самой теоріи, а исходя лишь изъ буржуазныхъ представленій, которыхъ онъ самъ же пугается, не сказавъ нужнаго слова. Что для марксизма служитъ лишь средствомъ къ достиженію, какъ неустанная критика, съ помощью которой онъ изслѣдуетъ современную дѣйствительность, то для ревизіонизма стало самоцѣлью; онъ ревизуетъ для того, чтобы ревизовать, и изъ одного лишь страха передъ абсолютнымъ догматомъ онъ отвергаетъ всякую относительную истину. Ни одной мысли онъ не продумываетъ до конца, жалуясь на недостатокъ „хорошаго тона", когда логика вещей слишкомъ рѣжетъ ему глаза.

Такимъ образомъ, онъ изъ ничего черезъ ничто приходитъ ни къ чему. Никогда не появлялось болѣе плохого пророка, чѣмъ ревизіонизмъ. Въ то время, какъ промышленный подъемъ во второй половинѣ девяностыхъ годовъ побудилъ „ортодоксальныхъ" марксистовъ къ детальнымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ по вопросу, насколько имъ оправдывается марксистская теорія кризисовъ, ревизіонизмъ живо объявилъ, что всеобщіе застои въ дѣлахъ, подобно прежнимъ, вообще невѣроятны на болѣе или менѣе продолжительное время, на что послѣдовавшій вскорѣ крахъ не преминулъ дать самый точный отвѣтъ. Въ то время, какъ марксисты радостно привѣтствовали сильно развивающееся профессіональное движеніе, нисколько не проглядѣвъ изъ-за этого еще несравненно болѣе сильнаго накопленія капитала, ревизіонизмъ усмотрѣлъ въ успѣхахъ, сдѣланныхъ профессіональными организаціями, путь къ постепенной экспропріаціи класса капиталистовъ. Въ то время, какъ марксисты, изучая новую форму имперіалистской политики,

предсказывали, что она совершенно сокрушитъ политическую силу буржуазіи, предоставивъ, такимъ образомъ, большій просторъ революціонному пролетаріату, ревизіонисты возмечтали о соціалистическо-демократической рабочей партіи, которая должна искать свое спасеніе въ союзѣ съ еще достаточно крѣпкой буржуазіей, на что опять выборы 1903 года въ рейхстагъ и въ ландтагъ дали свой отвѣтъ.

При такихъ обстоятельствахъ ревизіонизмъ не представляетъ никакого историческаго интереса, и возникаетъ лишь вопросъ, какъ онъ могъ появиться въ германской соціалъ-демократіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ обремененіи партіи практической работой, которая въ значительной степени поглощала ея силы; въ ея быстромъ ростѣ, который привлекалъ къ ней самые разнообразные элементы изъ различныхъ слоевъ населенія; въ обращеніи въ ея вѣру части буржуазной интеллигенціи, которая всегда должна сильно бороться раньше, чѣмъ соціалистическія идеи проникнутъ во всѣ ея мозговыя извилины, однимъ словомъ, въ цѣломъ рядѣ обстоятельствъ, временами затемнявшихъ великій теоретическій смыслъ, который Марксъ нѣкогда прославлялъ въ нѣмецкихъ рабочихъ.

Но какъ бы ни былъ смыслъ затемненъ, насколько вообще смыслъ этотъ можетъ быть затемненъ подъ вліяніемъ самого по себѣ спасительнаго и необходимаго развитія, онъ все же далеко еще не задавленъ. Онъ живетъ въ рабочихъ массахъ такъ же могуче, какъ всегда, самымъ лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить то, что ревизіонизмъ никогда не могъ получить прочной опоры среди этихъ массъ, что онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на ихъ практическое движеніе. Пролетарская классовая борьба слишкомъ сильна, чтобы она могла существовать одними только настроеніями. А больше, чѣмъ настроеніемъ, ревизіонизмъ никогда не былъ въ Германіи.

Подобно тому, какъ такія настроенія не возникаютъ въ одно мгновеніе, такъ они въ одно мгновеніе и не исчезаютъ. Лишь въ этомъ смыслѣ ревизіонизмъ можетъ хвастать, что онъ еще продолжаетъ свое существованіе и послѣ Дрезденскаго партейтага. Послѣ того, какъ онъ, поставленный предъ дилеммой: „быть или не быть", еще разъ превзошелъ самого себя, обнаруживъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей заботливость о „хорошемъ тонѣ" въ рядѣ шумныхъ сценъ, которыми должно было бы быть прикрыто его отступленіе, подобно тому, какъ нѣкогда было прикрыто такими же сценами отступленіе „молодыхъ", — послѣ всего этого можно утверждать, что ревизіонизмъ, хирѣя, доживаетъ свой вѣкъ. Не престижъ соціалъ-демократіи у народныхъ массъ былъ разбитъ въ Дрезденѣ, какъ объ этомъ бредили буржуазные противники въ своемъ безнадежномъ незнаніи пролетарскаго массоваго движенія, а напротивъ, — старая революціонная идея, которая вдохновляетъ нѣмецкое рабочее движеніе, разсѣяла легкія и слабыя тучки, которыя на зенитѣ его безпрерывныхъ успѣховъ нѣсколько омрачили даль, подобно тому, какъ страннику среди высокихъ горъ отвѣсные лучи яркаго солнца, обыкновенно, застилаютъ горизонтъ.

Глава двѣнадцатая.

Взглядъ на прошлое и будущее.

Революціонное рабочее движеніе XIX столѣтія имѣетъ за собой сравнительно короткое прошлое, ибо, что составляетъ въ жизни народовъ какихъ-нибудь два человѣческихъ поколѣнія! Все же, этого короткаго періода было для него достаточно, чтобы развиться въ такую силу, которую ужъ больше нельзя сломить. Было бы преувеличеніемъ сказать, что оно можетъ

разсчитывать только на однѣ побѣды, ибо впереди ему предстоитъ еще самая трудная борьба, въ которой оно можетъ понести не одно пораженіе, какъ это случалось и въ прошедшемъ. Но если въ будущемъ ему суждено понести пораженіе, то оно будетъ гораздо горше, чѣмъ пораженія, понесенныя въ прошломъ. Но чего нельзя сломить никакимъ пораженіемъ, даже самымъ тяжкимъ, это — самое революціонное рабочее движеніе. Оно стало краеугольнымъ камнемъ человѣческаго культурнаго развитія, и Рудольфъ Мейеръ былъ вполнѣ правъ, когда сказалъ о нѣмецкой соціалъ-демократіи, что безъ ея расцвѣта былъ бы немыслимъ расцвѣтъ нѣмецкой промышленности или, другими словами, Германія была бы вычеркнута изъ списка великихъ культурныхъ народовъ, если бы удалось сокрушить сознательный пролетаріатъ, что, конечно, никогда не удастся.

Всемірное массовое движеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ грандіозными фресками, которыя можно хорошо разсмотрѣть только на извѣстномъ разстояніи; тотъ, кто станетъ разсматривать ихъ въ лупу, тотъ не увидитъ ничего другого, кромѣ неправильныхъ, другъ на друга нагроможденныхъ грубыхъ мазковъ и штриховъ. Близорукость, благодаря этому, вводитъ здѣсь легко въ заблужденіе. Какъ рѣдко теперь вспоминаютъ то, что писалъ всего только 30 лѣтъ тому назадъ одинъ видный буржуазный писатель: „Не слѣдуетъ отдавать нѣмецкаго католическаго странствующаго проповѣдника на презрительное поруганіе, котораго скорѣе заслуживаетъ какой-нибудь поучающій и разъѣзжающій по трактирамъ лассальянецъ". Кто въ состояніи мыслить и разсуждать исторически, тотъ будетъ разсматривать рабочее движеніе въ связи со всей его исторической средой. И тотъ почувствуетъ, но, конечно, въ другомъ родѣ, какъ ничтожно все, взятое въ отдѣльности, въ сравненіи съ этимъ міровымъ круговращеніемъ. Можно прослѣдить побѣдоносное

теченіе потока, но о томъ, что живетъ въ его пурпурной глубинѣ, о духовной и нравственной энергіи, о человѣческомъ благородствѣ, о стремленіи къ подвигамъ и о жаждѣ знанія, которыя таятся въ тысячахъ и тысячахъ отдѣльныхъ существъ, онъ можетъ дать только слабое представленіе. Современные поэты, которые пожелали бы быть достойными этого имени, нашли бы здѣсь для своего вдохновенія неисчерпаемый источникъ самыхъ возвышенныхъ темъ.

Какъ будто бы пролетарій, только потому не можетъ считаться совершеннымъ человѣкомъ, что въ немъ пробуждено классовое самосознаніе. Пусть себѣ тонущая буржуазія утѣшается въ своемъ моральномъ и политическомъ разложеніи каррикатурой на „сверхчеловѣчество“; рабочее движеніе вполнѣ человѣчно и истинно человѣчно. Да и какъ могли бы при тѣхъ безчеловѣчныхъ условіяхъ, которыми капитализмъ гнететъ массу людей, появиться идеальные люди! Именно изъ глубины человѣческаго униженія рабочій классъ стремится достигнуть достойнаго человѣка существованія, и въ этой борьбѣ раскрываются всѣ тѣ черты истинной человѣчности, которыя Ницше, этотъ модный философъ буржуазіи, зло высмѣиваетъ, не находя достаточно бранныхъ словъ: духъ общественности, благосклонность, вниманіе, прилежаніе, умѣренность, кротость, снисхожденіе. Не со дня на день, не повсюду равномѣрно, не безъ затрудненій и повтореній все-таки совершается могучій шагъ впередъ, который въ глазахъ того, кто знаетъ современное рабочее движеніе, долженъ имѣть безконечно большее значеніе для культуры человѣчества, чѣмъ догматы всѣхъ религій и ученія всѣхъ философовъ.

Поэтому нѣтъ болѣе безчестной и безсмысленной политики чѣмъ та, которую ведутъ шарфмахеры изъ буржуазіи. Но даже и благомыслящіе идеологи, которые хотятъ пріостановить пролетарскую классовую борьбу изъ мнимыхъ этическихъ соображеній и мни-

мыми этическими средствами, въ лучшемъ случаѣ, не вѣдаютъ, что творятъ. Какъ будто бы возбуждающее и волнующее упорство этой борьбы не является въ такой же степени суровой и мужественной добродѣтелью, въ какой добровольное подчиненіе недостойному игу есть порокъ малодушія и изнѣженности.

Для современнаго пролетаріата не существуетъ больше вопроса, долженъ ли онъ вести классовую борьбу, чтобы освободиться отъ цѣпей рабства заработной платы; для него лишь существуетъ еще вопросъ о томъ, какъ онъ скорѣе всего можетъ довести эту борьбу къ вѣрной побѣдѣ. Съ того времени, какъ померкъ утопизмъ, на этотъ счетъ разсѣялись всѣ существенныя сомнѣнія; тактика нѣмецкой соціалъ-демократіи теперь та же, какая нѣкогда рекомендовалась въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, а потомъ, въ примѣненіи къ особымъ мѣстнымъ условіямъ, также и въ „Гласномъ отвѣтѣ“ Лассаля. Въ процессѣ безпрерывныхъ измѣненій, которымъ подвергается капиталистическое общество, каждый новый годъ выдвигаетъ новыя задачи, способъ рѣшенія которыхъ не разъ будетъ вызывать въ партіи разногласія. Постоянно будетъ существовать одно направленіе, имѣющее, главнымъ образомъ въ виду революціонную конечную цѣль, и другое направленіе, обращающее больше вниманія на практическіе пути, ведущіе къ достиженію этой цѣли; Это лежитъ въ природѣ вещей такъ же, какъ и въ природѣ самого человѣка. Но такъ какъ средство и цѣль неразрывно связаны другъ съ другомъ, то эти два направленія даютъ параллелограмъ силъ, равнодѣйствующая которыхъ способствуетъ быстрому движенію партіи впередъ. Она ошибалась и можетъ опять ошибаться, но въ мірѣ нѣтъ больше такой силы, которая надолго отклонила бы ее отъ ея цѣли или же надолго ввела бы ее въ заблужденіе относительно тѣхъ вѣрныхъ путей, которые ведутъ къ достиженію этой цѣли.

Стоитъ ли еще напрасно терять слова по адресу тѣхъ глупцовъ, которые толкуютъ объ „утопіяхъ" соціалъ-демократіи, именно потому, что соціалъ-демократія исключила всякій утопизмъ? Она довольствуется тѣмъ, что каждый шагъ впередъ, который она дѣлаетъ для того, чтобы уничтожить рабство заработной платы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и шагъ впередъ къ созданію коммунистическаго общества. Такъ совершается во всемірной исторіи борьба за освобожденіе вообще, и иначе она не можетъ совершаться. Смѣяться надъ соціалъ-демократіей за то, что она не имѣетъ въ кармане готовой картины коммунистическаго общества, значитъ смѣяться надъ великими передовыми борцами буржуазнаго класса за то, что они сломили феодальное иго, не имѣя никакого представленія о новѣйшемъ буржуазномъ обществѣ съ его пароходами, желѣзными дорогами и тысячью техническихъ чудесъ. Какъ разъ сто лѣтъ тому назадъ Фихте, безъ сомнѣнія, тогда самый свободный умъ въ Германіи и одинъ изъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ, набросалъ картину буржуазнаго государства будущаго, которую теперь даже юнкеры и попы отвергли бы, какъ реакціонную утопію. Поэтому сверженіе феодальнаго гнета не было буржуазной утопіей въ такой же степени, въ какой теперь сверженіе капиталистическаго гнета не есть пролетарская утопія, потому что пролетаріатъ разъ на всегда отказывается отъ того, чтобы рисовать картины того будущаго, котораго никто не можетъ предвидѣть.

Въ первомъ, какъ и во второмъ случаѣ, совершилась и совершается историческая необходимость съ неумолимой силой. Существенныя различія кроются лишь въ томъ, что быстрота, съ которой капиталистическое общество превращается въ соціалистическое, относится къ быстротѣ, съ которой феодальное общество превратилось въ капиталистическое, приблизительно такъ же, какъ скорость локомотива относится

къ скорости почтовой кареты,—и что съ капиталистическимъ гнетомъ будетъ сломленъ послѣдній гнетъ, который давитъ человѣчество.

Освободительная борьба современнаго рабочаго класса есть славнѣйшая и величайшая освободительная борьба, которую знаетъ всемірная исторія, и сотни лѣтъ германскаго позора гаснутъ передъ фактомъ, что германская соціалъ-демократія ведетъ эту борьбу въ авангардѣ.

Указатель для всѣхъ томовъ.

Жирныя цифры обозначаютъ томъ.

№ 45

Соціальная реформа или революція?

Сочиненіе Розы Люксембургъ.

Переводъ съ нѣмецкаго М. Б. Розенберга.

Эта работа извѣстной соціалъ-демократки является критикой оппортунистическаго теченія въ германской соціалъ-демократіи, извѣстнаго подъ именемъ ревизіонизма или бернштейніанства, формулированнаго словами Бернштейна: „Конечная цѣль для меня — ничто, движеніе — все“. Авторъ, разбивая доводы ревизіонистовъ, беретъ подъ свою защиту марксистскую догму и, отнюдь не отказываясь отъ соціальныхъ реформъ, предупреждаетъ объ опасности забвенія конечной цѣли — соціальной революціи. Полемическій характеръ, популярное и живое изложеніе придаютъ книгѣ особый интересъ.

Цѣна 30 коп., въ изящномъ переплетѣ 42 коп.

№ 46.

Интернаціоналъ.

(Международное Общество Рабочихъ.)

Сочиненіе Г. Іекка.

Переводъ съ нѣмецкаго А. А. Полянскаго.

Исторія Международнаго Общества Рабочихъ, основаннаго въ Лондонѣ въ 1864 г. и прекратившаго свое существованіе въ 1875 г., представляетъ огромный общественный и культурно-историческій интересъ. Организація рабочаго класса, а также его стремленія къ планомѣрной политической борьбѣ за народныя права нашли себѣ впервые выраженіе въ Интернаціоналѣ. Ознакомленіе съ исторіей этого общества, сыгравшаго такую важную роль въ политическихъ движеніяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, необходимо каждому, кто хочетъ уяснить себѣ развитіе рабочихъ партій въ европейскихъ странахъ.

Цѣна 80 коп., въ переплетѣ 92 коп.

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.